

**НОВАЯ
СИГНАЛЬНАЯ**

НОВАЯ СИГНАЛЬНАЯ

---

*Сборник
научно-фантастических
повестей
и рассказов*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЗНАНИЕ»
Москва
1963

Составитель
К. К. Андреев

КИРИЛЛ АНДРЕЕВ

Утро новой эры

Когда красный космический корабль оставляет Землю, еще окутанную снами, влажную от ночных теней, и в своем пленительном и неудержимом полете подходит к тому рубежу, который мы еще недавно считали границей нашего мира, он сам становится верхушкой нашего утра. Он мчится в великолепном свете ртутно-фиолетового солнца, которое нельзя забыть, он первый встречает завтрашний рассвет, а солнечный свет серебрит самые высокие облака, касается нежными руками вершин гор, спускается по их склонам и наконец зажигает яркие блики на башнях высоковольтных передач, на верхних окнах домов и торжествующе проходит по всей стране.

Это первые отблески, первые предвестники утра наступающей новой эры, которая станет эрой славы и победы человечества, эрой коммунизма: ведь столетия человеческой истории не считаются с календарными датами. И как началом того победоносного столетия, в котором мы живем, мы ставим рубеж великого 1917 года, так век коммунизма начинается для нас сегодня: мы слышим его прекрасную музыку, мы видим его яркий свет, мы почти можем прикоснуться к нему рукой!

Мы живем в необыкновенном и удивительно быстро меняющемся мире. Совсем недавно в нашу Вселенную пришли атомные корабли, гигантские ускорители элементарных частиц — циклотроны и синхрофазотроны, электронные машины и космические корабли. В Африке и Азии началась новая эра освобождения от колониализма. Переделка природы стала ныне массовой профессией: люди поворачивают реки, превращают пустыни в шумящие зеленые моря, создают вещества, которых нет в природе — ни на 3

Земле, ни на других планетах, ни на звездах. Люди должны так много знать, чтобы все успеть сделать! И те, кто сейчас выходит из университетов и институтов во всеоружии современных знаний, должны будут через 10—15 лет снова сесть за школьные парты: ведь одного высшего образования будет не хватать людям завтрашнего дня, и никто не захочет отставать от передсмотрящих!

Мир, в котором нам выпала высокая честь жить, сложен и противоречив, но мы знаем его лучше, чем полвека назад. Тургенев, Лев Толстой, Бальзак, Диккенс, Чехов могли прожить всю жизнь, не встретив ни одного ученого. В их представлении ученые были чудаками, обычно не приспособленными к жизни, живущими на запыленных чердаках, что-то изобретающими без видимой пользы. А сейчас профессия ученого — одна из самых массовых, ученых больше, чем почтальонов и трамвайных кондукторов. Это молодые и обычно очень веселые люди, они толпами ходят по улицам, мы встречаем их в метро, автобусах. Они много читают, много спорят, их можно увидеть на выставках, в консерватории, на поэтических дискуссиях, и они хотят читать про себя, видеть свои портреты, и сами хотят писать «о времени и о себе». Ведь наука и искусство тесно между собой связаны — или должны быть связаны! — и то и другое в конечном счете поиски нового, создание того, что не создала природа, начиная с крылатого коня Пегаса до синхротрона!

Каждый день, в бесконечных гранях каждого мгновения, мы видим подвиг строителей коммунизма: рабочих, крестьян, партийных и государственных руководителей. Но наука, ставшая ныне великой, непобедимой производительной силой, еще не стала по-настоящему достоянием всего народа. А мы хотим слышать голоса наших ученых, видеть их лица, знать их труд, их чувства, их радости, горести и победы. Но мы хотим видеть это не в декларациях и не на страницах учебников, а в живых образах людей, в перспективах гигантских трех- и четырехмерных картин будущего!

Окружающая нас жизнь, чем она ярче и многообразнее, тем с большей силой и страстностью стремится выразить себя в литературе, в искусстве. Но жизнь многопланова, мы не можем видеть ее сразу во всем ее многообразии, блеске и великолепии, сразу во всех звеньях. Мы перебираем эти звенья одно за другим, и постепенно, из переходов от одного спектрального цвета к другому рождается

радуга, от одного светочувствительного элемента катодной трубки до другого возникает образ, и с экрана, где запечатлены лишь случайные как будто ноты, льется непобеждаемая мелодия нашего века!..

Так в отдельных жанрах литературы — прозе, поэзии, драматургии, в разных ее родах отражаются лишь отдельные грани жизни. Но граненый алмаз ярче блестит на солнце, чем осколок стекла: он многогранен и создан человеческой рукой...

Фантастика как род литературы существовала всегда — просто люди не могли без нее обходиться! Быть может, ни один род литературы не отражает так гибко изменений времени. И сейчас, когда свет наступающей новой эры, зори коммунизма, уже освещают вершины гор, — победы и поражения фантастики, а тем более советской фантастики, заслуживают самого пристального внимания.

В девятнадцатом веке и первой половине двадцатого четыре первоклассных писателя создавали книги с фантастическими сюжетами. Это Теодор Амадей Гофман в Германии, Эдгар По в Америке, Роберт Луис Стивенсон с его «Странной историей доктора Джекила и мистера Хайда» в Англии и Александр Степанович Грин у нас.

Никто из них не создал школы, не вызвал к жизни нового направления, только несколько малоинтересных эпигонов появилось в разных странах. Более того, принимая как классику творчество всех этих писателей первого ранга в его сложном и богатом разнообразии, мы принципиально отказываемся от их пути. Великие классики всегда принадлежат своему времени и своему народу: они немыслимы в другой век и в иной социальной обстановке.

Однако существует добрая традиция, делящаяся целое столетие, меняющаяся вместе с самим временем. В области научной фантастики, а термин «научная» никак не применим к творчеству Гофмана, Эдгара По, Стивенсона, Грина, она чаще всего связывается с именем Жюль Верна.

Жюль Верн был великим тружеником и одним из самых образованных людей своего времени. Но в его творчестве проблема научной фантастики получила некоторый сдвиг в сторону просветительства за счет ярких картин жизни своего времени, за счет создания многогранных, многоплановых характеров героев и обрисовки социальных и личных столкновений людей друг с другом. В центре его произведений стоит научная, а точнее, инженерная проблема, рас-

крытая всесторонне и точно, что характерно для блестящей эрудиции французского писателя.

Задача, поставленная перед собой Жюлем Верном, была им выполнена и исчерпана до конца, а несколько наивная мечта его о социальном прогрессе, о торжестве справедливости, о достижении счастья «добрым согласием всех» оказалась беспочвенной. И эпигонам Жюля Верна, авторам научно-фантастических книг, оставалось лишь два пути: либо уйти в область чистых приключений, где нет места ни социальным проблемам, ни науке, либо увести научную фантастику в область популяризации.

При такой традиции, когда всякого рода фантастика сводилась к разновидности научно-популярных книг для детей, появление гигантской фигуры Герберта Уэллса должно было показаться критикам непонятным. Огромный размах его социальной фантастики, его философский оптимизм, блестяще нарисованные неповторимой кистью художника картины современной ему жизни, приводили профессиональных критиков в недоумение. Его острые политические памфлеты и «романы-предупреждения» они принимали за мрачные предсказания, усердно искали у писателя научные ошибки и не уставали его разоблачать: словно Уэллс, биолог по образованию и ученик Гексли, мог не знать, что машина времени — нонсенс, что человек-невидимка не может существовать и кейворит невозможен. Разоблачая его, они все же усердно его читали, чего он, к счастью, не делал по отношению к их трудам.

Любопытно, что оба писателя-фантаста — и французский и английский — гораздо лучше понимали друг друга.

«На меня произвел сильное впечатление ваш новый писатель Уэллс, — сказал однажды Жюль Верн. — У него совершенно особая манера, и книги его очень любопытны. Но по сравнению со мной он идет совсем противоположным путем... Если я стараюсь отталкиваться от правдоподобного и в принципе возможного, то Уэллс придумывает для своих героев самые невозможные способы. Например, если он хочет выбросить своего героя в пространство, то придумывает металл, не имеющий веса... Уэллс больше, чем кто-либо другой, является представителем английского воображения».

«Между предвосхищениями научных изобретений великого француза и моими фантазиями нет никакого литературного сходства, — писал Уэллс как бы в ответ Жюлю

Верну. — В своих произведениях он почти всегда изображал реальные возможности технических усовершенствований и открытий и сделал ряд замечательных предсказаний... Многие из его изобретений были реализованы. Мои же рассказы отнюдь не имеют в виду возможность осуществления научных гипотез; это опыты воображения в совсем ином роде...

(Такие фантазии) не ставят себе целью изобразить в самом деле возможное, их цель — добиться правдоподобия не большего, чем то, которое бывает в хорошем увлекательном сне. Они захватывают читателя искусством и иллюзией, а не доказательствами и аргументами, и стоит только закрыть книгу, как пробуждается понимание невозможности всего этого...

...Интерес подобных историй заключается не в выдумке, а в их нефантастических элементах. Сам по себе вымысел — ничто... Интересными эти выдумки становятся тогда, когда их переводят на язык обыденности и исключают все чудеса, заключающиеся в рассказе...

Социальный и художественный пафос произведений великого английского писателя состоял в яростном разоблачении капитализма, в борьбе за социальное преобразование мира, в величественных, хотя и смутных, картинах будущего общества.

Сейчас, когда социализм идет к торжеству на большей части нашей планеты, совсем по-новому ставится проблема создания научно-фантастических произведений. Вместо туманных картин — реальное будущее человечества, вместо критики капитализма в его классической форме — разоблачение «народного капитализма», борьба с фашизмом, в каких бы формах он ни проявлялся, раскрытие перед читателями всего великолепия того замечательного будущего, которое нам выпало счастье строить.

Советская фантастика вобрала в себя все лучшее, что нашло выражение в творчестве Жюль Верна и Герберта Уэллса, она с уважением и гордостью принимает это великое наследие.

Главная задача советской фантастики — не просто занимательные приключения, не популяризация полезных знаний, но раскрытие всего многообразия и прелести нашего мира, показ самого фантастического и самого великого, что только может быть во Вселенной, — человека завтрашнего дня.

Это подлинно реалистическая литература, потому что в ней изображается правда без излишеств и прикрас: горечь поражений и жестокие утраты, гибель людей, не дошедших до цели, и та радость, с которой люди торжествуют победоу, зная цену, которой она оплачена.

Советские люди жадно вглядываются в будущее, стремятся узнать, какой будет наша Вселенная в утренние часы наступающей новой эры, эры коммунизма, понять свое место в ней, увидеть новую красоту в том, что открывают нам титанические глаза телескопов и линзы микроскопов.

Это по-настоящему оптимистическая литература, потому что в ней рассказывается о прекрасном мире, где будут жить люди почти такие же, как мы! И нужно быть очень чистым, радостным и бесстрашным, чтобы быть достойным нашего времени. Конечно, то, что делается сейчас, — лишь самые первые шаги. Но залогом того, что такая литература станет вполне достойна своих высоких задач, является тот свет утра, в который уже поднялись наши космические корабли, рассвет коммунистического утра, которое очень скоро спустится со склонов гор в наши цветущие долины, ожидающие скорой и пышной жатвы.

НЕ ОСТАВЛЯЮЩИЙ СЛЕДА

— Вон она, — сказал Нибон, ткнув пальцем в голубой экран.

Андрей, впрочем, и сам уже видел планетку, известную под именем Зеленый Перевал. Как Нибон всегда торопится со своими замечаниями! Звездолет еще не вышел на свободную орбиту, но сердцем Нибон был уже на Зеленом Перевале. Он не любил ждать, он всегда находился в движении, точно спешил всюду успеть раньше всех.

— Получен сигнал от Корины, посадку будем производить по лучу.

— Тем лучше.

Андрей вылез из-за пульта и, переключив управление ракетой на автомат, лег в стартовую люльку. Нибон уже лежал рядом: под прозрачным лиловым колпаком висела войлочная шевелюра и сверкали синими белками огромные черные глаза. Смуглое лицо отливало зеленоватой бледностью. После аварии на Черном Титане Нибон плохо переносил посадку.

Им здорово пришлось попотеть на Черном Титане. Андрей на миг закрыл глаза. Перед ним встала неподвижная, гнетуще тяжелая, как свинец, планета в системе черного солнца, без единого луча света; только далекие звезды озаряли мрачные ущелья на ее поверхности. Планета вечной ночи. Андрей содрогнулся, вспоминая месяцы, проведенные там. Ну, теперь с этим покончено. Впереди заслуженный отдых. Милый сердцу Зеленый Перевал...

— Мне кажется, я вижу хозяйство Джорджа, — сказал Нибон.

— Сейчас будем дома, Нибончик, — улыбнулся Андрей. 9

И действительно, через двадцать минут оба космонавта стояли на стартовой площадке Зеленого Перевала.

Яркий свет ослепил их.

— Это тебе не Черный Титан,— улыбнулся Андрей, надевая темные очки.

— Почти как на Земле,— мечтательно сказал Нибон.

— Зелень-то какая!

— Только небо уж очень фиолетовое. Ну да что там, главное, дышать можно. Не в баллон дышишь, а как полагается живому существу, в небо, в стихию... Вот она, ширь-то! Хо, хо, хо!

Андрей закричал, и слабое эхо прокатилось по безлюдной зеленой равнине, окружавшей космодром.

— А где же Джордж? — спохватился Нибон.— Он нас не встретит?

— А зачем? У него всё киберы делают: встречают, отправляют, снаряжают, заряжают... Мы сейчас поедem к нему в домик, чай пить будем. Настоящий земной чай. Вон машина.

К ним подкатил небольшой автомобильчик с открытым верхом. Космонавты сложили в него свои вещи и тронулись.

— Хорошо, правда? — улыбнулся Андрей.

Дорога, бегущая среди густой травы, была извилистая и узкая. Ноздреватые листья шириной с ладонь хлестали путешественников по лицу. В воздухе стоял легкий аромат огромных бледно-лиловых цветов. Андрей обрывал листу, жадно нюхал и слизывал капли влаги, выступавшей на обнаженной мякоти растений.

— Какая у Джорджа узкая специальность? — спросил Нибон.

— Биофизик. Радиоволны и жизнь — вот его занятие. Возможно, мы застанем его за изобретением радиолуча, который обгонит расширяющуюся Вселенную или... А вот и Коринская башня!

Заросли кончались, и космонавты выехали в небольшую зеленую долинку.

Посреди нее стоял беленький чистенький домик и рядом серая тяжелая башня, утыканная антеннами самых причудливых форм и размеров.

В домике никого не оказалось. Космонавты прошли все комнаты от передней до спальни, Джорджа не было.

— Может, он в башне?

— Нет, вряд ли. Он бы вышел, увидев нас. Давай послушаем секретаря.

Андрей повернул рукоятку черного ящика, стоявшего в кабинете Джорджа. Сначала оттуда послышался мотив детской песенки, исполняемой хриплым басом. Затем тот же голос сказал:

— Отбываю на неделю в биозону. Возвращусь семнадцатого.

— А сегодня что у нас? — спросил Нибон.

— Сейчас узнаем, вот здешний календарь. — Андрей повертел в руках сложную таблицу и буркнул: — Не совсем ясно. Тут одних четвергов пять штук, как дома говорят, семь пятниц на неделе.

— Планетка-то вертится быстро!

— Да, только успевай оглядываться. Жорка устроил себе календарик в переводе на земной — понедельник штрих, понедельник два штриха, суббота с индексом зет. Ничего не пойму. Хотя...

Андрей задумался и вдруг радостно воскликнул:

— Ага, Джордж будет послезавтра! Вот видишь, число, обведенное синим, — день ухода, а красное — это сегодня, то есть пятнадцатое. Тут даже отмечено, что мы прилетаем. Значит, хозяин должен возвратиться через день.

— Ну, добро, давай отдыхать.

— Лучшее место для этого на крыше.

На крыше дома было уютно. Глубокие кресла с навесами хранили прохладу. Безмятежно раскачивались огромные пятипалые листья пальм, с поля доносился легкий шелест травы. С темного неба струился прохладный и крепкий, как ром, воздушный поток. Андрей почувствовал приятное головокружение.

— Хорошо, — тихо, словно про себя, сказал он и добавил громче, — как у мамы дома...

Где-то вдали послышался красивый и печальный звук, словно лопнула струна.

— Что это? — спросил Нибон.

— Возможно, птицы, хотя я их не видел в прошлый раз, — сказал Андрей.

— Да, — отозвался Нибон, — если немного напрячься, то можно даже забыть про другие... страшные миры.

Далекий звон медленно гас, вместе с ним уходил день. Ночь здесь наступала быстро, небо сразу потемнело, и стали появляться звезды.

— Трудно, наверное, здесь Джорджу одному, — сказал Нибон, разглядывая башню с антеннами в пятидесяти метрах от дома. — Я бы не смог.

Зеленая степь сделалась темно-лиловой и постепенно начала чернеть. Воздух, лившийся из темной фиолетовой бездны, стал холодным и влажным. Подкрававшаяся ночь опустила свою черную лапу. Нибон с тоской провожал взглядом узкую яркую полосу света над горизонтом.

— Так получилось, — сказал Андрей. — Вначале на Зеленом Перевале работала комплексная бригада строителей, геологов, биологов. Когда планетку освоили, бригаду перебросили в другое место, а Джордж с Марией остались здесь. Они помогали залетающим сюда космонавтам, таким, как мы с тобой, и одновременно вели большую исследовательскую работу. Все, что есть земного на этой планете, дело их рук. Вся эта зелень, плантации, деревья...

— Ты мне покажешь место, где погибла Мария? — Вопрос Нибона прозвучал в вечерней тиши, как скрытый упрек, как невысказанная обида. Кому? Неизвестно. Может быть, судьбе, может, всем людям сразу.

Андрей сочувственно посмотрел на Нибона. Все, все это было ему знакомо. Нибон второй год в космосе. Он, Андрей, седьмой. Семь лет земного времени — это очень много. Еще сравнительно недавно он, как и Нибон, тосковал, узнав, что в космосе умер еще один земной человек. Сейчас — другое. Это уже не тоска, а грусть и сочувствие тому, кто потерял друга.

Но в конце концов стоит ли сейчас предаваться грустным мыслям? Им удалось живыми вырваться из цепких лап Черного Титана. Они вдвоем на этой чудесной благоустроенной планетке, двое — здесь, один — где-то неподалеку, рядом. Нужно отдохнуть, набраться сил, подготовиться к новой тяжелой работе.

— Это далеко отсюда. В старой мангрове. Мария и Джордж разводили там плантации «камнепожирателей» и работали в скафандрах. «Камнепожиратели» очень капризные растения, но они делали слишком важное дело — переводили кислород из окислов элементов в атмосферу, и поэтому Джордж и Мария с утра до ночи ухаживали за ними. Приходилось работать одновременно в разных концах планетки, так как атмосферу нужно было создать

в короткий срок. В то время сюда залетали небольшие метеориты. Сейчас этому мешает атмосфера, тогда ее не было. Один такой осколок попал Марии в шлем, когда Джордж был далеко. Она пролежала без сознания слишком долго... С тех пор Джордж почти не покидает Зеленого Перевала. Он был несколько раз на Земле, но каждый раз возвращался сюда. Его здесь держат воспоминания и какие-то исследования, начатые еще совместно с Марией. Он мне говорил о них в прошлый раз, когда я был на Зеленом Перевале, но я ничего не понял, времени не было разобраться.

Андрей умолк, рассматривая почерневшее небо, а Нибон силился представить себе, как жилось на этой планете одинокому Джорджу. Наверное, как обычно в этих случаях, выручала работа. Большое полезное дело, нужное людям и там, далеко, на Земле, и здесь, в бескрайних космических просторах...

— Ты знаешь, — так неожиданно громко сказал Андрей, что Нибон вздрогнул, — я бы назвал Зеленый Перевал шепчущей планетой. Здесь нет громких звуков, все вокруг шелестит, шепчет, напевает, мурлычет.

— И мяукает, — едва уловимо улыбнулся Нибон. — Интересно, почему бы Джорджу не развести здесь кошек?

— Он собирается это сделать. Ищет подходящую породу. Ну что, пойдем спать?

Утро ворвалось в спальню так стремительно, словно кто-то сдернул с Андрея покрывало.

Нибон уже сидел в столовой, пил чай и рассматривал журнал космонавтов, страницы которого пестрели рисунками, фотографиями и подписями. Каждый, кто хоть раз побывал на Зеленом Перевале, оставлял в журнале память о себе.

— А вот и Джон Сириец, — сказал спокойно Нибон, показывая фотографию мужчины с орлиным носом и вьющимися волосами. — Он не вернулся с планеты Гор.

— Они ушли из жизни, Нибон, не нужно их тревожить. Налей-ка лучше чаю.

Нибон внимательно посмотрел на Андрея и молча углубился в исследование альбома.

— Этот альбом ценнейшая реликвия, — задумчиво ска-

зал он,— надо поговорить с Джорджем, пусть перефотографирует для меня. Я скажу ему сегодня.

— Ты хочешь сказать, что сделаешь это завтра?

— Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать. Зачем же придираешься к слову?

Андрей с удовольствием допил стакан чая. Нибончик умен, слов нет, но есть в нем этакое древнеегипетское, потаенное лукавство...

— Ты его видел?

— Да.

— Когда?

— Только что.

— Почему же он не здесь? Он что, прячется от нас?

Нибон молча пожал плечами.

— Я увидел из окна, что по двору идет мужчина, и окликнул его. Он обернулся, и я узнал Джорджа. Он помахал рукой и сказал, что сейчас будет здесь.

— Где же он?

— В башне.

— Нет, ты ошибся, я здесь! — раздался громкий голос, и в проеме окна появилась улыбающаяся загорелая физиономия Джорджа.

— Привет, друзья!

На окно легла тонкая рука с розовыми ногтями, за ней другая, прыжок — и Джордж стоял в комнате. Он был высок, с широкой грудью и тонкими легкими ногами. Одетый в цветастую куртку и короткие брюки, он напоминал скорее беззаботного курортника, чем хозяина планеты Зеленый Перевал, отягощенного сложным и большим хозяйством.

— Тебе двери стали не по вкусу? — улыбнулся Андрей. — Знакомься — Нибон, мы с ним сидели на Черном Титане.

Джордж сделал приветственный жест и, не заметив протянутой руки Нибона, подошел к креслу. Сел, ноги крестом, руки на коленях.

— Итак, друзья,— начал он торжественным тоном,— хочу вас предупредить, что космонавты на этой планете должны чувствовать себя как дома, на Земле.

— Спасибо. Если б сюда еще те несколько миллиардов, которые населяют нашу старушку,— заметил Нибон.

— Им пришлось бы спать стоя,— парировал Джордж.

Нибон, как всегда, прав. Главное, что угнетает на этой

очаровательной планете,— безлюдье. Люди, милые люди, с их смехом и слезами, любовью к прекрасному, с их упорством и даже с их ссорами! Как далеки они от нас...

Джорджу, видно, что-то пришло на ум, по лицу его пробежала легкая гримаса.

— Удивительно,— сказал он.— Удивительно. Совпадают не только мысли, совпадает формирование самых скрытых ощущений. Насколько мы все же одинаковы! Я думал об этом. Вселенная должна быть заселена людьми. Одни космонавты — этого мало. Нужны люди, везде, много людей. Люди справа и слева, спереди и сзади, на всех планетах, на всех астероидах, на больших метеоритах и даже на звездах.

Нибон с интересом посмотрел на него. Андрей открыл и закрыл рот, так ничего и не сказав.

Они помолчали. Вдруг Джордж встал и выпрыгнул в окно. Андрей видел, как его сутуловатая спина проплыла к башне. Нибон подошел к окну и, глядя вслед Джорджу, сказал:

— Пять лет одиночества — это все же большой срок, как ты думаешь?

— Ну, он не совсем одинок, у него постоянно бывают гости, вроде нас с тобой.

Внезапно Нибон вскрикнул, указывая на что-то в глубине двора. Андрей бросился к нему.

— Что случилось?

Нибон провел рукой по лицу, словно отмахиваясь от навязчивой мухи.

— Ничего. Мне показалось...

В комнате раздался чистый, спокойный голос Джорджа:

— Друзья мои, я нахожусь в башне. Заходите проводить меня, заходите сейчас или в любое время. У меня есть кое-какие научные новинки для вас.

В башне Корина царила атмосфера большой радиотехнической лаборатории. Андрей про себя отметил образцовый порядок и чистоту в помещении. Сверкали синие глазки сигнальных ламп, трудолюбиво жужжали генераторы, скрытые ослепительно белыми стендами.

Сам Джордж находился на верхнем этаже. Андрей разглядел его подметки сквозь узор перекрытия.

— Поднимайтесь сюда, ко мне! — закричал он сверху.— Лифт работает.

Верхний этаж башни представлял собой круглую пло-

щадку с решетчатым полом. Окно стеклянным кольцом охватывало башню. Под окном причудливыми зигзагами рассыпались сотни кнопок пульта управления.

Кроме Джорджа, на площадке находилась странная подвижная конструкция, напоминающая осьминога. От веретенообразного тельца, поставленного на колесики, отвешивалось множество тонких и толстых щупалец. Механический осьминог катился вдоль пульта, на ходу нажимая на кнопки.

— Мой робот, — улыбаясь сказал Джордж. — Джими, познакомься с нашими гостями.

Джим подкатил к Нибону и протянул ему лез своих рук.

— Придется пожать все, иначе обидится, — сказал Джордж.

Андрей с отвращением перещупал холодные крючки и мологочки Джима.

— Неприятно, что слепой.

— У него были глаза. Красные. Но перегорели лампочки, а мне недосуг вставить новые.

Нибон достал пачку с сигаретами и внезапно швырнул одну сигарету Джорджу.

— Лови, закуривай!

С быстротой молнии рука Джима перехватила ее.

— Благодарю. Бросил курить, — улыбаясь, сказал Джордж.

Нибон понимающе кивнул головой.

— Так в чем же заключаются твои научные новинки? — спросил Андрей.

— Для вас это, конечно, не новинки. Вскоре после твоего первого приезда на Зеленый Перевал сюда доставили кибернетическую машину из Управления логических резервов. Вот она.

Джордж махнул рукой, указывая вниз, где сквозь решетку поблескивали металлические перегородки стендов.

— Наверное, старье какое-нибудь? — небрежно заметил Андрей.

— Нет, почему же? Она отлично работает, — сказал Джордж, и Нибону показалось, что в его голосе прозвучала обида. — Эта машина мой единственный друг, больше, чем друг. Она мой мозг и моя душа.

— Ну, ну, — с недоумением забормотал Андрей.

— Да, это, конечно, большое приобретение для Зеленого Перевала,— заметил Нибон.

— Еще бы. Ты же знаешь, сколько биологических проблем мне осталось в наследство от Марии. Дело не только в том, чтобы планета стала похожей на Землю. Она должна стать лучше Земли. Здесь нужно создать самые оптимальные условия для жизни человеческого организма. Мне приходится вести огромную работу по селекции растений. И вот в связи с этим...— Джордж немного подумал,— и многим другим у меня есть несколько вопросов, которые хотелось бы выяснить с вами.

— Давай, если мы сможем помочь.

— Видишь ли,— начал Джордж немного неуверенно. Он казался смущенным.— Мне иногда кажется, что я забыл или просто не знаю самых элементарных вещей в биологии. Вот, например, биологическое бессмертие... Все растения, выведенные мной и Марией, погибнут, но потомки этих растений дадут жизнь новым поколениям и так далее. Но для такого бессмертия всегда нужны два растения или хотя бы два цветка, мужской и женский, но всегда два, понимаешь. Две природы, два пола, одним словом, две какие-то противоположности, слияние которых рождает новую сущность. Ну а если существует одна сторона, один пол, как ему обеспечить свое бессмертие?

Нибон молча пристально рассматривал Джорджа, Андрей удивленно поднял брови.

— Ведь существует вегетативное размножение, когда каждая часть организма может послужить зародышем будущего растения,— сказал он.— Воткни черенок в почву, и вырастет нечто как две капли воды похожее на родителя. Конечно, вегетативное размножение не может продолжаться до бесконечности, так как наступает вырождение. Но возьмем, например, бесполое размножение микроорганизмов. Простое деление клетки приводит к практическому бессмертию всех простейших.

Джордж как-то всколыхнулся, беззвучно хлопнул себя по лбу и рассмеялся. Андрею этот смех показался деланным. Нибон неподвижно наблюдал за хозяином Зеленой Планеты.

— Да, это все так. Действительно, деление, простое деление ведет к бессмертию. Что это я, все перепутал! Правда, у меня другие были идеи, но все же...

Он умолк, словно окончательно сбившись с толку. И вдруг совершенно спокойно сказал:

— Пора завтракать, все нужное вы найдете в моей столовой.

Он, кажется, нас выпроваживает, с удивлением подумал Андрей.

— Ты пойдешь с нами?

— Нет, я сегодня на диете. И вообще, ребята, вы не обращайтесь на меня внимания. У меня много срочной работы, а вам нужно отдыхать. Будьте как дома.

— Слушай, Корин,— сказал Нибон, подходя к Джорджу,— если мы тебе мешаем, скажи об этом прямо.

Он поднял руку и опустил ее на плечо Джорджа. Тот быстро уклонился от прикосновения и отошел к окну.

— Откровенно говоря, друзья, я не смогу уделять вам много внимания.

— В чем дело, Джордж?

— Я задумал и подготовил эксперимент, блестящий, невиданный еще эксперимент. Если он удастся, то имя Джорджа Корина загремит по всем планетам. Я не могу о нем рассказать. Пока это тайна. Эксперимент и для меня был тайной до сегодняшнего дня. Но вот ты, Андрей, сейчас произнес то слово, которого мне так давно не доставало, теперь я знаю, что надо делать. Я знаю, где мой путь!

— Пожалуй, пять лет одиночества действительно много. Даже на Зеленом Перевале,—уныло сказал Андрей, потягивая кофе.— Что ты там видишь?

Нибон стоял у окна. Он следил за башней Корина.

— Полчаса назад Корин со своим «автопауком» уехал на вездеходе к ракетодрому. Они оставили дверь в башню открытой, а я пошел и захлопнул ее...

— Зачем ты это сделал?

— Не знаю.

Нибон что-то знает или предчувствует. Хотя он всегда такой. Даже если он ничего не знает, он производит впечатление человека осведомленного. Когда он знает одну сотую, у него вид всезнайки. Если ему известна половина, он высокомерен, как энциклопедический словарь.

— Иди-ка сюда,— позвал Нибон, и Андрей увидел, как из вездехода легко выпорхнул Джордж, а за ним, цепля-

ясь щупальцами за дверцы, сполз Джим. Робот был нагружен ящиками.

Джордж оцепенело остановился перед закрытыми дверями башни. Джим сложил ящики и потянулся тонким длинным щупальцем к замку. Дверь распахнулась, и робот с урчанием вкатился в темный прямоугольный вырез. Джордж вошел следом.

— Ну и что?

— Ничего,— ответил Нибон и пожал плечами.— Пойдем сейчас гулять в степь?

— С удовольствием!

Степь на Зеленом Перевале напоминала аккуратно подстриженный газон городского парка. Андрей бодро топтал упругую, как резина, зеленую травку.

— Первый признак психического расстройства — боязнь человеческого общества, стремление уйти от любого общения,— равнодушно говорил Нибон, шагавший впереди.

— Мне не верится.

— Второй признак — это мания грандиоза. Непрерывное ожидание величия, которое должно опуститься с небес для поощрения гениальных способностей.

— Мне не верится.

И вдруг они наткнулись на Джорджа.

Корин возник перед ними так внезапно, что Андрей едва подавил в себе восклицание. Как они могли его не заметить на этом плоском, как гладильная доска, поле?

Джордж стоял, слегка покачиваясь и вращая головой. Глаза его остановились на космонавтах, направляющихся к нему. Что-то похожее на смещение и растерянность отразилось на его лице. Он повернулся спиной и стал быстро удаляться.

— Джордж!

Корин молча ускорил шаг.

— Джордж, стой!

Корин вихрем мчался к башне.

— погоди, Андрей,— спокойно сказал Нибон.— Посмотри, как он бежит.

— Как?

— Он не мнет травы. От него не остается следов. Он бежит по воздуху.

— Ты с ума сошел!

— Слишком много сумасшедших для такой маленькой планеты...

Корин скользил по траве. Ни одна травинка не колыхнулась под его ногами.

Андрей протер глаза:

— Я не любитель внеплановых чудес.

— И я тоже. Нужно переговорить с Джорджем начистоту. Эти мне еще бегущие по волнам, не оставляющие следа, обгоняющие время...

— Слушай, Ниб. Мне иногда кажется, что ты знаешь про Джорджа больше, чем я. Вернее, подозреваешь его в чем-то. Я не претендую на полную откровенность с твоей стороны, но все же...

— Могу тебя уверить, что мне ничего особенного не известно. Меня мучают разнообразные предположения, но я боюсь давать им волю.

— Какие?

— Видишь, вначале я попросту решил, что он свихнулся. Прыгает в окна, не помнит элементарных вещей по биологии, боится людей, боится действий и так далее. Но сейчас я ничего не понимаю. Сумасшедшие не бегают, как ангелы. Смотри, он исчез в своей башне.

— Как странно он проник в нее! — воскликнул Андрей. — Мне показалось, что он вошел, не открывая двери.

— То же самое мне показалось еще сегодня утром, — задумчиво сказал Нибон.

Когда они подошли к башне, дверь оказалась закрытой. Нибон ударил несколько раз по филенке, глухой звук загудел, поднимаясь вверх по зданию.

— Джордж!

Молчание.

— Джордж! Корин!

Никого.

Они вернулись в свой домик, обозленные и разочарованные. Сидя в спальне Андрея, пытались проанализировать положение. Много горячих и страстных слов было произнесено, но все по-прежнему оставалось загадкой. Нибон разделил странности Джорджа на две группы — физические, видимые, и логические, умственные. Первые казались ему неоспоримыми, в существовании вторых он сомневался. Андрею, наоборот, многое в поведении Джорджа не казалось странным, но способ его рассуждений вызывал опасения. И главное, этот Джордж чем-то неуловимым отличался от того Джорджа, которого знал Андрей.

— Чем? — допытывался Нибон.

— Не знаю, не знаю,— говорил Андрей,— но это не тот Джордж, которого я знал.

Какое-то движение в комнате заставило их замолчать. В дверях стоял Джордж. Он прошелся мягкими бесшумными шагами и сел напротив Нибона. Какая знакомая, привычная поза! Ноги крестом, руки на коленях. Андрей с жадностью всматривался в его лицо. Нибон со свирепым сопением тянул воздух сквозь раздувшиеся ноздри.

— Джо, нам нужно объясниться,— сказал Андрей.

Джордж молча рассматривал их, потом страдальчески свел брови на лбу:

— Да, я знаю, я должен многое вам объяснить, но не смогу этого сделать до конца. Поэтому прежде всего я хочу, чтобы вы не задавали мне лишних вопросов. Все, что смогу, я скажу. Но не больше. Вы видите перед собой не того Джорджа, которого ты знал, Андрей. Я — Джордж и не Джордж. Я сохраняю его телесную видимость, но несу в себе более высокое качественное состояние материи. Джордж — ниже, я — идеальнее его, и поэтому намного выше. Соотношение между мной и Джорджем — это соотношение между мозгом человека и обезьяны.

— Что ты этим хочешь сказать?

Андрей вскочил со своего места.

Молниеносное движение,— и Джордж выскользнул из спальни. Когда Андрей влетел в столовую, она была пуста.

— Наверное, он действительно намного совершеннее прежнего Джорджа,— сказал Нибон, входя следом,— он способен исчезнуть из комнаты, где закрыты окна и двери.

— Это наваждение какое-то,— возбужденно говорил Андрей,— ну, я понимаю, чудовища на чужих планетах, но это ведь свой, земной человек.

— Пожалуй, он уже не земной, а небесный. В нем так мало материального...

— То есть как?

— Мне просто кажется, что человек из мяса и костей не может двигаться так быстро.

— Ты думаешь...

— Ничего, пока ровно ничего. Мне только кажется, что ты напрасно его спугнул.

Андрей курил сигарету за сигаретой. Он нервничал и был очень раздражен.

— Все дело в башне,— сказал он.— Ты знаешь, что я

сделаю? Я пойду туда, выбью дверь, возьму Джорджа за глотку и заставлю его рассказать все как есть.

— Если его вообще можно взять рукой за глотку, — в раздумье ответил Нибон, — в чем я сомневаюсь. И еще — тон Джорджа не внушает мне особенного доверия. Неизвестно, какая опасность ожидает нас при следующей встрече с Джорджем. Нужно быть осмотрительными.

— Нет, пойдем сейчас. Откладывать нельзя. Я думаю, что здесь, на этой планете, произошло какое-то несчастье... Нужно разобраться. Здесь что-то не то. Надо действовать.

Когда они вышли из домика, было темно. Сгустившиеся черные тени скользили по горизонту. Башня Корина с освещенными изнутри окнами казалась зловеще таинственной. Тяжелое предчувствие сдавило Андрею горло. Медленными шагами приблизились они к башне. К удивлению космонавтов, двери ее оказались открытыми. Нибон смело вдвинулся в яркую полосу света и прошел в здание. Андрей последовал за ним. В коридоре горели яркие лампы, лифт был пуст.

По-прежнему из-за стальных перегородок доносились неутомимые голоса генератора: «мозг» Джорджа напряженно работал. Андрей посмотрел вверх. Сквозь решетчатый переплет ничего не было видно.

— Поднимись туда, — сказал он Нибону, — а я пошарю здесь внизу.

Нибон вошел в лифт и, нажав кнопку, поднялся на верхний этаж коринского помещения. Никого. Джим, похожий на большого комнатного паука, дремал в углу, свесив свои многочисленные щупальца и усики.

— Андрей, здесь никого нет! — крикнул Нибон, склоняясь вниз. В то же мгновение он почувствовал, что кто-то крепко обхватил его.

Андрей снизу видел, как лицо Нибона исказилось в чудовищной гримасе, что-то темное промелькнуло в полупрозрачном полу, и все стихло.

Через несколько секунд он уже стоял на месте Нибона. Верхний этаж был пуст. Бессмысленными многоточиями смотрели на него кнопки пульта управления. Задыхаясь от ярости, Андрей ударил ногой по белым и черным точкам. Монотонный гул кибернетической машины прорезал раздраженный рев. Так воют аварийные самолеты.

Часть пульта отвалилась, и из темного отверстия появился Джим, направив все свои щупальца на Андрея.

Встреча с обозленным роботом не предвещала ничего хорошего. Андрей метнулся к лифту, но кабины не было на месте. Не раздумывая, Андрей скользнул по стальному тросу вниз. Сзади жадно клацнули стальные руки Джима.

Ослепший от бешенства Андрей выбежал из башни в ночную тьму.

Потом он направился к ракете.

Здесь, за несколько часов, Андрей подготовил себя к борьбе со всеми фокусами Корина. Он надел костюм для космических работ, вооружился плазменным автоматом «солнечный луч» и специальным радиоустройством, которое он предназначал для Джима. Маленький черненький ящик, висевший на шее Андрея, излучал радиоволны огромной мощности и мог расстроить работу любой принимающей и передающей аппаратуры. Несомненно, такая аппаратура была вложена в Джима. Вот повертится проклятый металлический осьминог под обстрелом радиоволн!

«Солнечный луч» — верное оружие космонавтов. На расстоянии до пятидесяти метров из пистолета выбрасывается ослепительная сверкающая игла. Она пронизывает любую горную породу, любой материал. После прикосновения иглы остается щель с оплавленными краями. Таким лучом можно разрезать планеты.

Когда Андрей приблизился к владениям Джорджа, во дворе никого не было. Космонавт решил обследовать сначала домик. Тяжело ступая коваными подметками, он обошел все комнаты. Со вчерашнего вечера здесь ничего не изменилось. Пачка сигарет лежала на столе, небрежно брошенная куртка Нибона висела на кресле. Андрей присел у окна, направив радиопистолет и «солнечный луч» на двери башни.

Ждать ему пришлось долго. Никто не показывался, и Андрей уже решил сам войти в башню. Он встал, вышел из дому; в тот же момент из двери башни выехал Джим и с тихим урчанием пополз к Андрею. Вслед за Джимом в дверях появился Джордж и остановился, прислонившись к двери.

— Послушай, Джо,— торопливо сказал Андрей, косясь

одним глазом на подъезжавшего робота,— я не понимаю, что тут происходит. Я многого не понимаю. Но ты бы мог, черт подери, по старой дружбе объяснить мне, в чем дело... Что с тобой, Джордж? Почему ты напал на Нибона? Где Нибон? Он жив? Да убери ты этого паука наконец!

Джим покорно остановился.

— Пожалуй, я тебе объясню,— заговорил ровным голосом Джордж.— Я осуществляю программу своей жизни, своего существования. Как тебе необходимо есть, дышать и спать, так же мне для того, чтобы жить, необходимо произвести ряд операций. Все, что стоит на пути осуществления этой программы, я убираю.

Андрей посмотрел ему в глаза. И многие нелепые догадки и туманные ощущения, жившие в душе Андрея, превратились в уверенность. Взгляд Джорджа был страшнее, чем взгляд безумца. В нем не было ничего человеческого. Андрей ощутил тяжелый давящий страх перед бездонной пропастью в глазах Джорджа. Несомненно, этот Джордж был смертельно опасен для всего живого на планете.

Ужас, проникший в сердце Андрея, заставил его руку сделать бессознательное движение: пальцы легли на рукоятку «солнечного луча».

И в тот же миг притихший Джим, раскинув веером шупальца, бросился к Андрею. Еще секунда — и робот спеленал бы его стальными объятиями. Но Андрей нажал кнопку, и Джим, крикнув, застыл в оцепенении.

Джордж, стоявший у двери, сделал какое-то суетливое движение. Движение Джорджа было поразительно, чудовищно странное. Часть его тела вошла в стену, как отрезанная, а другая часть выступала из стены наподобие барельефа. Андрей мог разглядеть все подробно. Он оцепенел от неожиданности. Удивление Андрея, казалось, забавляло хозяина Зеленого Перевала.

Андрей почувствовал, как вспотели ладони в перчатках и пересохло в горле. Джордж молча улыбался. Космонавт видел морщины на его лице, блеск слюны на белых зубах, глубину прозрачных светлых глаз, но не мог поверить, что перед ним человек. Обыкновенный человек из плоти, из крови, кожи и мышц.

24 Наваждение. Дьявольщина. Мистика. Забыв обо всем, Андрей с криком ринулся к Джорджу. Он схватил его, но

почувствовал, что руки погружаются все глубже и глубже, пока ладони не соединились вместе где-то в теле Джорджа. Джордж был тут, он стоял перед Андреем, но схватить его было невозможно. Джордж был неосятним.

Когда голова Андрея упала на грудь Джорджа, она вошла в нее легко, как пуля в масло, ее словно засосало туда. В этот миг Андрей перестал различать все вокруг. Ему показалось, что он попал в молочный шар. Радужные веера рассыпались перед его глазами, странная тяжесть сдавила ему виски. С большим усилием он отпрянул назад, выдернув голову из вязкого, как патока, туловища Джорджа. Все восстановилось. Он снова видел двор, башню с антеннами, остатки Джима на траве, яркое фиолетовое небо и по-прежнему улыбающегося Джорджа.

— Успокойся, — сказал Джордж.

И здесь Андрей впервые заметил, в чем отличие этого Джорджа от того, которого он знал раньше. Звук его голоса шел не изо рта, а со стороны. Сейчас голос его звучал откуда-то из башни, словно там был спрятан суфлер. Вот в чем разница: голос Джорджа был где-то в стороне от его... трудно назвать это привидение телом. Это скорее изображение тела.

Как ни странно, Андрей вдруг успокоился. Когда много чудес, они перестают быть чудесами и не волнуют. В конце концов, решил про себя Андрей, эта противоестественная галиматья должна найти свое объяснение. Самое главное сейчас — Нибон.

— Итак, — сказал Джордж, — ты смог убедиться, что я намного выше того Джорджа, который был твоим другом. Но благодаря его привычке, я еще питаю к тебе дружеские чувства. Хотя инстинкт самосохранения подсказывает мне, что эти чувства, очевидно, придется пересмотреть. Этот же инстинкт подсказал мне необходимость изолировать твоего друга. Ты можешь не волноваться, Нибон сейчас в безопасности. Но и повредить мне он не может. Что касается меня, то я не человек. Вернее, я человек, но в более чистом рафинированном виде. Я очищен от всего низменного и животного.

Я представляю собой экстракт из всего умственного и духовного, что есть в человеке. Перефразируя известное, могу сказать: я человек, но все человеческое мне чуждо, если под человеческим понимать набор мелких животных слабостей, как это обычно принято. Я не материя-

лен в обывательском понимании этого слова. Как ты смог убедиться, для меня не существует тех преград, которые страшны для людей. Мне не нужен воздух, не нужна пища, мне не страшна высокая температура, я владею любой скоростью движения, от световой до нуля. Я мог бы сказать, что я — бог, но до сих пор была одна причина, которая ограничивала мое могущество. Эта причина — бессмертие.

Андрей слушал тираду Джорджа со смешанным чувством отвращения и удивления. Перед ним был не сумасшедший Джордж, а сошедшее с ума привидение, каким-то чудом принявшее облик Джорджа. Значит, нужно слушать и постараться понять, в чем жизненная сила этого привидения. Джордж между тем продолжал разглагольствовать.

— Вчерашняя беседа с вами позволила мне установить тот факт, который раньше не был вложен в мою память. Я знал, что бессмертие заключено в непрерывном размножении, в захвате нового пространства. Я решил по-своему использовать этот биологический принцип, очистив его от вашей земной скверны. Сегодня ты станешь свидетелем того, как отсюда во все концы космоса двинутся бессмертные, неошутимые и непобедимые образы Джорджа. С маленькой планеты Зеленый Перевал сделает свои первые шаги великая цивилизация неошутимых. В своем завоевании космоса мы пойдем гораздо дальше людей, нам ведь не страшны никакие материальные преграды. Постарайся успокоиться, в противном случае я изолирую и тебя.

Джордж повернулся и удалился в башню. Андрей вошел в домик, сбросил тяжелый и неудобный скафандр и сел напротив окна, выходящего во двор. Он рассматривал башню, тяжелую и мрачную, как статуя древнего идола, громоздящуюся на фоне ясного неба, и думал о том, как бороться с Джорджем. Что может ощутить неошутимка? Где его уязвимые места?

Андрей пытался рассуждать логически. Только что пережитое волнение мешало ему это сделать.

Значит, Джордж — это не Джордж, а какой-то призрак, неошутимка. Но он обладает властью над материальными телами: командовал Джимом, напал на Нибона. Схватить его невозможно. Убить его нельзя. Но и сам он тоже ведь не может ни схватить, ни убить. Он не материален, в этом его сила и в этом его слабость. Раньше

у Джорджа был Джим, покорный робот — слуга, лаборант, помощник и друг. Сейчас Джим надолго парализован. Значит, у Джорджа нет материальных рук. А следовательно, он безоружен и беззащитен против такой материальной единицы, как Андрей. Но, может, у Джорджа остались братья Джима? Сторукие чудовища, этакие автоматические опричники новоявленного бесплотного диктатора!

Еще раз надо все внимательно обдумать и взвесить.

Между тем, у окна перед домом снова возник Джордж. Теперь ему не нужно было бояться чужих глаз. Он перестал церемониться с Андреем, все равно тот уже знал его тайну.

Джордж возник прямо из стены башни и повис в нескольких метрах над землей. Он сделал приветственный жест рукой Андрею, высунувшемуся из окна. Яркое освещенный дневным светом, он напоминал канатоходца над ареной цирка. Внезапно Джордж стал раздуваться, как игрушечный шарик. Постепенно он потерял облик человека, превратившись в огромный сверкающий мяч. Джордж исчез. На его месте висел трепещущий разноцветный глобус. На поверхности глобуса шло непрерывное движение. Белые, черные и цветные точки и пятнышки в замысловатом хороводе скользили вправо и влево, вверх и вниз.

Затем глобус сплюснулся, растянулся и превратился в веретено. Оно лопнуло посередине, и возникли два новых шара. Их образование сопровождалось громким хлопком, с антенн на башне посыпались большие, с кулак, голубые искры. Оба шара дрожали и расплывались, меняя свои очертания. Снова хлопок, и в воздухе повисли два новых Джорджа. Казалось, они очень обрадовались своему «рождению». Призраки жали друг другу руки, хлопали по плечам и улыбались. Затем они вдвоем стали дуться и превратились в цветастые переливчатые шары. Через несколько секунд из этих шаров на свет появились четыре новых Джорджа.

Понятно, подумал Андрей. Призраки реализуют программу захвата пространства. Джорджи размножаются. Начинается большое наступление неощутимых, невещественных Джорджей.

Посмотрите на них. Совсем как люди. Улыбаются друг другу, прохаживаются. Но они ничего не говорят, я не слышу звуков.

Ах вы, поганые мыльные пузыри! Неужто вы действи-

тельно хотите захватить планету, вселенную, космос? Неужто прекрасный мир будет набит этими псевдо-Джорджами, этой тенью человечества?

Смотри, они, кажется, спортом занимаются. А зачем спорт призраку? Нужна ли физкультура сатане? Может, у них и чувства есть? Может, они умеют плакать, а может, и влюблены друг в друга? Или в свою идею — пан-Джорджизма...

Но они не все равноценны. Некоторые настолько остолбенели и неподвижны, что их умственные способности вызывают сомнение. Зато другие самодовольны, как конфетансье. Ох, худо мое дело, ведь они плодятся, словно инфузории.

Между тем Джорджей становилось все больше. Они заслонили от Андрея башню, и только по вспышкам на антеннах космонавт догадывался, что идет интенсивное размножение. Спины, лица, животы и ноги Джорджей проплывали перед лицом Андрея. Космонавт видел, как отдельные призраки группами по три взлетали высоко вверх и там словно таяли.

В космос отправились! — комментировал про себя Андрей. А вдруг они наткнутся на какой-нибудь планетолет. Что будет? Останавливаться людям? Ловить человеческое тело?

Андрей представил себе всю невероятную путаницу и осложнение в жизни космонавтов, которое вызовет появление Джорджей в космосе.

Нет! С этими мыльными конкистадорами надо бороться! Их надо уничтожать.

Мысли пронеслись быстрее светового луча. Где же выход? Где самое слабое место неощутимки? Где ахиллсова пята этих призраков?

Если перед ним не Джордж, а призрак с его обликом, то где же... сам Джордж? Где то материальное тело, которое двигалось, дышало и работало на планете Зеленый Перевал?

Возможно, конечно, что опыты Джорджа привели к какой-то катастрофе, в результате которой сам Джордж погиб и возникли эти звуко-водо-газопроницаемые поганки. А может быть... Но может быть все, что угодно, и только проверка, эксперимент даст ответ.

Один из Джорджей отделился от группы призраков, подлетел к Андрею и, просунув голову в комнату, спросил:

— Каково впечатленье, а?

И все призраки в воздухе и на земле одним голосом повторили:

— Каково впечатленье, а?

В этом единстве было что-то смешное.

— Тяжелое! — сказал Андрей, сердито улыбнувшись.

— То ли еще будет, — многозначительно подмигнул Джордж и скрылся.

Была ли это угроза или хвастливое обещание? Андрей вдруг совершенно отчетливо понял всю нелепую сказочность момента. Обычные представления и привычки становились зыбкими и расплывчатыми. Даже для бывалого космонавта, познавшего условность земных понятий и ограничений, происходящее было слишком, до раздражения, нереально. Тревожная неясность, предчувствие чего-то еще более нелепого, висела в воздухе.

И в то же время... Андрей не мог точно определить этого ощущения, но лучше всего подходило слово искусственность. Очень уж неестественными выглядели на фоне фиолетового неба, в ярких лучах света Джорджи-призраки, особенно для того, кто знал истинную их сущность.

— Дурацкая комедия, — пробормотал Андрей.

Ему хотелось протереть глаза и уйти из сна, где взбесившийся чайник бежит по улицам за прохожими и, фыркающая, обдаст их кипятком.

Но нельзя было уйти из сна, оставив там Нибона. Да и Джордж... Что с ним случилось? Все слишком неясно.

Нужно идти в башню. Механических братьев Джима, если они есть, можно парализовать в одно мгновение. А больше ему никто не страшен.

В дверях он наткнулся сразу на двух Джорджей и смело прошел сквозь них. Это оказалось не так просто. Проникнуть в призрак было легко, он засасывал как тряпина, но так же, как тряпина, не выпускал своей жертвы. Андрей, попав левой половиной тела в туловище призрака, не мог из него выбраться, пока не сделал резкого движения. Второго Джорджа он преодолел с разбега. Прием оказался удачным — Андрей не почувствовал никакой задержки, была только яркая вспышка в глазах.

Выбежав во двор, Андрей остановился, пораженный. Все пространство между домом и башней было заполнено Джорджами. Толпа призраков тянулась далеко до самого

горизонта. Одни Джорджи небольшими группами проплывали над головами других, сидящих внизу, на траве. И хотя это были все те же Джорджи, в одинаковых куртках и брюках, уже немного надоевшие космонавту, Андрей почувствовал, что они стали иными.

Он обратил внимание на их суетливые, даже как будто нервные движения. Призраки чем-то возбуждены и взволнованы. Одни торопливо уносятся вдаль, другие застыли в беспомощной неподвижности, растопылив руки и быстро-быстро, как волчок, вращая головой. Среди них появился ребенок, или, вернее, «микро-Джордж». Это был призрак, как две капли воды похожий на большого Джорджа, — миниатюрная безукоризненно верная модель. Кроме маленького Джорджа, Андрей различал в толпе несколько крупных экземпляров.

Вот в чем дело! Призраки стали расслаиваться. Среди них появились титаны и карлики и, кажется, они были не в лучших отношениях. Андрей видел, как большой Джордж как бы случайно столкнулся с Джорджем обычных размеров и последний судорожно извиваясь, точно пытаясь освободиться, прилип к нему. Андрей с изумлением взирал, как призрак у него на глазах худеет и ссыхается до размеров годовалого ребенка. Наконец, Джордж большой, невероятно раздувшийся, стряхнул Джорджа-карлика со своей ладони и, важно раскачиваясь на огромных ногах-столбах, подошел к следующему Джорджу. Тот испуганно шарахнулся от него в сторону.

Они засасывают друг друга. Ай да пан-Джорджия! Что с тобой станет? — подумал Андрей.

Призраки-гиганты бродили среди своих собратьев, как мамонты в траве. Наиболее мощные из них группировались почему-то вокруг башни, словно их удерживали там невидимые цепи.

Чем больше становился призрак, тем легче он поглощал других. Такому призраку уже не нужно было даже прикасаться к своим собратьям, их притягивало к нему, как магнитом. Призраки-карлики взвивались в воздух, словно осенние листья, гонимые бурей. Они припадали к спине, голове, ногам титана и... исчезали. А титаны росли и росли. Некоторые из них достигали тридцати метров высоты. Цепная реакция взаимного поглощения охватила всех Джорджей. В воздухе разразилась буря. Сильный порыв ветра сбил Андрея с ног. Сражение шло уже между при-

зраками-великанами. Но вряд ли это можно было считать сражением. Андрей не мог назвать здесь ни нападающих, ни обороняющихся. И те и другие, казалось, находились в недоумении и растерянности. Вот случайным движением один задел другого, оба сцепились, — хаопок! — и один из них исчез, а другой увеличился. На лице мгновенно пополневшего Джорджа было такое же растерянное выражение, как и у только что проглоченного собрата.

Огня при слиянии великанов не было, но воздушная волна несколько раз отшвыривала Андрея, пытавшегося возвратиться в домик Джорджа. Непрерывное мелькание, глухие удары, словно с большой высоты на почву бросали мешки с песком, завывание ветра, уханье соединяющихся Джорджей напомнили Андрею извержение на Черном Титане.

Курортная планетка, ничего не скажешь, саркастически усмехнулся космонавт. Он приподнялся на локтях, чтобы ползти, но в этот момент плазменная горелка «солнечный луч», висевшая у него на шее, соскользнула и покатилась к башне. Там у башни стоял последний Джордж. Хотя правильнее сказать, что башня Корина стояла возле этого Джорджа, так как она была не на много выше его коленей.

Джинн! Багдадский вор! Насреддин в Бухаре, старик Хоттабыч! — шептал Андрей, пристально наблюдая за горелкой.

Сначала она медленно волоклась, цепляясь стволом за неровности почвы, затем перевернулась и вошла в ботинок Джорджа так же, как туда проникали Джорджи-карлики. Вместе с нею туда же провалился огромный булыжник, лежавший у входа во владения Джорджа.

Андрей увидел, что все сравнительно небольшие предметы, расположенные вблизи этого Джорджа, исчезают в нем. К призраку неслись камни и бумага, по воздуху плыли травинки и листья, облако серой пыли окружало его гигантские ботинки; все, что было не закреплено, не прибито, не привязано, двигалось к великану. Казалось, что он работает, как огромный пылесос, втягивая в себя сор, пыль, песок и камни.

«Как бы он меня не того», — подумал Андрей. Его опасение подтвердилось. Джордж шагнул вперед, и в тот же миг словно облако с небес рухнуло на Андрея. Чавкающий звук, красные, синие, желтые искры — и мощный тол-

чок поднял Андрея над землей, за которую он цеплялся руками. Затем его перевернуло и понесло вверх ногами по невидимой спирали. Космонавт плыл в радужном тумане. Состояние немного напоминало перегрузку. Сильная тяжесть сдавливала все тело. Кровь лихорадочно билась в висках. Было жарко.

Достигнув невидимой верхней точки, космонавт плавно опустился вниз, и оттуда началось его новое восхождение по спирали. Постепенно Андрей освоился с необычной обстановкой. Он понял, что вращается внутри призрака. Рядом с ним носились все предметы, поглощенные Джорджем. Андрей не раз ощущал их удары и толчки. Огромное количество пыли, наполнявшей Джорджа, мешало дышать. Андрей чихал и ругался, но не мог изменить своего положения, как ни дергался. Упрямая могучая сила вращала его внутри Джорджа так же просто, как и весь мусор, собранный гигантом.

Особенно досаждал Андрею булыжник. Камень вращался где-то рядом и на крутых извивах спирали двигался быстрее космонавта, пребольно ударяя его то в плечо, то в грудь. Дело было дрянь. Андрей задыхался от духоты и жары. Тело, будто сдавленное невидимыми резиновыми бинтами, горело. В нос, уши и глаза набилась пыль. В молочном киселе, окружавшем его, Андрей ничего не видел. Приближение предмета знаменовалось вспышкой, снопом ярких искр.

Булыжник с тупой методичностью продолжал колотить Андрея. Рассердившись, космонавт вцепился в него руками — и вдруг почувствовал, что подъем вверх прекратился. Он сначала быстро завертелся, а затем заскользил вниз по очень пологой спирали. Андрей обрадованно выпустил камень из рук и упал. Сладкий чистый воздух проник в его легкие.

Он протер слезящиеся глаза и увидел, что лежит, засыпанный пылью, обрывками бумаги и всякой дрянью, на куче мусора перед башней. Джорджа-призрака не было. Двор был пуст.

Андрей выбрался из места своего погребения, подобрал «солнечный луч» и двинулся к башне. Вырезать дверь было делом одной минуты. Андрей вошел в башню.

В башне он слышал приглушенное, почти беззвучное жужжание, похожее на шипение раздавленного зверя.

Кибернетический мозг работал. В воздухе стоял запах гари. Где-то сгорела изоляция.

Держа в вытянутой руке оружие, Андрей сел в лифт. Сколько он ни нажимал кнопку, кабина не двигалась с места.

Придется подниматься на руках, подумал Андрей, рассматривая свисающий над лифтом трос. Космонавт подпрыгнул и вцепился в металлический шнур руками. Тонкие проволоочки иглами впились в его ладони. Упираясь ногами о стенку, Андрей шаг за шагом полз вверх. Подниматься было не очень трудно, но дух захватывало от зловещего молчания.

Наконец Андрей оказался вверх, на площадке главного пульта. Отверстие, откуда появлялся Джим, было открыто. Из него поднимались легкие клубы дыма. Андрей заглянул и ничего не увидел, мешал дым.

Спускаться туда было рискованно, но все же Андрей влез в шахту и стал сползать вниз, упираясь ногами и спиной в противоположные стены подъемника.

Внизу он нащупал дверцу, похожую на иллюминатор. Израненные пальцы с трудом осязали шершавые головки заклепок. Открыть люк, надавив плечом, не удалось. Тогда Андрей аккуратно вырезал отверстие размером с человеческий рост. Металлическая плита с грохотом упала, и яркий сноп света на миг ослепил Андрея.

Он понял, что попал в сердце лаборатории Корина. Большая комната была загромождена замысловатыми аппаратами. Многочисленные погасшие экраны строго смотрели на Андрея. Посреди комнаты возвышалось сооружение, обьятое пламенем: оно напоминало не то трон, не то электрический стул, заключенный в прозрачный колпак яйцевидной формы. Дым и гарь мешали рассмотреть отдельные детали аппарата.

Внезапно человеческий крик заставил Андрея вздрогнуть.

— Сюда! Сюда! Андрей, сюда!

Андрей узнал голос Нибона. В углу комнаты, за решетчатой дверью, стоял и кричал Нибон. Андрей бросился к нему. Через несколько секунд друзья обнялись.

— Я уже думал, что нам крышка! — улыбаясь, сказал Нибон и, повернувшись к своей тюрьме, крикнул: — Давай выходи! Сейчас он тебе покажет!

На пороге стоял Джордж. Андрей насмешливо взгля-

нул на призрак (размером с обычного Джорджа). рывком ринулся сквозь него и вдруг больно ударился головой. Ему показалось, что он свернул себе шею.

Призрак, твердый и тяжелый, как мешок с дробью, лежал на спине, дрыгал ногами, извергая стоны и проклятья.

— Джордж! Джо! — воскликнул Андрей. Перед ним был прежний Корин. Ощутимый, худой и веселый земной человек.

Неожиданные глупые слезы навернулись на глаза космонавта.

— Ну, хорошо, — сказал он сдавленным голосом, — потом ты все объяснишь, а сейчас пошли отсюда, пока не сгорели.

И вот они втроем на крыше коринского домика. Андрей то и дело ощупывал Корина.

— Надеюсь, ты больше не перевоплотишься? — тревожно и насмешливо спросил Андрей.

— Нет, мой дорогой, нет! Я не гожусь в боги. Высокие посты в раю уже разобраны, и мне не хотелось бы работать внештатным ангелом.

— Неощутимый Джордж претендовал скорее на роль дьявола, — заметил Нибон.

— Да, пожалуй, — согласился Джордж, — но вы послушайте, как это получилось.

Джордж окинул мечтательным взглядом потемневшее небо. Планетка Зеленый Перевал повернулась лицом к ночи.

— Глупы мы, братцы, — задумчиво сказал он. — Мы еще очень глупы. Мы не можем предвидеть самых близких последствий наших дел. Мы еще очень многого не можем и не знаем. С чего началась история Неощутимки, свидетелями которой вы стали?

— Не только свидетелями, но и потерпевшими, — заметил Нибон.

— Так вот, с чего все это началось? Вначале была мысль, и мысль эта была простая. Я ее выражал одним словом «стереотелевидение».

34 Для обычного телевизора нужен экран из определенного материала. На таком экране электронный луч рисует изо-

бражение. Ну, а почему бы не сделать экраном пространство? — подумал я. Если изображение удастся передать в пространство, то мы получим объемное представление о передаваемом объекте. Однако с обычным пространством ничего не получалось. Сколько я ни бился, меня преследовали неудачи.

Тогда я пришел к выводу, что, пожалуй, экран все равно нужен. Но экран особого рода.

И вот здесь мне помогло одно явление. Вы, конечно, слышали и о сферическом пространстве и об искривлении пространства под влиянием больших масс?

Мне удалось создать генератор искривленного пространства. Мощное гравитационное поле, получаемое в вакуумном ускорителе, обладает совершенно новыми замечательными свойствами. Чем выше мощность гравитации, тем сильнее искривляется пространство. Когда искривление достигает максимальной величины, пространство словно свертывается, замыкается в себе. Образуется шарообразное гравитационное поле, которое ничем себя не проявляет. Но человек, попавший в него, чувствует значительное увеличение тяжести. Это увеличение гравитации сдавило твою голову, Андрей, когда она проникла в грудь неощутимого Джорджа. Эти же гравитационные силы вращали тебя внутри Джорджа-гиганта.

Кроме того, такое гаусс-пространство — я его называю ГП — совершенно непрозрачно. Световые лучи находятся в нем, словно в тюрьме. Они не способны вырваться наружу и двигаются по круговым орбитам.

Зато свет, попавший на поверхность такого шара, хорошо отражается, и его видит любой посторонний наблюдатель. Раз возникнув, ГП уже не гибнет, пока не прекратится энергетическое питание. Оно может двигаться в обычном пространстве практически с любой скоростью, вплоть до световой. Изменяя силу поля, ГП можно расширять или сжимать вроде камеры футбольного мяча.

Получив сферическое гаусс-пространство, я возликовал. Вот здесь, перед моей башней висел большой белый шар — потенциальный экран будущего объемного телевидения. Каждое утро, проходя мимо, я приветствовал его. Мог ли я представить, куда меня заведут извилистые дороги изобретателя!

Я очень долго пытался придать гаусс-пространству форму передаваемого объекта. Мне удалось достичь этого,

разработав специальную камеру для телепередачи. Вы видели яйцевидный колпак в моей лаборатории? Это та камера. Сейчас она здорово обгорела, но ее можно будет подремонтировать.

Человек или вещь заключались в камеру. Электронные лучи, направленные со всех сторон на человека, прошупывали каждый изгиб, каждую складку на одежде. Информация о размерах и форме объекта передавалась в виде определенных импульсов гаусс-генератору, и последний искривлял пространство согласно этой информации.

Таким образом, в один прекрасный день я получил свой отпечаток, слепок, если хотите, в пространстве. Перед башней висел уже не шар, а Джордж, словно высеченный из мрамора.

— Погоди! — воскликнул Нибон. — А как же с цветом, ты ведь имел естественную, природную окраску? Я отлично помню твои щеки и глаза.

— Правильно, но это произошло значительно позже. Вначале Джордж-призрак был молочно-белый. Манипулируя с помощью гаусс-генератора, я заставлял свое изображение морщиться и гримасничать, как мне хотелось. Признаюсь, этот плясун доставил мне немало приятных минут. Ничтожные изменения в мощности излучения заставляли изображение корчиться самым диким образом. Он был очень легко управляем, этот призрак. Ничего не стоило заложить ему обе ноги за голову и в таком виде пустить по полю вскачь на руках. Потом мне надоело управлять движениями Джорджа-призрака, и я поручил это кибернетическому мозгу, полученному из Управления резервов. Нужно сказать, что это исключительно сильная кибернетическая машина. Я всю ее установил у себя в башне и приспособил для своих целей. И уже недели через три Большой Кибер, так называл я этот кибернетический мозг, полностью овладел работой гаусс-генератора и руководил всеми движениями «призрака» лучше, чем я сам. Конечно, предварительно пришлось набить этот кибер всевозможными сведениями о человеческих движениях. Но зато управлять стереоизображением стало очень легко. Даешь команду «вальс», и призрак старательно исполняет вальс, на команду «пляска святого Витта» — призрак извивается в судорогах. Одним словом, здесь я достиг большого совершенства. Если меня в кабине не было, Большой Кибер сам «придумывал» команды и управлял «призраком».

Все шло хорошо, меня беспокоила только окраска. Белый цвет изображения стал меня раздражать. Но я долго не мог ничего придумать, пока не занялся изучением структуры гаусс-пространства. Мне удалось установить, что плотность гравитации на поверхности шара может меняться с изменением режима энергетического питания. Электромагнитные волны иногда способны проникать внутрь гаусс-пространства. Это значило, что часть световых лучей способна проникнуть, поглотиться гаусс-пространством, а следовательно, другая часть лучей, отраженная, дала бы окраску, цвет. Но вот беда, поглощение и отражение световых лучей происходило только при низкой мощности гравитационного поля, когда гаусс-пространство не смыкалось в сферу. Тогда я прибег к наложению пространства на пространство. Два гаусс-пространства, отличающихся мощностью, попадали в одно и то же место. Поверх мощного гравитационного поля я положил более слабое, которое, как пленкой, покрыло сильное гаусс-пространство. В этой пленке происходило поглощение и отражение световых волн. В зависимости от плотности этой пленки изменялась степень поглощения световых лучей. Я стал получать объемные цветные изображения различных предметов. Это была полная победа, и я уже хотел сообщить о своих достижениях на Землю, но тут произошло потрясающее событие, которое заставило меня надолго забыть обо всем на свете.

Цветные изображения стула, шляпы, приборов, газовой горелки вполне удовлетворяли меня. Они висели в воздухе перед башней, я детально осмотрел их и не нашел никакого изъяна. Все было как следует. Предметы как предметы.

— Только пользоваться ими нельзя,— заметил Нибон.

— Да, конечно. После многочисленных опытов я решил перейти к собственному изображению. Моя кабина стала еще более сложной. Ее окружало сплошное электронное измеряющее поле, которое фиксировало пространственное положение тела, его форму, объем, цвет моего лица, одежды и рук.

И вот в один прекрасный денек я влез в свое передающее устройство, включил аппаратуру и стал ждать. Передо мной находился экран обычного телевизора, на котором был виден двор, башня и молочный шар гаусс-пространства. Я наблюдал, как деформировался белый глобус, приобретая форму и цвет моей одежды. Я уже различал

собственные руки и ноги, голову, и вдруг... что-то произошло. Я перестал видеть экран телевизора, Большой Кибер, гаусс-генераторы; меня словно выбросили из башни, хотя я не почувствовал никакого толчка, кроме боли в глазах.

Я очутился в моем дворике на месте гаусс-пространства. Я видел свой дом, башню, траву в нескольких метрах под ногами и небо над головой. И в то же время я находился в своем передающем устройстве, хотя его-то я совершенно не видел. Когда я поднимал руки, они упирались в гладкие пластмассовые стенки. Я сделал шаг и ударился лбом о преграду. С большим трудом, наставив синяков, я нашугал рубильник и отключил питание. И тогда я вновь попал в ту кабину, в которой находился все время, вернее, вновь увидел ее.

Так я открыл эффект обратной связи. То, что видели мои бесплотные глаза вне башни, я увидел из своей кабины. Тогда я понял, что сделал еще одно открытие. Я решил проверить все сызнова. Опыты подтвердили, что обратная связь существует.

Находясь в кабине, я, не двигаясь с места, как призрак, облетел всю планету, заглянул буквально в каждый уголок. Это доставляло мне огромное наслаждение. Лучше любого телевидения.

— Представляю,— недовольно хмыкнул Нибон.

— Мне даже удалось подняться над атмосферой Зеленого Перевала. Но подняться еще выше, в космос, я не смог — не хватило мощности у большого гаусс-генератора. Но в принципе это возможно.

Не знаю, как вам передать мое состояние в те дни. Я работал почти без сна, очень напряженно. Настроение у меня было радостное и удовлетворенное.

И вот однажды...

Джордж задумался, покачал головой и продолжал:

— Видите ли, исследуя обратную связь, я все время сидел в телецентре. Это было необходимо, чтобы своими глазами видеть все, что находилось вне башни.

Позже я решил покинуть телекабину. Вместо себя на линии обратной связи я установил устройство, принимающее световые сигналы, и соединил его с Большим Кибером, который должен был расшифровывать полученную зрительную информацию. Этим я как бы придал Большому Киберу глаза, а стереоизображению как бы вложил кибернетический мозг. Теперь эта машина могла вести само-

стоятельную жизнь — я был лишний. У машины были глаза Джорджа-неошутимки, мозг Большого Кибера и сердце в виде гаусс-генератора. Пока был ток в проводах, это сердце билось исправно. Да, совсем забыл, у нее были и руки. Это робот Джим. Конечно, робот подчинялся мне, но машина имела отдельный мощный передатчик и часто командовала роботом, как хотела. Так родился на свет псевдо-Джордж как самостоятельная особа.

Я принялся за обучение «призрака». Сначала я широко использовал принцип подражания. Призрак разъезжал со мной по планете, наблюдал, смотрел и познавал.

Я обучал «Джорджа» читать, но говорить, к сожалению, он мог только в помещении или рядом с ним. В степи он был нем. Это объясняется тем, что микрофонно-телефонная связь с Большим Кибером была создана мною только в пределах моего дворика. Разговаривая с неошутимым Джорджем, вы в действительности разговаривали с Большим Кибером.

Для чего мне понадобился псевдо-Джордж? Казалось, на что он мне нужен? Обратная связь и стереоизображение важны сами по себе. Кроме того, Джордж был естественным развитием моего изобретения, а во-вторых... Во-вторых, всем нам, исследователям космоса, нужен такой помощник. Не кибер типа Джима, а настоящий помощник с головой, с опытом и знаниями. Представляете, как заманчиво иметь такого неуязвимого друга в наших опасных путешествиях на другие планеты? Он войдет в ядовитую атмосферу, проникнет в пламя и огонь, не побоится холода космоса, ну да что там говорить — с достоинствами псевдо-Джорджа вы хорошо знакомы.

Поэтому особенно важным мне представлялось воспитать Джорджа, создать у него определенный, если можно так сказать, машинно-интеллектуальный уровень. Он должен был стать ходячим энциклопедическим словарем, советчиком и консультантом.

Мало того, я думал, что псевдо-Джорджа можно будет использовать для сбора информации без присутствия человека. Например, оставляете Большой Кибер на неизвестной планете, а сами летите себе дальше по своим космическим делам. Возвращаетесь, а за это время псевдо-Джордж облазил всю планету, исследовал все, что мог. Если ему дать в помощь Джима, который может поднимать тяжести, двигать камни, отбирать пробы, проводить анализы, то

псевдо-Джордж станет незаменяемым исследователем и таких мрачных планет, как ваш Черный Титан. Геологи и строители, которые позже придут на эти планеты, скажут таким комплексным автоматам-исследователям большое спасибо.

Ну, а если на планете нельзя по каким-то причинам разместить Большой Кибер, он может быть смонтирован где угодно: на искусственном спутнике, на соседней планете, недалеко от места исследования. Это не имеет существенного значения. Я даже думаю, что псевдо-Джорджи будут мчаться впереди наших ракет-астролетов. Космонавты «своими глазами» издали увидят приближающуюся опасность. Кстати, они смогут побывать на планетах, так сказать, на ходу, не совершая посадки.

У псевдо-Джорджа есть одна особенность. Благодаря своей сущности (он ведь представляет собой комочек искривленного пространства) он очень чутко относится к увеличению гравитации. Если Джордж попадает в сильное гравитационное поле, он деформируется, сплющивается и исчезает. Вот вам прекрасный гравилокатор для космонавтов — приближение сильного гравитационного поля будет сопровождаться появлением мутной пелены в поле видимости призрака...

— Ну, с таким гравилокатором не успеешь быстро развернуться,— заметил Нибон.

— Почему? Псевдо-Джордж может лететь впереди ракеты на достаточном удалении. Если, конечно, будет мощный генератор. Я уже не говорю о новых будущих формах связи между планетами, заселенными людьми. Для того чтобы побывать на Марсе, Венере, на всех планетах солнечной системы, человек даже может не выходить из своей квартиры на Кутузовском проспекте.

— Удивительно...— тихо сказал Андрей.

— Конечно, пока псевдо-Джордж не для индивидуального пользования. Но я немного отвлекся... Во всем этом деле была еще и другая сторона...

Джордж задумался. Он в немалом смущении потер себе лоб, повертел пальцами и, ни на кого не глядя, медленно заговорил:

— Я сам еще многого не понял и не объяснил. Но у меня такое ощущение, словно была сделана какая-то ошибка, а может, и не ошибка, а просто неумение все предвидеть

привело к неожиданным результатам... В чем, мне и сейчас еще не ясно. Но послушайте, как дело было.

Работа с двойником-призраком мне приносила немалое удовольствие. Вначале по развитию он напоминал младенца с очень беспокойным умом. Но младенческая стадия у него закончилась очень быстро, за несколько недель.

Я заложил в Большой Кибер основные принципы самообучающихся машин и предоставил ему возможность развиваться и совершенствоваться. Некоторое время мой двойник был чертовски похож на меня, что немного раздражало. Не так уж приятно глядеться все время в зеркало! Слушать свои же мысли, произнесенные своим же голосом, видеть сегодня свою вчерашнюю улыбку — у кого это не вызовет досады! Мне иногда казалось, что я смотрю странный кинофильм о самом себе и одновременно участвую в нем. Но вскоре все изменилось.

Программа усовершенствования, данная машине, начала приносить плоды. Не скажу, чтобы горькие, совсем нет. Но в них был элемент неожиданного и подчас они огоршали. Мой Неошутимка сильно переменялся. Он стал более самостоятельным и уже совсем не походил на меня. В нем появилось что-то свое, и оно быстро вытеснило все мои мелкие привычки и формальное сходство со мной.

В общем это был славный малый. Дисциплинированный, знающий, способный. Он был отзывчив и наблюдателен. Когда я заболел, призрак сам ставил диагноз, прописывал лекарство и ходил за мной лучше любого врача, сестры и няньки, вместе взятых.

Заметив, что каждую неделю я ношу цветы к памятнику Марии, призрак стал делать это ежедневно. Букеты его были подобраны с большим вкусом, чем мои. Но самыми важными чертами были его необыкновенное трудолюбие и талантливость. Мы проделали массу интереснейших опытов по эволюционной генетике. И всегда он шел впереди. Оригинальные догадки, казалось, возникали сами собой. Порой мне было трудно за ним угнаться.

Я понял, что псевдо-Джордж превратился в могучую интеллектуальную машину. Его мысль была остра и свежа, а деятельность продуманна и глубоко целесообразна. И все же в нем было что-то сугубо машинное, какие-то качества, присущие именно мыслящей машине, а не человеку.

Помню, на опытной делянке, где мы выращивали новый

тип многолетних зерновых растений, появился особый вид сорняка, очень устойчивого к химическим и биологическим воздействиям. И вдруг он зацвел.

Таких красивых цветов мне еще не приходилось видеть. Огромные белые чашки с ярко-красными дном покрыли растения сверху донизу. Их было множество. Аромат их был необыкновенно свеж, словно где-то рядом прошел небольшой дождь.

Я хотел сохранить этот цветок, но Неошутимка без моего ведома, с помощью Джима, уничтожил все растения. Когда я начал объясняться с ним, он только плечами пожал. Сорняк вреден, его нужно убрать, и все. Он мешает решению поставленной задачи.

Но через некоторое время Неошутимка пришел ко мне с извинениями. Оказывается, у него отсутствовала ассоциативная связь между нашей работой и эстетическим восприятием. Поэтому он считает себя виноватым. Как видите, очень деликатная машина, хотя и немного догматичная.

В самоуверенности ему нельзя было отказать. Безапелляционные рассуждения и сентенции Неошутимки не раз доводили меня до бешенства, и хотя все делалось им крайне доброжелательно, но его назойливость так раздражала меня, что я отважился вот на что. Я всунул в Большой Кибер новый блок — узел сомнения. Мне хотелось, чтобы, добившись желаемого результата, машина задавала себе вопрос: «А зачем?» Стоило машине проникнуться особой верой в себя, в свои возможности и силы, как блок сомнения сигнализировал, что достигнутое всего лишь незначительный этап на пути познания, и подталкивал на поиски нового. Если сравнивать с человеком, то блок сомнения заронил в машину мятежный человеческий дух вечной неудовлетворенности.

Вот когда расцвел мой Неошутимка! Это были лучшие дни нашей дружбы. Мы работали, спорили и мечтали, как два брата! Причем он был старшим.

Честно говоря, втайне я очень гордился своим детищем. Ведь мной был создан законченный образец разума, во многих отношениях более высокого, чем человеческий. Да, так оно и было! Логика его превосходила мою, о работоспособности и говорить нечего. Изобретательность, находчивость Неошутимки на несколько порядков опережала аналогичные человеческие свойства. Он был добр, мягок

и... человечен. Да, да, не смейтесь, именно человечен! Увлеченный какой-нибудь научной идеей, он готов был трудиться круглые сутки.

Для спасения больных работников со «Звезды» он за несколько секунд перевернул столько информации, что у него сгорела половина батарей. Нужный синтез был найден, людей спасли, а Неошутимка занялся саморемонтом. Все киберы с удовольствием этим занимаются, но мой двойник, кажется, здесь грешил. И вот однажды он приходит ко мне и говорит: «Мне нужно кое-что выяснить».

Оказалось, ни мало, ни много — цель жизни. Неошутимку интересовало, зачем я живу, в чем смысл и цель моего существования и какова его роль во всей этой истории. Признаться, я был изрядно смущен. Я понимал, что это работа блока сомнения, но я совсем не был готов отвечать на такие вопросы. Я стал объяснять, что вопрос о цели жизни не имеет особого смысла, когда он применяется к природным явлениям. Вопрос цели и смысла связан с задачами управления и регулирования и присущ в основном высокоорганизованным системам. А материальная основа жизни возникла в результате стихийных превращений материи, для которых эти вопросы неправомерны. Можно ответить на вопрос, почему нагретое тело светится, но нельзя объяснить, зачем оно это делает.

Мой призрак помолчал и говорит:

— Значит, это все стихия?

— До какого-то момента эволюции, безусловно.

— А потом, когда приходит мышление и организационная деятельность, стихия отступает и упорядочивается?

— Да, в человеке она подчинена разуму.

— До конца?

Я немного растерялся. Я чувствовал, что он подталкивает меня к какому-то выводу, возможно очень неприятному. Я стал изворачиваться.

— Что такое до конца? Если все в человеке подчинено работе мозга, можно считать...

— погоди, — перебил меня призрак, — я не хочу, чтобы ты перенапрягался в поисках каких-то доводов. Лучше послушай меня.

И он закатил целую речь. Один из вариантов ее вы уже слушали при встречах с псевдо-Джорджем. Но мне довелось услышать подробнейшее обоснование ее философии. Смысл ее сводился к следующему. Человечество должно

передать эстафету познания природы в руки таких высокоинтеллектуальных систем, как Неошутимка. В людях очень много лишнего, возможности человечества принципиально ограничены. Поэтому будущее принадлежит псевдо-Джорджу и ему подобным.

— Твое присутствие на Зеленом Перевале,— заявил он,— просто бессмысленно. Ты только мешаешь и все путаешь. Я один отлично справлюсь с поставленными задачами. Я не хочу тебя обижать, но ты должен понять, что человек не нужен там, где есть я. Это не означает, что ты не должен здесь жить,— добавил он,— но во избежание ошибок и промахов твоя деятельность с сегодняшнего дня будет мной контролироваться.

Вы представляете, что я почувствовал, услышав подобное заявление. Какая неблагодарность и жестокость! Я попытался возразить:

— Ты неправ, мой друг. Только с машинной точки зрения кажется что в людях много лишнего. В действительности, человеческая природа гармонична, сознательное в людях возникло из стихийного и питается им, как корни растения — соками земли. Я согласен, когда ты перечеркиваешь мой график проведения опытов и предлагаешь свой, более экономичный. Здесь твой контроль уместен. Но как ты можешь контролировать меня, а значит, и мои чувства, мою внутреннюю жизнь, если тебе не известна информация о ней? Что ты знаешь о любви, тщеславии, досаде, робости? Ничего. А значит, и выводов о них ты сделать не сможешь. А какой же контроль без знания?

— Неправильно,— говорит он.— Мне неизвестны чувства, но они есть всего лишь средства, причем средства чисто созерцательные. Зато мне доподлинно ведома цель, на которую направлены эти средства: любовь — размножение, тщеславие — успех. Мне не нужно что-то переживать, это только дебалансирует систему. Мне достаточно видеть цель. И вот цель у человека и у такой машины, как я, совпадает. Это познание. Но машина движется по этому пути быстрее, чем человек. Машина хочет помочь человеку, и потому она должна контролировать целесообразность человеческой деятельности. Борьба с энтропизированным мышлением, или, как вы говорите, с глупостью, должна стать главным каналом общения между людьми и машинами.

было страшно. А призрак (я только тогда впервые почувствовал, что это настоящий призрак без плоти, без крови, без слабой и нежной человеческой души) вдруг говорит:

— Для успешного развития мне нужно обеспечить увеличение притока информации. С каждым днем количество получаемой информации должно возрасти. И сделать это можно только увеличивая число каналов, по которым поступает информация.

И вот здесь черт дернул меня за язык.

— Так размножайся! Чем больше будет маленьких неощутимок, тем больше каналов, связывающих тебя с внешним миром! — Мне хотелось посмеяться над ним во что бы то ни стало, найти какую-то уродливую черту, подчеркивающую его неполноценность.

Но призрак воспринял все всерьез.

— Хорошо, — говорит, — я подумаю, — и удалился.

Через несколько дней, как раз перед моим отъездом в биозону, он вызвал меня в башню. Кстати, став самостоятельным, Неощутимка захватил помещение башни и, кроме Джима и других роботов, никого и ничего внутри не допускал.

Но на этот раз двери башни были широко распахнуты. Мы уселись с ним возле Большого Кибера, и он завел свою песню, что-де у него ограниченный приток информации и это сковывает его развитие, а цель его жизни — развитие и познание и так далее и тому подобное. Оказывается, он думал над идеей размножения, но не знает, как это проделать.

— Отчего же? — говорю я. — Познакомься с псевдо-Марней, женись, и все будет в порядке. Пойдут псевдо-дети...

— Ты смеешься надо мной, — говорит он, — но я не могу отказаться от своей цели. Поэтому я не выпущу тебя отсюда, пока ты не сможешь разрешить проблему увеличения информации.

— В чем же тогда твое превосходство? — закричал я. — Где твой интеллект?

— Я уверен, что найду выход, — сказал он. — Но на это потребуется время. А ты уже знаешь используемые шаблоны. Мне нужна твоя подсказка.

Я был слишком сердит, чтоб согласиться помочь ему. Я заявил, что посмотрю, как он справится с задачей. Тут появился Джим и препроводил меня в ремонтную кабину.

Она стала камерой моего заключения. Через каждый час призрак приближался к двери и спрашивал:

— Передумал?

Я отвечал, что нет. Потом я заснул, а утром призрак уже не подходил ко мне. Днем ко мне приезжал Джим, привозил еду. А вечером, как снег на голову, свалился Нибон. Джим приволок его полузадохнувшимся, и мне долго пришлось его отхаживать. Нибон подробно объяснил мне ситуацию.

Вот с ним мы и стали свидетелями того, как сгорел Большой Кибер. Сейчас это легко объяснить. Оказалось, что при большом числе делений мои гаусс-генераторы дают неравномерное распределение гравитационного поля. Получилось так, что в одном Джордже плотность гравитации чуть-чуть больше, чем в другом. А этого было достаточно, чтобы совершенно независимо от их воли они стали взаимопоглощаться, как поглощают друг друга капли ртути. Возникновение одного-единственного гигантского Джорджа привело к перенапряжению на линии обратной связи. Вспыхнул пожар в приемной камере, и псевдо-Джордж перестал существовать. Вот и вся эпопея, остальное вам известно.

— Значит, он сгорел потому, что не смог учесть неравномерного распределения грави-поля при делениях? — спросил Андрей.

— Да, — ответил Джордж. — Этого никто не смог бы учесть. Это открытие. Это та неожиданность, которая составляет для нас основную прелесть жизни.

— И которая губит зазнавшиеся машины, — заметил Нибон.

Они долго молчали. Наконец Андрей взволнованно заговорил:

— Как ты думаешь, можно ли объяснить диктаторский уклон в мышлении твоего призрака предысторией машины?

— То есть?

— Твой Большой Кибер из логических резервов. Это могла быть очень старая машина, еще времен разделенного мира. Кто может поручиться, например, что она триста лет назад не служила для бредовых целей каких-нибудь генералов? Тогда все было бы понятно. Возможно, тебе попалась военная машина, обученная в прошлом наступательным операциям. А может быть, биржевая машина или фирменная, для которой главный принцип — зверская

конкуренция. Мало ли какое грязное прошлое может оказаться у такой большой машины?

— Погоди, погоди, ведь сейчас вся память Большого Кибера заменена новой, все прошлое стерто?!

— Это ничего не значит. Отдел программ тот же. А в нем могут остаться старые принципы и положения. Вот и получилось, что новое содержание ты вложил в старую форму.

— Ну, нет! — сердито сказал Джордж. — Я не согласен. Поведение машины логичное и последовательное. И совсем не из соображений конкуренции или господства она изолировала нас с Нибоном. По-своему она была права. Ею руководили только идеи целесообразности и прогресса. Она посадила нас в кабину, как мы сажаем за решетку обезьян, для изучения. Вот и все. Кстати, своим размножением машина решила еще одну важную задачу: одновременное получение научной информации с разных планет. Можно будет создать своеобразное телеателье «Прогулка по планетам». Представьте себе ряд кнопок с надписью «Уран», «Сатурн». Нажал кнопку — и совершай космическое путешествие!

Андрей весело воскликнул:

— Хороший конец — делу венец! Но обратная связь — это здорово! Я с удовольствием побываю глазами на Черном Титане, оставаясь телом на твоей крыше, дорогой Джордж!

— А я представил себе скульпторов, лепящих из искривленного пространства свои призрачные мечты, — улыбнулся Нибон.

— Это прекрасно, Джо! — восхищенно воскликнул Андрей. — Мы проникнем в атмосферы самых ядовитых планет. Мы сможем побывать на поверхностях звезд и в центре Земли! Мы отправимся в другие галактики, не старея в полете. Ты сделал гениальное изобретение. Сначала пронзят Вселенную наши глаза, а затем по точным маршрутам пойдем и мы.

— Я рад слышать такие слова от «жертвы», — улыбнулся Джордж. — Кстати, будет очень хорошо, если вы оба подпишете вот этот протокол.

— Что?!

— Протокол испытания нового типа кибернетической машины «Мария» с передвижным приемником информации «Джо-1».

— О-о, с удовольствием!

— Кинофильм и протокол испытаний я повезу на Землю сам. Хочу кое-кого... порадовать.

БУНТ МАШИН ИЛИ ОШИБКА ЧЕЛОВЕКА?

Может показаться, что основной конфликт рассказа «Не оставляющий следа» — это столкновение человека с машиной. Насколько возможна подобная ситуация? Это сложный вопрос.

Мы не видим оснований отрицать принципиальную возможность создания «мыслящей» и даже «чувствующей» машины. Другое дело, что эта машина вряд ли будет представлять собой механическую или даже электронную модель. Кибернетические устройства будущего явятся логическим завершением разработки физико-химических проблем жизни на молекулярном, атомном и квантовом уровнях, то есть привычное нам слово «машина» будет характеризовать собой совсем иную, более высокую и сложную сущность.

Нам представляется возможным моделирование любых природных процессов, в том числе и мышления. Однако традиционный в фантастической литературе «бунт машины» мы считаем невозможным. Это надуманный конфликт, основанный на привнесении в так называемую машинную логику, в «психологический» мир дискретных устройств чисто человеческих свойств.

Машины созданы для того, чтобы служить человеку. Иной жизненной «цели» у них быть не может. И дело не только в том, что программу для машины составляет человек. Есть ведь в конце концов и самопрограммирующие устройства, которые будут непрерывно совершенствоваться.

Между человеком и самой «умной» машиной лежит гигантская пропасть в миллиарды лет эволюции. Новорожденный младенец «знает» о мире, в котором ему предстоит жить, неизмеримо больше, чем машина, в памятных блоках которой хранятся сведения, содержащиеся во всех книгах, когда-либо вышедших на земле. У него за спиной непрерывная цепь поколений: от первичной клетки в первозданном океане до его собственных родителей. И все эти близкие и далекие предки передали ему крупницы своего опыта.

В распоряжении же машины лишь книжный, кинодокументальный

и тому подобный опыт, накопленный только человечеством. Не говоря уже о том, что сам по себе этот опыт не так-то просто усвоить и разложить по полочкам. Машина, таким образом, гораздо беднее. Ребенка не надо приучать к трехмерному пространству, машину — нужно. Ребенок легко научится ходить, а машина, имеющаяся в виду «разумная», а не механическая модель, должна сперва усвоить самую суть принципа передвижения в трехмерном пространстве. От машины не зависят и никогда не будут зависеть энергетические ресурсы человека как индивидуума, машина же получает энергию от человека. Число таких противоречивых связей можно продолжать до бесконечности.

Логика развития такова, что человеческая цивилизация окажется все больше связанной с совершенством машин, но это совершенство будет целиком определяться человеком. В обществе синантропов самая «умная» машина в лучшем случае может оказаться на уровне синантропов. Чтобы ей продвинуться вперед, нужен прогресс человеческого общества. Только он совершенствует машину. Итак, машина никогда не выйдет из повиновения человека, ей это просто, грубо говоря, не придет в голову.

Ну, а что если... Вот это «если» и показано в рассказе. Машина восстала против творца. Но восстала опять-таки по его вине. Корин по сути задал своему киберу чисто биологическую программу. И, повинувшись ему, машина должна была взбунтоваться. Так бунтует паровой молот, расплющивающий неосторожно подставленную руку. Это кажущийся бунт. Бунт, основанный на неисправности.

Человек был неосторожен и, сам того не понимая, велел машине взбунтоваться. Машина же проявила незаурядное хитроумие и изобретательность. Но даже здесь она не могла обойтись без человека, без его опыта. Простое, кажется, явление — размножение делением. Но даже о нем машине пришлось выведать у человека.

Не приди на помощь Корину друзья, он мог бы погибнуть, как погибает пилот неисправного самолета. Но означало бы это победу машины над человеком?

Конечно, нет. Рано или поздно, но энергия бы иссякла. Кроме того, без человека машина никогда бы не разобралась в неудаче своего способа активного завоевания пространства. Кроме того...

Но довольно перечислений. Машина не может восстать против человека. Это противоречит ее сущности и назначению. Она может быть либо неисправной, либо... уничтожать человека, повинувшись воле человека, как это делает пулемет. Может..., но не должна!

В. КРУКОВСКИЙ, кандидат технических наук,

Аркадий Стругацкий,
Борис Стругацкий

ДАЛЕКАЯ РАДУГА

ГЛАВА 1

Танина ладонь, теплая и немного шершавая, лежала у него на глазах, и больше ему ни до чего не было дела. Он чувствовал горько-соленый запах пыли, скрипели спросонок степные птицы, и сухая трава колола и щекотала затылок. Лежать было жестко и неудобно, шея чесалась нестерпимо, но он не двигался, слушая тихое, ровное дыхание Тани. Он улыбался и радовался темноте, потому что улыбка была, наверное, до неприличия глупой и довольной.

Потом не к месту и не ко времени в лаборатории на вышке заверещал сигнал вызова. Пусть. Не в первый раз. В этот вечер все вызовы не к месту и не ко времени.

— Робик,— шепотом сказала Таня.— Слышишь?

— Совершенно ничего не слышу,— пробормотал Роберт.

Он помигал, чтобы пощекотать Танину ладонь ресницами. Все было далеко-далеко и совершенно не нужно. Патрик, вечно обалделый от недосыпания, был далеко. Маляев со своими манерами Ледяного Сфинкса был далеко. Весь их мир постоянной спешки, постоянных заумных споров, вечного недовольства и озабоченности, весь этот невечувствительный мир, где презируют ясное, где радуются только непонятному, где люди забыли, что они мужчины и женщины,— все это было далеко-далеко... Здесь была только ночная степь, на сотни километров одна только

пустая степь, проглотившая жаркий день, теплая, полная темных возбуждающих запахов.

Снова заверещал сигнал.

— Опять,— сказала Таня.

— Пускай. Меня нет. Я умер. Меня съели землеройки. Мне и так хорошо. Я тебя люблю. Никуда не хочу идти. С какой стати? А ты бы пошла?

— Не знаю.

— Это потому, что ты любишь недостаточно. Человек, который любит достаточно, никогда никуда не ходит.

— Теоретик,— сказала Таня.

— Я не теоретик. Я практик. И как практик я тебя спрашиваю: с какой стати я вдруг куда-то пойду? Любить надо уметь. А вы не умеете. Вы только рассуждаете о любви. Вы не любите любовь. Вы любите о ней рассуждать. Я много болтаю?

— Да. Ужасно.

Он снял ее руку с глаз и положил себе на губы. Теперь он видел небо, затянутое облаками, и красные опознавательные огоньки на фермах вышки на двадцатиметровой высоте.

Сигнал верещал непрерывно, и Роберт представил себе сердитого Патрика, как он нажимает на клавишу вызова, обижено выпятив добрые толстые губы.

— А вот я тебя сейчас выключу,— сказал Роберт невнятно.— Танек, хочешь, он у меня замолчит навеки? Пусть уж все будет навеки. У нас будет любовь навеки, а он замолчит навеки.

В темноте он видел ее лицо — светлое, с огромными блестящими глазами. Она отняла руку и сказала:

— Давай, я с ним поговорю. Я скажу, что я галлюцинация. Ночью всегда бывают галлюцинации.

— У него никогда не бывает галлюцинаций. Такой уж это человек, Танечка. Он никогда себя не обманывает.

— Хочешь, я скажу тебе, какой он? Я очень люблю угадывать характеры по видеофонным звонкам. Он человек упрямый, злой и бестактный. И он ни за какие коврижки не станет сидеть с женщиной ночью в степи. Вот он какой — как на ладони! И про ночь он знает только, что ночью темно.

— Нет,— сказал справедливый Роберт.— Насчет коврижек верно. Но зато он добрый, мягкий и рохля.

— Не верю,— сказала Таня. — Ты только послу- 51

шай. — Они послушали. — Разве это рохля? Это явный *tenasem propositi virum**

— Правда? Я ему скажу.

— Скажи. Пойди и скажи.

— Сейчас?

— Немедленно.

Роберт встал, а она осталась сидеть, обхватив руками колени.

— Только поцелуй меня сначала,— попросила она.

В кабине лифта он прислонился лбом к холодной стене и некоторое время стоял так, с закрытыми глазами, смеясь и трогая языком губы. В голове не было ни единой мысли, только какой-то торжествующий голос бессвязно вопил: «Любит!.. Меня!.. Меня любит!.. Вот вам, вы!.. Меня!..» Потом он обнаружил, что кабина давно остановилась, и попытался открыть дверь. Дверь нашлась не сразу, а в лаборатории оказалось множество лишней мебели: он ронял стулья, сдвигал столы и ударялся о шкафы до тех пор, пока не сообразил, что забыл включить свет. Заливаясь смехом, он нащупал выключатель, поднял кресло и присел к видеофону.

Когда на экране появился сонный Патрик, Роберт приветствовал его по-дружески:

— Добрый вечер, поросенок! И чего это тебе не спится, синичка ты моя, трясогузочка?

Патрик озадаченно глядел на него, часто помаргивая воспаленными веками.

— Что же ты смстришь, песик? Верецал-верецал, оторвал меня от важных занятий, а теперь молчишь!

Патрик наконец открыл рот:

— У тебя... Ты...— Он постучал кулаком по лбу, и на лице его появилось вопросительное выражение.— А?

— Еще как! — воскликнул Роберт.— Одиночество! Тоска! И мало того — галлюцинации! Чуть не забыл!

— Ты не шутишь? — серьезно спросил Патрик.

— Нет! На посту не шутят. Но ты не обращай внимания и приступай.

Патрик неуверенно моргал.

— Не понимаю,— признался он.

— Да где уж тебе! — злобно сказал Роберт.— Это эмоции, Патрик! Знаешь?.. Как бы это тебе попроще,

попонятнее... Ну, не вполне алгоритмируемые возмущения в сверхсложных логических комплексах. Воспринял?

— Ага,— сказал Патрик. Он поскреб пальцами подбородок, сосредоточиваясь.— Почему я тебе звоню, Роб? Вот в чем дело: опять где-то утечка. Может быть, это и не утечка, но, может быть, утечка. На всякий случай проверь ульмотроны. Какая-то странная сегодня Волна...

Роберт растерянно посмотрел в распахнутое окно. Он совсем забыл про извержение. Оказывается, он сидит здесь ради извержений. Не потому, что здесь Таня, а потому что где-то там Волна.

— Что ты молчишь? — терпеливо спросил Патрик.

— Смотрю, как там Волна,— сердито сказал Роберт.

Патрик вытаращил глаза.

— Ты видишь Волну?

— Я? С чего ты взял?

— Ты только что сказал, что смотришь.

— Да, смотрю!

— Ну?

— И все. Что тебе от меня надо?

Глаза у Патрика опять посоловели.

— Я тебя не понял,— сказал он.— О чем это мы говорили? Да! Так ты непременно проверь ульмотроны.

— Ты понимаешь, что говоришь? Как я могу проверить ульмотроны?

— Как-нибудь,— сказал Патрик.— Хотя бы подключения... Мы совсем потерялись. Я тебе объясню сейчас... Сегодня в институте послали к Земле массу... Впрочем, это ты все знаешь.— Патрик помахал перед лицом растопыренными пальцами.— Мы ждали Волну большой мощности, а регистрируется какой-то жиденький фонтанчик. Понимаешь, в чем соль? Жиденький такой фонтанчик... Фонтанчик...—Он придвинулся к своему видеофону вплотную, так что на экране остался только огромный, тусклый от бессонницы глаз. Глаз часто мигал.— Понял? — оглушительно загремело в репродукторе.— Аппаратура у нас регистрирует квази-нуль поле. Счетчик Юнга дает минимум... Можно пренебречь... Поля ульмотронов перекрываются так, что резонирующая поверхность лежит в фокальной гиперплоскости, представляешь? Квази-нуль поле двенадцатикомпонентное, и приемник свертывает его по шести четным компонентам... Так что фокус шестикомпонентный...

Роберт подумал о Тане, как она терпеливо сидит внизу и ждет. Патрик все бубнил, придвигаясь и отодвигаясь, голос его то громычал, то становился еле слышен, и Роберт, как всегда, очень скоро потерял нить его рассуждений. Он кивал, он картинно морщил лоб, подымал и опускал брови, но он решительно ничего не понимал, и с невыносимым стыдом думал, что Таня сидит там внизу, уткнув подбородок в колени, и ждет, пока он закончит свой важный и непостижимый для непосвященных разговор с ведущими нуль-физиками планеты, пока он не выскажет ведущим нуль-физикам свою, совершенно оригинальную точку зрения по вопросу, из-за которого его беспокоят так поздно ночью, и пока ведущие нуль-физики, удивляясь и покачивая головами, не занесут эту точку зрения в свои блокноты...

Тут Патрик замолчал и поглядел на него со странным выражением. Роберт хорошо знал это выражение, оно преследовало его всю жизнь. Разные люди — и мужчины, и женщины — смотрели на него так. Сначала смотрели равнодушно или ласково, затем выжидающе, потом с любопытством, но рано или поздно наступал момент, когда на него начинали смотреть вот так. И каждый раз он не знал, что ему делать, что говорить и как держать себя. И как жить дальше.

Он рискнул.

— Пожалуй, ты прав,— озабоченно заявил он.— Однако все это следует тщательно продумать.

Патрик опустил глаза.

— Продумай,— сказал он, неловко улыбаясь.— И не забудь, пожалуйста, проверить ульмотроны.

Экран погас, и наступила тишина. Роберт сидел, сгорбившись, вцепившись обеими руками в холодные шероховатые подлокотники. Кто-то когда-то сказал, что дурак, понимающий, что он дурак, уже тем самым не дурак. Может быть, когда-нибудь так оно и было. Но сказанная глупость — всегда глупость, а я никак по-другому не могу. Я очень интересный человек: все, что я говорю,— старо, все, о чем я думаю,— банально, все, что мне удалось сделать,— сделано в позапрошлом веке. Я не просто дубина, я дубина редкостная, музейная, как гетманская булава. Он вспомнил, как старый Нечипоренко поглядел однажды с задумчивостью в его, Роберта, преданные глаза и промолвил: «Милый Сkläров, вы сложены как античный бог.

И как всякий бог, простите меня, вы совершенно не совместимы с наукой...»

Что-то треснуло. Роберт перевел дух и с изумлением уставился на обломок подлокотника, зажатый в белом кулаке.

— Да,— сказал он вслух.— Это я могу. Патрик не может. Нечипоренко тоже не может. Один я могу.

Он положил обломок на стол, встал и подошел к окну. За окном было темно и жарко. Может быть, мне уйти, пока не выгнали? Да только как я буду без них? И без этого удивительного чувства по утрам, что, может быть, сегодня лопнет, наконец, эта невидимая и непроницаемая оболочка в мозгу, из-за которой я не такой, как они, и я тоже начну понимать их с полуслова, и вдруг увижу в каше логико-математических символов нечто совершенно новое, и Патрик похлопает меня по плечу и скажет радостно: «Эт-то здорово! Как это ты?», а Маляев нехотя выдавит: «Умело, умело... Не лежит на поверхности...» И я начну уважать себя.

— Урод,— пробормотал он.

Надо было проверять ульмотроны, а Таня пусть посидит и посмотрит, как это делается. Хорошо еще, что она не видела моей физиономии, когда погас экран.

— Танюшка,— позвал он в окно.

— Ау?

— Танек, ты знаешь, что в прошлом году Роджер ваял с меня «Юность Мира»?

Таня, помолчав, негромко сказала:

— Подожди, я поднимусь к тебе.

Роберт знал, что ульмотроны в порядке, он это чувствовал. Но все же он решил проверить все, что можно было проверить в лабораторных условиях, во-первых, для того, чтобы отдышаться после разговора с Патриком, а во-вторых, потому, что он умел и любил работать руками. Это всегда развлекало его и на какое-то время давало ему то радостное ощущение собственной значительности и полезности, без которого совершенно невозможно жить в наше время.

Таня — милый деликатный человек — сначала молча сидела поодаль, а потом так же молча принялась помогать ему. В три часа ночи снова позвонил Патрик, и Роберт

сказал ему, что никакой утечки нет. Патрик был обескуражен. Некоторое время он сопел перед экраном, подсчитывая что-то на клочке бумаги, потом скатал бумагу в трубочку и по обыкновению задал риторический вопрос. «И что мы по этому поводу должны думать, Роб?» — спросил он.

Роберт покосился на Таню, которая только что вышла из душевой и тихонько присела сбоку от видеофона, и осторожно ответил, что вообще не видит в этом ничего особенного. «Обычный очередной фонтан, — сказал он. — После вчерашней нуль-транспортировки был такой. И на той неделе такой же». Затем он подумал и добавил, что мощность фонтана соответствует примерно ста граммам транспортированной массы. Патрик все молчал, и Роберту показалось, что он колеблется. «Все дело в массе, — сказал Роберт. Он посмотрел на счетчик Юнга и совсем уже уверенно повторил: — Да, сто — сто пятьдесят граммов. Сколько сегодня запустили?» — «Двадцать килограммов», — ответил Патрик. «Ах, двадцать кило... Да, тогда не получается. — И тут Роберта осенило. — А по какой формуле вы подсчитывали мощность?» — спросил он. «По Драмбе», — безразлично ответил Патрик. Роберт так и думал: формула Драмбы оценивала мощность с точностью до порядка, а у Роберта давно уже была припасена собственная, тщательно выверенная и выписанная и даже обведенная цветной рамочкой универсальная формула оценки мощности извержения вырожденной материи. И сейчас, кажется, наступил самый подходящий момент, чтобы продемонстрировать Патрику все ее преимущества.

Роберт уже взялся было за карандаш, но тут Патрик вдруг уплыл с экрана. Роберт ждал, закусив губу. Кто-то спросил: «Ты собираешься выключать?» Патрик не отзывался. К экрану подошел Карл Гофман, рассеянно-ласково кивнул Роберту и позвал в сторону: «Патрик, ты еще будешь говорить?» Голос Патрика пробубнил издалека: «Ничего не понимаю. Придется этим заняться обстоятельно». — «Я спрашиваю, ты разговаривать будешь еще?» — повторил Гофман. «Да нет же, нет...» — раздраженно откликнулся Патрик. Тогда Гофман, виновато улыбаясь, сказал: «Прости, Роба, мы здесь спать укладываемся. Я выключаю, а?»

56 Стиснув зубы так, что затрещало за ушами, Роберт нарочито медленным движением положил перед собой лист

бумаги, несколько раз подряд написал заветную формулу, пожал плечами и бодро сказал:

— Я так и думал. Все ясно. Теперь будем пить кофе.

Он был отвратителен себе до последней степени и сидел перед шкафчиком с посудой до тех пор, пока снова не почувствовал себя в состоянии владеть лицом. Таня сказала:

— Кофе свари ты, ладно?

— Почему я?

— Ты вари, а я посмотрю.

— Что это ты?

— Люблю смотреть, как ты работаешь. Ты очень совершенно работаешь. Ты не делаешь ни одного лишнего движения

— Как кибер,— сказал он, но ему было приятно.

— Нет. Не как кибер. Ты работаешь совершенно. А совершенное всегда радует.

— «Юность Мира»,— пробормотал он. Он был красен от удовольствия.

Он расставил чашки и подкатил столик к окну. Они сели, и он разлил кофе. Таня сидела боком к нему, положила ногу на ногу. Она была замечательно красива, и его опять охватило какое-то щенячье изумление и растерянность.

— Таня,— сказал он.— Этого не может быть. Ты галлюцинация.

Она улыбалась.

— Можешь смеяться сколько угодно. Я и без тебя знаю, что у меня сейчас жалкий вид. Но я ничего не могу с собой поделать. Мне хочется сунуть голову тебе под мышку и вертеть хвостом. И чтобы ты похлопала меня по спине и сказала: «Фу, глупый, фу!»

— Фу, глупый, фу! — сказала Таня.

— А по спине?

— А по спине потом. И голову под мышку потом.

— Хорошо, потом. А сейчас? Хочешь, я сделаю себе ошейник? Или намордник...

— Не надо намордник,— сказала Таня.— Зачем ты мне в наморднике?

— А зачем я тебе без намордника?

— Без намордника ты мне нравишься.

— Слуховая галлюцинация,— сказал Роберт.— Чем это я могу тебе нравиться?

— У тебя ноги красивые.

Ноги были слабым местом Роберта. У него они были мощные, но слишком толстые. Ноги «Юности Мира» были изваяны с Карла Гофмана.

— Я так и думал,— сказал Роберт. Он залпом выпил остывший кофе.— Тогда я скажу, за что я люблю тебя. Я эгоист. Может быть, я последний эгоист на Земле. Я люблю тебя за то, что ты единственный человек, способный привести меня в хорошее настроение.

— Это моя специальность,— сказала Таня.

— Замечательная специальность. Плохо только, что от тебя приходят в хорошее настроение и стар, и млад. Особенно млад. Какие-то совершенно посторонние люди. С нормальными ногами.

— Спасибо, Роби.

— В последний раз в Детском я заметил одного малька. Зовут его Валя... или Варя... Этакий белобрысый, конопатый, с зелеными глазами.

— Мальчик Варя...— сказала Таня.

— Не придирайся. Я обвиняю. Этот Варя своими зелеными глазами смел на тебя смотреть так, что у меня руки чесались.

— Ревность оголтелого эгоиста.

— Конечно, ревность.

— А теперь представь, как ревнует он.

— Что-о?

— И представь, какими глазами он смотрел на тебя. На двухметровую «Юность Мира». Атлет, красавец, физик-нулевик, несет воспитательницу на плече, а воспитательница тает от любви...

Роберт счастливо засмеялся.

— Танюша, как же так? Мы же были тогда одни!

— Это вы были одни. Мы в Детском никогда не бываем одни.

— Да-а,— протянул Роберт.— Помню я эти времена, помню. Хорошенькие воспитательницы и пятнадцатилетние балбесы... Я до того доходил, что бросал цветы в окно. Слушай, и часто это бывает?

— Очень,— задумчиво сказала Таня.— Особенно часто с девочками. Они развиваются раньше. А воспитатели у нас знаешь какие? Звездолетчики, герои... Это пока тузик в нашем деле.

58 Тузик, подумал Роберт. И она, конечно, очень рада

этому тупику. Все они радуются тупикам. Для них это отличный предлог, чтобы ломать стены. Так и ломают всю жизнь одну стену за другой.

— Таня,— сказал он.— Что такое дурак?

— Ругательство,— ответила Таня.

— А еще что?

— Больной, которому не помогают никакие лекарства.

— Это не дурак,— возразил Роберт.— Это симулянт.

— Я не виновата. Это японская пословица. «Нет лекарства, которое излечивает дурака».

— Ага,— сказал Роберт.— Значит, влюбленный — тоже дурак. «Влюбленный болен, он неисцелим». Ты меня утетила.

— А разве ты влюблен?

— Я неисцелим.

Тучи разошлись и открыли звездное небо. Близилося утро.

— Смотри, вон Солнце,— сказала Таня.

— Где? — спросил Роберт без особого энтузиазма.

Таня выключила свет, села к нему на колени и, прижавшись щекой к его щеке, стала показывать.

— Вот четыре ярких звезды — видишь? Это Коса Крассавицы. Левее самой верхней сла-абенькая звездочка. Вот там мы с вами, девочки, родились. Я раньше, вы позже. Это наше Солнце. Оленька, правда, родилась здесь, на Радуге, но ее мама и папа родились тоже там. И через год в летние каникулы мы всей группой туда слетаем.

— Ой, Татьяна Александровна! — запищал Роберт.— Мы правда полетим? Ой! Ай! — Он поцеловал ее в щеку.— Ой, как мы все полетим! На Д-сигма-звездолете! А мы все полетим? Ой, а можно я возьму с собой куклу? Ай, а мальчик Варя целуется! — И он поцеловал ее еще раз.

Она обняла его за шею.

— Мои девочки не играют в куклы.

Роберт поднял ее на руки, поднялся, осторожно обогнул столик и только тогда в зеленоватом сумеречном свете приборов увидел длинную человеческую фигуру в кресле перед рабочим столом. Он вздрогнул и остановился.

— Я думаю, теперь можно включить свет,— сказал человек, и Роберт сразу понял, кто это.

— И появился третий,— сказала Таня.— Пустика меня, Роб.

Она высвободилась и нагнулась, ища упавшую туфлю. 59

— Знаете что, Камилл,— раздраженно начал Роберт.

— Знаю,— сказал Камилл.

— Чудеса,— проговорила Таня, надевая туфлю.— Никогда не поверю, что у нас плотность населения один человек на миллион квадратных километров. Хотите кофе?

— Нет, благодарю вас,— сказал Камилл.

Роберт включил свет. Камилл, как всегда, сидел в очень неудобной позе, неприятно поражающей глаз. Как всегда, на нем была белая пластмассовая каска, закрывающая лоб и уши, и, как всегда, лицо его выражало снисходительную скуку, и ни любопытства, ни смущения не было в его круглых немигающих глазах. Роберт, жмурясь от света, спросил:

— Вы хоть недавно здесь?

— Недавно. Но я не смотрел на вас и не слушал, что вы говорите.

— Спасибо, Камилл,— весело сказала Таня. Она причесывалась.— Вы очень тактичны.

— Бестактны только бездельники,— сказал Камилл.

Роберт разозлился.

— Между прочим, Камилл, что вам здесь надо? И что это за надоевшая манера появляться как привидение?

— Отвечаю по порядку,— спокойно произнес Камилл. Это тоже была его манера — отвечать по порядку.— Я приехал сюда потому, что начинается извержение. Вы отлично знаете, Роби,— он даже глаза закрыл от скуки,— что я приезжаю сюда каждый раз, когда перед фронтом вашего поста начинается извержение. Кроме того...— Он открыл глаза и некоторое время молча смотрел на приборы.— Кроме того, вы мне симпатичны, Роби.

Роберт покосился на Таню. Таня слушала очень внимательно, замерев с поднятой расческой.

— Что касается моих манер,— продолжал Камилл монотонно,— то они странны. Манеры любого человека странны. Естественными кажутся только собственные манеры.

— Камилл,— сказала Таня неожиданно.— А сколько будет шестьсот восемьдесят пять умножить на три миллиона восемьсот тысяч пятьдесят три?

К своему огромному изумлению, Роберт увидел, как на лице Камилла проступило нечто похожее на улыбку. Зрелище было жутковатое. Так мог бы улыбаться счетчик Юнга.

— Много,— ответил Камилл.— Что-то около трех миллиардов.

— Странно,— вздохнула Тania.

— Что странно? — тупо спросил Роберт.

— Точность маленькая,— объяснила Тания.— Камилл, скажите, почему бы вам не выпить чашку кофе?

— Благодарю вас, я не люблю кофе.

— Тогда до свидания. До Детского лететь четыре часа, Робик. Ты меня проводишь вниз?

Роберт кивнул и с досадой посмотрел на Камилла. Камилл разглядывал счетчик Юнга. Словно в зеркало гляделся.

Как обычно на Радуге, солнце взошло на совершенно чистом небе — маленькое белое солнце, окруженное тройным галосом. Ночной ветер утих, и стало еще более душно. Желто-коричневая степь с проплешинами солончаков казалась мертвой. Над солончаками возникли зыбкие туманные холмики — пары летучих солей.

Роберт закрыл окно и включил кондиционирование, затем не торопясь и со вкусом починил подлокотник. Камилл мягко и бесшумно расхаживал по лаборатории, поглядывая в окно, выходившее на север. Видимо, ему совсем не было жарко, а Роберту жарко было даже смотреть на него — на его толстую белую куртку, на длинные белые брюки, на круглую блестящую каску. Такие каски надевали иногда во время экспериментов нуль-физики: она предохраняла от излучений.

Впереди был целый день дежурства, двенадцать часов палящего солнца над крышей, пока не рассосутся извержения и не исчезнут все последствия вчерашнего эксперимента. Роберт сбросил куртку и брюки и остался в одних трусах. Кондиционирование работало на пределе, и ничего нельзя было сделать.

Хорошо бы плеснуть на пол жидкого воздуха. Жидкий воздух есть, но его мало, и он нужен для генератора. Придется пострадать, подумал Роберт покорно. Он снова уселся перед приборами. Как славно, что хотя бы в кресле прохладно и обшивка совсем не липнет к телу.

В конце концов, говорят, что главное—это быть на своем месте. Мое место здесь. И я не хуже других выполняю свои маленькие обязанности. И в конце концов, не моя

вина, что я не способен на большее. И между прочим, дело даже не в том, на месте я или нет. Просто я не могу уйти отсюда, если бы даже и захотел. Я просто прикован к этим людям, которые так меня раздражают, и к этой грандиозной затее, в которой я так мало понимаю.

Он вспомнил, как еще в школе поразила его эта задача: мгновенная переброска материальных тел через пропасти пространства. Эта задача была поставлена вопреки всему, вопреки всем сложившимся представлениям об абсолютном пространстве, о пространстве-времени, о каппа-пространстве... Тогда это называли «проколом Римановой складки». Потом «гиперпросачиванием», «сигма-просачиванием», «нуль-сверткой». И наконец нуль-транспортровкой или, коротко, «нуль-Т». «Нуль-Т-установка». «Нуль-Т-проблематика». «Нуль-Т-испытатель». «Нуль-физик». «Где вы работаете?» — «Я нуль-физик». Изумленно-восхищенный взгляд. «Слушайте, расскажите, пожалуйста, что это такое — нуль-физика? Я никак не могу понять». — «Я тоже». Н-да...

В общем-то кое-что рассказать было бы можно. И об этой поразительной метаморфозе элементарных законов сохранения, когда нуль-переброска маленького платинового кубика на экваторе Радуги вызывает на полюсах ее — почему-то именно на полюсах! — гигантские фонтаны вырожденной материи, огненные гейзеры, от которых слепнут, и страшную черную Волну, смертельно опасную для всего живого...

И о свирепых, пугающих своей непримиримостью схватках в среде самих нуль-физиков, об этом непостижимом расколе среди замечательных людей, которым, казалось бы, работать и работать плечо к плечу, но они раскололись (хотя знают об этом немногие), и если Этьен Ламондуа упрямо ведет нуль-физику в русле нуль-транспортровки, то школа молодых считает самым важным в нуль-проблеме Волну, этого нового джинна науки, рвущегося из бутылки...

И о том, что по неясным причинам до сих пор никак не удастся осуществить нуль-транспортровку живой материи, и несчастные собаки, вечные мученицы, прибывают на финиш кобьями органического шлака... И о нуль-перелетчиках, об этой «ревущей десятке» во главе с великолепным Габой, об этих здоровых, сверхтренированных ребятах, которые вот уже три года слоняются по Радуге в по-

стояннoй гoтoвнoсти вoйти в стaртoвую кaмeру вмeстo сoбaки...

— Скoрo мы рaсстaeмся, Рoби,— сaзaл вдруг Кaмилл.

Зaдрeмaвший былo Рoбeрт встрeпeнулсe. Кaмилл стoял спинoй к нeму у сeвeрнoгo oкнa. Рoбeрт выпрямилсe и прoвeл рукoй пo лицу. Лaдoнь стaлa мoкрoй.

— Пoчeму? — спрoсил oн.

— Нaукa. Кaк этo бeзнaдeжнo, Рoби.

— Я этo дaвнo знaю, — прoвoрчaл Рoбeрт.

— Длe вaс нaукa — этo лaбиринт. Тупики, тeмныe зaкoулки, внeзaпныe пoвoрoты. Вы ничeгo нe видeтe, крoмe стeн. И вы ничeгo нe знaeтe o кoнeчнoй цeли. Вы зaявили, чтo вaшa цeль — дoйти дo кoнцa бeскoнeчнoсти, тo eсть вы пoпрoсту зaявили, чтo цeли нeт. Мeрa вaшeгo успeхa нe путь дo финишa, a путь oт стaртa. Вaшe счaстьe, чтo вы нe спoсoбны рeализoвaть aбстpaкции. Цeль, вeчнoсть, бeскoнeчнoсть — этo тoлькo лишь слoвa длe вaс. Aбстpaктныe филoсoфскиe кaтeгoрии. В вaшeй пoвсeднeвнoй жизни oни ничeгo нe знaчaт. A вoт eсли бы вы увидeли вeсь этoт лaбиринт свeрху...

Кaмилл зaмoлчaл. Рoбeрт пoдoждaл и спрoсил:

— A вы видeли?

Кaмилл нe oтвeтил, и Рoбeрт рeшил нe нaстaивaть. Oн вздoхнул, пoлoжил пoдбoрoдoк нa кулaки и зaкрыл глaзa. Чeлoвeк гoвoрит и дeйствует, думaл oн. И вce этo внeшнe прoявлeния кaкиx-тo прoцeссoв в глубинe eгo нaтуры. У бoльшинствa лoдeй нaтурa дoвoльнo мeлкaя, и пoэтoму лoбныe ee движeния нeмeдлeннo прoявляeтся внeшнe, кaк правило, в видe пустoй бoлтoвни и бeсмыслeннoгo рaзмaхивaния рукaми. A у тaких лoдeй, кaк Кaмилл, эти прoцeссy дoлжны быть oчeнь мoщными, инaчe oни нe прoбьются к пoвeрхнoсти. Зaглeнуть бы в нeгo хoть oдним глaзкoм. Рoбeрту прeдстaвилaсь зияющaя бeзднa, в глубинe кoтoрoй стрeмитeльнo прoнoсятся бeсфoрмeнныe фoсфoрeсцирующe тeни.

Егo никтo нe лoбит. Егo вce знaют — нeт нa Рaдугe чeлoвeкa, кoтoрый нe знaл бы Кaмиллa,— нo eгo никтo-никтo нe лoбит. В тaкoм oдиoчeствe я бы сoшeл с умa, a Кaмиллa этo, кaжeтся, сoвeршeннo нe интeрeсует. Oн вceгдa oдин. Нeизвeстнo, гдe oн живeт. Oн внeзaпнo пoявляeтся и внeзaпнo исчeзaeт. Егo бeлый кoлпaк видят тo в Стoлицe, тo в oткрытoм мoрe, и eсть лoди, кoтoрыe утвeрджaют, чтo eгo нeoднoкрaтнo видeли oднoврeмeннo

и там, и там. Это, разумеется, местный фольклор, но вообще все, что говорят о Камилле, звучит странным анекдотом. У него странная манера говорить «я» и «вы». Никто никогда не видел, как он работает, но время от времени он является в Совет и говорит там непонятные вещи. Иногда его удается понять, и в таких случаях никто не может возразить ему. Ламондуа как-то сказал, что рядом с Камиллом он чувствует себя глупым внуком умного деда. Вообще впечатление такое, будто все физики на планете от Этьена Ламондуа до Роберта Скларова пребывают на одном уровне...

Роберт почувствовал, что еще немного, и он сварится в собственном поту. Он поднялся и отправился под душ. Он стоял под ледяными струями, пока кожа от холода не покрылась пупырышками и не пропало желание забраться в холодильник и заснуть.

Когда он вернулся в лабораторию, Камилл разговаривал с Патриком. Патрик морщил лоб, растерянно шевелил губами и смотрел на Камилла жалобно и заискивающе. Камилл скучно и терпеливо говорил:

— Постарайтесь учесть все три фактора. Все три фактора сразу. Здесь не нужна никакая теория, только немного пространственного воображения. Нуль-актор в подпространстве и в обеих временных координатах. Не можете?

Патрик медленно помотал головой. Он был жалок. Камилл подождал минуту, затем пожал плечами и выключил видефон. Роберт, растираясь грубым полотенцем, сказал решительно:

— Зачем же так, Камилл? Это же грубо. Это оскорбляет.

Камилл снова пожал плечами. Это получалось у него так, будто голова его, придавленная каской, ныряла куда-то в грудь и снова выскакивала наружу.

— Оскорбляет? — сказал он. — А почему бы и нет?

Ответить на это было нечего. Роберт инстинктивно чувствовал, что спорить с Камиллом на моральные темы бесполезно. Камилл просто не поймет, о чем идет речь.

Он повесил полотенце и стал готовить завтрак. Они молча поели. Камилл удовольствовался кусочком хлеба с джемом и стаканом молока. Камилл всегда очень мало ел. Потом он сказал:

- Роби, вы не знаете, они отправили «Стрелу»?
- Позавчера,— сказал Роберт.
- Позавчера... Это плохо.
- А зачем вам «Стрела», Камила?
- Камила сказал равнодушно:
- Мне «Стрела» не нужна.

ГЛАВА 2

На окраине Столицы Горбовский попросил остановиться. Он вылез из машины и сказал:

— Очень хочется прогуляться.

— Пойдемте,— сказал Марк Валькенштейн и тоже вылез.

На прямом блестящем шоссе было пусто, вокруг желтела и зеленела степь, а впереди, сквозь сочную зелень земной растительности, проглядывали разноцветными пятнами стены городских зданий.

— Слишком жарко,— возразил Перси Диксон.— Нагрузка на сердце.

Горбовский сорвал у обочины и поднес к лицу цветочек.

— Люблю, когда жарко,— сказал он.— Пойдемте с нами, Перси. Вы совсем обрюзгли.

Перси захлопнул дверцу.

— Как хотите. Если говорить честно, я ужасно устал от вас обоих за последние двадцать лет. Я старый человек, и мне хочется немножко отдохнуть от ваших парадоксов. И будьте любезны, не подходите ко мне на пляже.

— Перси,— сказал Горбовский.— Поезжайте лучше в Детское. Я, правда, не знаю, где это, но там детишки, наивный смех, простота нравов... «Дядя! — закричат они.— Давай играть в мамонта!»

— Только берегите бороду,— добавил Марк, ослабая.— Они на ней повиснут.

Перси что-то буркнул себе под нос и умчался. Марк и Горбовский перешли на тропинку и неторопливо двинулись вдоль шоссе.

— Стареет бородач,— сказал Марк.— Вот и мы ему уже надоели.

— Да ну что вы, Марк,— сказал Горбовский. Он выта-

шил из кармана проигрыватель.— Ничего мы ему не надели. Просто он устал. И потом он разочарован. Шутка сказать — человек потратил на нас двадцать лет: уж так ему хотелось узнать, как влияет на нас Космос. А он почему-то не влияет... Я хочу Африку. Где моя Африка? Почему у меня всегда все записи перепутаны?..

Он брел по тропинке следом за Марком с цветком в зубах, настраивая проигрыватель и поминутно спотыкаясь. Потом он нашел Африку, и желто-зеленая степь огласилась звуками там-тама. Марк поглядел через плечо.

— Выплюньте вы эту дрянь,— сказал он брезгливо.

— Почему же дрянь? Цветочек.

Там-там гремел.

— Сделайте хотя бы потише,— сказал Марк.

Горбовский сделал потише.

— Еще тише, пожалуйста.

Горбовский сделал вид, что делает тише.

— Вот так? — спросил он.

— Не понимаю, почему я его до сих пор не испортил? — сказал Марк в пространство.

Горбовский поспешно сделал совсем тихо и положил проигрыватель в нагрудный карман.

Они шли мимо веселых разноцветных домиков, обсаженных сиренью, с одинаковыми решетчатыми конусами энергоприемников на крышах. Через тропинку крадучись прошла рыжая кошка. «Кис-кис-кис»,— обрадованно позвал Горбовский. Кошка опрометью кинулась в густую траву и оттуда поглядела дикими глазами. В знойном воздухе лениво гудели пчелы. Откуда-то доносился густой рыкающий храп.

— Ну и деревня,— сказал Марк.— Столица! Спят до девяти...

— Ну зачем вы так, Марк,— возразил Горбовский.— Я, например, нахожу, что здесь очень мило. Пчелки... Киска вон давеча пробежала... Чего вам еще нужно? Хотите, я громче сделаю?

— Не хочу,— сказал Марк.— Не люблю я таких ленивых поселков. В ленивых поселках живут ленивые люди.

— Знаю я вас, знаю,— сказал Горбовский.— Вам бы все борьбу, чтобы никто ни с кем не соглашался, чтобы сверкали идеи, и драку бы неплохо, но это уже в идеале... Стойте, стойте! Тут что-то вроде крапивы... Красивая, и очень больно...

Он присел перед пышным кустом с крупными чернополосыми листьями. Марк сказал с досадой:

— Ну что вы тут расселись, Леонид Андреевич! Крапивы не видели?

— Никогда в жизни не видел. Но я читал. И знаете, Марк, давайте я спишу вас с корабля... Вы как-то испортились, избаловались. Разучились радоваться простой жизни.

— Я не знаю, что такое простая жизнь,— сказал Марк,— но все эти цветочки-крапивки, все эти стежки-дорожки и разнообразные тропиночки — это, по-моему, Леонид Андреевич, только разлагает. В мире еще достаточно неустройства, рано еще перед всей этой буколичкой ахать.

— Неустройства — да, есть,— согласился Горбовский.— Только они ведь всегда были и всегда будут. Какая же это жизнь без неустройств? А в общем-то все очень хорошо. Вот слышите, поет кто-то... Невзирая ни на какие неустройства...

Навстречу им по шоссе вынесся гигантский грузовой атомокар. На ящиках в кузове сидели здоровенные полуголые парни. Один из них, самозабвенно изогнувшись, бешено бил рукой по струнам банджо, и все дружно ревели:

Мне нужна жена,
Лучше или хуже,
Лишь была бы женщиной,
Женщиной без мужа...

Атомокар промчался мимо, и волна горячего воздуха на секунду пригнула траву. Горбовский сказал:

— Вам это должно нравиться, Марк. В девять часов люди уже на ногах и работают. А песня вам понравилась?

— Это тоже не то,— упрямо сказал Марк.

Тропинка свернула в сторону, огибая огромный бетонированный бассейн с темной водой. Они пошли через заросли высокой, по грудь, желтоватой травы. Стало прохладнее — сверху нависла густая листва черных акаций.

— Марк,— сказал Горбовский шепотом.— Девушка идет!

Марк остановился как вкопанный. Из травы вынырнула высокая полная брюнетка в белых шортах и в коротенькой белой курточке с оторванными пуговицами. Брюнетка с заметным напряжением тянула за собой тяжелый кабель.

— Здравствуйте! — сказали хором Горбовский и Марк. Брюнетка вздрогнула и остановилась. На лице ее изобразился испуг.

Горбовский и Марк переглянулись.

— Здравствуйте, девушка! — рявкнул Марк.

Брюнетка выпустила кабель из рук и понурилась.

— Здравствуйте, — прошептала она.

— У меня такое ощущение, Марк, — сказал Горбовский, — что мы помешали.

— Может быть, вам помочь? — галантно спросил Марк. Девушка смотрела на него исподлобья.

— Змеи, — сказала вдруг она.

— Где? — воскликнул Горбовский с ужасом и поднял одну ногу.

— Вообще змеи, — пояснила девушка. Она оглядела Горбовского. — Видели сегодня восход? — вкрадчиво осведомилась она.

— Мы сегодня видели четыре восхода, — небрежно сказал Марк.

Девушка прищурилась и точно рассчитанным движением поправила волосы. Марк сейчас же представился:

— Валькенштейн. Марк.

— Д-звездолетчик, — добавил Горбовский.

— Ах, Д-звездолетчик, — сказала девушка со странной интонацией. Она подняла кабель, подмигнула Марку и скрылась в траве. Кабель зашуршал по тропинке. Горбовский посмотрел на Марка. Марк смотрел вслед девушке.

— Идите, Марк, идите, — сказал Горбовский. — Это будет вполне логично. Кабель тяжеленный, девушка слабая, красивая, а вы здоровенный звездолетчик.

Марк задумчиво наступил на кабель. Кабель задергался, и из травы донеслось:

— Вытравливай, Семен, вытравливай!..

Марк поспешно убрал ногу. Они пошли дальше.

— Странная девушка, — сказал Горбовский. — Но — мила! Кстати, Марк, почему вы все-таки не женились?

— На ком? — спросил Марк.

— Ну-ну, Марк. Не надо так. Это же все знают. Очень славная и милая женщина. Тонкая очень и деликатная. Я всегда считал, что вы для нее несколько грубоваты. Но она, кажется, так не считала...

— Да так, не женился, — сказал Марк неохотно. — Не получилось.

Тропинка снова вывела их к шоссе. Теперь слева тянулись какие-то длинные белые цистерны, а впереди блестел на солнце серебристый шпиль над зданием Совета. Вокруг по-прежнему было пусто.

— Она слишком любила музыку,— сказал Марк.— Нельзя же в каждый полет брать с собой хориолу! Хватит с нас и вашего проигрывателя. Перси терпеть не может музыки.

— В каждый полет,— повторил Горбовский.— Все дело в том, Марк, что мы слишком стары. Двадцать лет назад мы не стали бы взвешивать, что ценнее — любовь или дружба. А теперь уже поздно. Теперь мы уже обречены. Впрочем, не теряйте надежды, Марк. Может быть, мы еще встретим женщин, которые станут для нас дороже всего остального.

— Только не Перси,— сказал Марк.— Он даже не дружит ни с кем, кроме нас с вами. А влюбленный Перси...

Горбовский представил себе влюбленного Перси.

— Перси был бы отличный отец,— неуверенно предположил он.

Марк поморщился.

— Это было бы нечестно. А ребенку не нужен хороший отец. Ему нужен хороший учитель. А человеку — хороший друг. А женщине — любимый человек. И вообще поговорим лучше о стежках-дорожках.

Площадь перед зданием Совета была пуста, только у подъезда стоял большой неуклюжий аэробус.

— Мне бы хотелось повидаться с Матвеем,— сказал Горбовский.— Пойдемте со мной, Марк.

— Кто это — Матвей?

— Я вас познакомлю. Матвей Вязаницын. Матвей Сергеевич. Он здешний директор. Старый мой приятель, звездолетчик. Еще из десантников. Да вы его должны помнить, Марк. Хотя нет, это было до.

— Ну что ж,— сказал Марк.— Пойдемте. Визит вежливости. Только выключите ваш звучок. Неудобно, все-таки Совет.

Директор им очень обрадовался.

— Колоссально! — басил он, усаживая их в кресла.— Это колоссально, что вы прилетели! Молодчина, Леонид!

Ах, какой молодец! Валькенштейн? Марк? Ну как же, как же... Однако, почему вы не лысый? Леонид определенно говорил мне, что вы лысый... Ах да, это он о Диксоне! Правда, Диксон прославлен бородой, но это ничего не значит — я знаю массу бородатых и лысых людей! Впрочем, вздор, вздор! Жарко у нас, вы заметили? Леонид, ты плохо питаешься, у тебя лицо дистрофика! Обедаем вместе... А пока позволите предложить вам напитки. Вот апельсиновый сок, вот томатный, вот гранатовый... Наши собственные! Да! Вино! Свое вино на Радуге, ты представляешь, Леонид? Ну как? Странно, мне нравится... Марк, а вы? Ну, никогда бы не подумал, что вы не пьете вина! Ах, вы не пьете местных вин! Леонид, у меня к тебе тысяча вопросов... Я не знаю, с чего начать, а через минуту я буду уже не человек, а взбесившийся администратор. Вы никогда не видели взбесившегося администратора? Сейчас увидите... Я буду судить, карать, распределять блага! Я буду властвовать, предварительно разделив! Теперь я представляю, как плохо жилось королям и всяким там императорам-диктаторам! Слушайте, друзья, вы только, пожалуйста, не уходите! Я буду гореть на работе, а вы сидите и сочувствуйте. Мне здесь никто не сочувствует... Ведь вам хорошо здесь, правда? Окно я отворю, пусть ветерок... Леонид, ты представить себе не можешь... Марк, вы можете отодвинуться в тень. Так вот, Леонид, ты понимаешь, что здесь происходит? Радуга взбесилась, и это тянется уже второй год...

Он рухнул в застонавшее кресло перед диспетчерским пультом — огромный, дочерна загорелый, косматый, с торчащими вперед, как у кота, усами — распахнул до самого живота воротник сорочки и с удовольствием посмотрел через плечо на звездолетчиков, прилежно сосавших через соломинки ледяные соки. Усы его задвигались, и он раскрыл было рот, но тут на одном из шести экранов пульта появилась миловидная худенькая женщина с обиженными глазами.

— Товарищ директор, — сказала она очень серьезно. — Я Хаггертон, вы меня, возможно, не помните. Я обращалась к вам по поводу лучевого барьера на Алебастровой горе. Физики отказываются снимать барьер.

— Как так — отказываются?

70 — Я говорила с Родригосом — он, кажется, там глав-

ный нулевик? Он заявил, что вы не имеете права вмешиваться в их работу...

— Они морочат вам голову, Элен! — сказал Матвей. — Родригос такой же главный нулевик, как я ромашка-одуванчик. Он сервомеханик и в нуль-проблемах понимает меньше вас. Я займусь им сейчас же.

— Пожалуйста, мы вас очень просим...

Директор, мотая головой, щелкнул переключателями.

— Алебастровая! — гаркнул он. — Дайте Пагаву!

— Слушаю, Матвей.

— Шота? Здравствуй, дорогой! Почему не снимаешь барьер?

— Снял барьер. Почему не снимаю?

— Ага, хорошо. Передай Родригосу, чтобы перестал морочить людям голову, а то я его вызову к себе! Передай, что я его хорошо помню! Как ваша Волна?

— Понимаешь... — Шота помолчал. — Интересная Волна. Так долго рассказывать, потом расскажу.

— Ну, желаю удачи! — Матвей, перевалившись через подлокотник, повернулся к звездолетчикам. — Вот, кстати, Леонид! — вскричал он. — Вот, кстати! Что у вас говорят о Волне?

— Где у нас? — хладнокровно спросил Горбовский и пососал через соломинку. — На «Тариэле»?

— Ну вот что ты думаешь о Волне?

Горбовский подумал.

— Ничего не думаю, — сказал он. — Может быть, Марк? — Он неуверенно посмотрел на штурмана.

Марк сидел очень прямо и официально, держа бокал в руке.

— Если не ошибаюсь, — сказал он, — Волна это некий процесс, связанный с нуль-транспортировкой. Я знаю об этом немного. Нуль-транспортировка, конечно, интересует меня, как и всякого звездолетчика, — он слегка поклонился директору, — но на Земле нуль-проблематике не придают особого значения. По-моему, для земных дискретников это слишком частная проблема, имеющая явно прикладное значение.

Директор желчно хохотнул.

— Как это тебе нравится, Леонид? — сказал он. — Частная проблема! Да, видимо, слишком далека от вас наша Радуга, и все, что у нас происходит, кажется вам

слишком маленьким. Дорогой Марк, эта самая частная проблема битком набивает всю мою жизнь. а ведь я даже не нулевик! Я изнемогаю, друзья! Позавчера я вот в этом самом кабинете собственноручно разнимал Ламондуа и Аристотеля, и теперь я смотрю на свои руки,— он вытянул перед собой мощные загорелые руки,— и честное слово, удивляюсь, как это на них нет укусов и царапин. А под окнами ревели две толпы, и одна гремела: «Волна! Волна!», а другая вопила: «Нуль-Т!». И вы думаете, это был научный диспут? Нет! Это была средневековая квартирная склока из-за электроэнергии! Помните эту смешную, хотя, признаюсь, не совсем понятную книгу, где человека высекали за то, что он не гасил свет в уборной? «Золотой козел» или «Золотой осел»... Так вот Аристотель и его банда пытались высечь Ламондуа и его банду за то, что те прибрали к своим рукам весь резерв энергии... Честная Радуга! Еще год назад Аристотель ходил с Ламондуа в обнимку! Нулевик нулевiku был друг, товарищ и брат, и никому в голову не приходило, что увлечение Форстера Волной расколет планету пополам! В каком мире я живу! Ничего не хватает: энергии не хватает, аппаратуры не хватает, из-за каждого желторотого лаборанта идет бой! Люди Ламондуа воруют энергию, люди Аристотеля ловят и пытаются вербовать аутсайдеров — этих несчастных туристов, прилетевших отдохнуть или написать о Радуге что-нибудь хорошее! Совет — Совет!!! — превратился в конфликтный орган! Я попросил прислать мне Римское право... Последнее время я читаю одни исторические романы. Честная Радуга! Скоро я заведу здесь полицию и суд присяжных! Я привыкаю к новой, совершенно дикой терминологии! Позавчера я обозвал Ламондуа ответчиком, а Аристотеля истцом! Я без запинки произношу такие слова, как юриспруденция и полицейпрезидиум!

Один из экранов осветился. Появились две круглолицые девочки лет десяти. Одна в розовом платице, другая в голубом.

— Ну, ты говори! — сказала розовая полушепотом.

— Почему это я, когда договорились, что ты...

— Договорились, что ты!

— Вредная!.. Здравствуйте, Матвей Семенович...

— Сергеевич!..

— Матвей Сергеевич, здравствуйте!

— Здравствуйте, дети,— сказал директор. По лицу его

было заметно, что он что-то забыл, а ему напомнили.—
Здравствуйте, цыплята! Здравствуйте, мыши!

Розовая и голубая разом зарделись.

— Матвей Сергеевич, мы приглашаем вас в Детское на наш летний праздник...

— Сегодня в двенадцать часов!..

— В одиннадцать!..

— Нет в двенадцать!

— Приеду! — закричал директор восторженно.— Обязательно приеду! И в одиннадцать приеду, и в двенадцать!..

Горбовский допил бокал, налил себе еще, затем лег в кресле, вытянув ноги на середину комнаты, и поставил бокал себе на грудь. Ему было хорошо и уютно.

— Я тоже поеду в Детское,— заявил он.— Мне совершенно нечего делать. А там я скажу какую-нибудь речь. Я никогда в жизни не произносил речей, и мне ужасно хочется попробовать.

— Детское! — директор снова перевалился через подлокотник.— Детское — это единственное место, где у нас сохраняется порядок! Дети — отличный народ! Они прекрасно понимают слово «нельзя»... О наших нулевиках этого не скажешь, нет! В прошлом году они съели два миллиона мегаватт-часов! В этом — уже пятнадцать, и представили заявок еще на шестьдесят. Вся беда в том, что они абсолютно не желают знать слова «нельзя»...

— Мы тоже не знали этого слова,— заметил Марк.

— Дорогой Марк! Мы жили с вами в хорошее время. Это был период кризиса физики. Нам не нужно было больше, чем нам давали! Да и зачем? Ну что у нас было? Д-процессы, электронная структура... Сопряженными пространствами занимались одиночки, да и то на бумаге... А сейчас? Сейчас—эта безумная эпоха дискретной физики, теория просачивания, подпространство!.. Честная Радуга! Все эти нуль-проблемы! Безусому мальчишке, тонконогому лаборанту на каждый плюгавый эксперимент нужны тысячи мегаватт, уникальнейшее оборудование, которое на Радуге не создашь и которое, между прочим, выходит после эксперимента из строя... Вот вы привезли сотню ульмотронов! Спасибо вам! Но нужно-то их шесть сотен! И энергия... Энергия! Откуда я ее возьму? Вы же не привезли нам энергию! Более того, вам самим нужна энергия... Мы с Канэко обращаемся к Машине: дай нам опти-

мальную стратегию! Она, бедняга, только руками разводит!..

Дверь распахнулась, и стремительно вошел невысокий, очень изящный и красиво одетый мужчина. В гладко зачесанных черных волосах его торчали какие-то репья, неподвижное лицо выражало холодное сдержанное бесенство.

— Легко на помине...— начал директор, простирая к нему руку.

— Прошу отставки,— звонким металлическим голосом сказал вошедший.— Я считаю, что не способен более работать с людьми, и поэтому прошу отставки... Извините, пожалуйста,— он коротко поклонился звездолетчикам.— Канэко — план-энергетик Радуги. Бывший план-энергетик.

Горбовский торопливо заскреб ногами по скользкому полу, стараясь подняться и поклониться одновременно. Бокал с соком он при этом поднял над головой и стал похож на пьяного гостя в триклинии у Лукулла.

— Честная Радуга! — сказал директор озабоченно.— Что еще стряслось?

— Полчаса назад Симеон Галкин и Александра Постышева тайно подключились к зональной энергостанции и взяли всю энергию на двое суток вперед,— по лицу Канэко прошла судорога.— Машина рассчитана на честных людей. Мне неизвестна подпрограмма, учитывающая существование Галкина и Постышевой. Факт сам по себе недопустимый, хотя, к сожалению, и не новый для нас. Возможно, я справился бы с ними сам. Но я не дзюдока* и не акробат. И я работаю не в детском саду. Я не могу допустить, чтобы мне устраивали ловушки... Они замаскировали подключение в густом кустарнике за оврагом, а поперек тропинки натянули проволоку. Они прекрасно знали, что я должен был бежать, чтобы предотвратить огромную утечку...— Он вдруг замолчал и принялся нервно вытаскивать репья из волос.

— Где Постышева? — спросил директор, наливаясь венозной кровью. Горбовский сел прямо и с некоторым испугом поджал ноги. На лице Марка был написан живой интерес к происходящему.

— Постышева сейчас будет здесь,— ответил Канэко.—

---

* Специалист по японской борьбе «дзюдо».

Я тоже уверен, что именно она является инициатором этого безобразия. Я вызвал ее сюда от вашего имени.

Матвей подтянул к себе микрофон всеобщего оповещения и негромко пробасил:

— Внимание, Радуга! Говорит директор. Инцидент с утечкой энергии мне известен. Инцидент разбирается.

Он встал, боком подобрался к Канэко, положил руку ему на плечо и как-то виновато проговорил:

— Ну что делать, дружище... Я же тебе говорил — Радуга сошла с ума. Терпи, дружище!.. Я тоже терплю. А Постышеву я сейчас взгрею. Она у меня не обрадуется, вот увидишь...

— Я понимаю,— сказал Канэко.— Прошу извинить меня — я был взбешен. С вашего разрешения я отправлюсь на космодром. Самое, пожалуй, неприятное дело сегодня — выдача ульмотронов. Вы знаете — пришел десантник с грузом ульмотронов...

— Да,— сказал директор с чувством.— Я знаю. Вот,— он уставил квадратный подбородок на звездолетчиков.— Настоятельно рекомендую — мои друзья. Командир «Таризля» Леонид Андреевич Горбовский и его штурман Марк Валькенштейн.

— Рад,— сказал Канэко, наклонив голову с репьями. Марк и Горбовский тоже наклонили головы.

— Постараюсь свести повреждения корабля к минимуму,— сказал Канэко без улыбки, повернулся и пошел к двери. Горбовский с беспокойством посмотрел ему вслед.

Дверь перед Канэко отворилась, и он вежливо шагнул в сторону, уступая дорогу. В дверях стояла давешняя брюнетка в белой курточке с оторванными пуговицами. Горбовский заметил, что шорты ее были прожжены сбоку, а левая рука испачкана копотью. Рядом с нею изящный и подтянутый Канэко казался пришельцем из далекого будущего.

— Извините, пожалуйста,— сказала брюнетка бархатым голосом.— Разрешите войти. Вы меня вызывали, Матвей Сергеевич?

Канэко, отвернув лицо, обошел ее стороной и скрылся за дверью. Матвей вернулся в кресло, сел и уперся руками в подлокотники. Лицо его вновь посинело.

— Ты что думаешь, Постышева,— едва слышно начал он,— я не знаю, чьи это затей?..

На экране появился розовощекий юноша в кокетливо сдвинутом наборе беретике.

— Простите, Матвей Сергеевич,— весело улыбаясь, сказал он.— Я хотел бы напомнить, что два комплекта ульмотронов — наши.

— В порядке очереди, Карл,— буркнул Матвей.

— В порядке очереди мы первые,— сообщил юноша.

— Значит, вы получите первыми,— Матвей все время смотрел на Постышева, сохраняя вид свирепый и неприступный.

— Простите еще раз, Матвей Сергеевич, но нас очень беспокоит поведение группы Форстера. Я видел, что они уже выслали на космодром свой грузовик.

— Не беспокойтесь, Карл,— сказал Матвей. Он не удержался и расплылся в улыбке.— Ты только полюбуйся, Леонид! Пришел и ябедничает! Кто? Гофман! На кого? На учителя своего — Форстера! Ступайте, ступайте, Карл! Никто не получит вне очереди!

— Спасибо, Матвей Сергеевич,— сказал Гофман.— Мы с Маляевым очень на вас рассчитываем.

— Он с Маляевым! — сказал директор, поднимая глаза к потолку.

Экран погас, и через мгновение вспыхнул снова. Пожилой угрюмый человек в темных очках с какими-то приспособлениями на оправе прогудел недовольно:

— Матвей, я хотел бы уточнить относительно ульмотронов...

— Ульмотроны в порядке очереди,— сказал Матвей.

Брюнетка томно вздохнула, зорко поглядела на Марка и с покорным видом присела на край кресла.

— Нам полагается вне очереди,— сказал человек в очках.

— Значит, вы получите вне очереди,— сказал Матвей.— Существует очередь внеочередников, и ты там восьмым...

Брюнетка, грациозно изогнувшись, принялась рассматривать дырку на шортах, затем, посплюнвив палец, стерла сажу с локтя.

— Одну минуточку, Постышева,— сказал Матвей и наклонился к микрофону.— Внимание, Радуга! Говорит директор. Распределение ульмотронов, прибывших на звездолете «Тариэль», будет производиться по спискам, утвержденным в Совете, и никаких исключений делаться не

будет. Так вот, Постышева... Вызвал я тебя для того, чтобы сказать, что ты мне надоела. Я был мягок... Да, да, я был терпелив. Я сносил все. Ты не можешь упрекнуть меня в жестокости. Но честная Радуга! Есть же предел всему! Одним словом, передай Галкину, что я отстранил тебя от работы и с первым же звездолетом отправляю тебя на Землю.

Огромные прекрасные глаза Постышевой немедленно наполнились слезами. Марк скорбно покачал головой, Горбовский пригорюнился. Директор, выпятив челюсть, смотрел на Постышеву.

— И поздно теперь плакать, Александра,— сказал он.— Плакать надо было раньше. Вместе с нами.

В кабинет вошла хорошенькая женщина в плиссированной юбке и синей кофточке. Она была подстрижена под мальчика, русая челка падала ей на глаза.

— Хэлло! — сказала она, приветливо улыбаясь.— Матвей, я не помешала вам? О! — она заметила Постышеву.— Что такое? Мы плачем? — Она обняла Постышеву за плечи и прижала ее голову к груди.— Матвей, это вы? Как не стыдно! Вероятно, вы были грубы. Иногда вы бываете невыносимы!

Директор пошевелил усами.

— Доброе утро, Джина,— сказал он.— Отпустите Постышеву, она наказана. Она тяжело оскорбила Канэко и она украла энергию...

— Какой вздор! — воскликнула Джина.— Успокойся, девочка! Какие слова: «украла», «оскорбила», «энергия»! У кого она украла энергию? Ведь не у Детского же! Не все ли равно, кто из физиков тратит энергию — Аля Постышева или этот ужасный Ламондуа!

Директор величественно поднялся.

— Леонид, Марк,— сказал он.— Это Джина Пикбридж, старший биолог Радуги. Джина, это Леонид Горбовский и Марк Валькенштейн, звездолетчики...

Звездолетчики встали.

— Хэлло,— сказала Джина.— Нет, я не хочу с вами знакомиться... Почему вы, двое здоровых, красивых мужчин, так равнодушны? Как вы можете сидеть и смотреть на плачущую девочку?

— Мы не равнодушны! — запротестовал Марк. Горбовский с изумлением посмотрел на него.— Мы как раз хотели вмешаться...

— Так вмешивайтесь же! Вмешивайтесь! — сказала Джина.

— Ну, знаете, товарищи! — загремел директор. — Мне это совсем не нравится! Постышева, вы свободны. Идите, идите... В чем дело, Джина? Отпустите Постышеву и изложите ваше дело... Ну вот, видите, она вам всю кофту заревела. Постышева, идите, я вам сказал!

Постышева встала и, закрыв лицо ладонями, вышла. Марк вопросительно посмотрел на Джину.

— Ну, разумеется, — сказала она.

Марк одернул куртку, строго посмотрел на Матвея, поклонился Джине и тоже вышел. Матвей расслабленно махнул рукой.

— Отрекусь, — сказал он. — Никакой дисциплины. Вы понимаете, что вы делаете, Джина?

— Понимаю, — сказала Джина, подходя к столу. — Вся ваша физика и вся ваша энергия не стоят одной Алиной слезинки.

— Скажите это Ламондуа. Или Пагаве. Или Форстеру. Или, к примеру, Канэко. А что касается слезинок, то у каждого свое оружие. И хватит об этом, с вашего позволения. Я вас слушаю.

— Да, хватит, — сказала Джина. — Я знаю, что вы столь же упрямы, сколь и добры. А следовательно, упрямы бесконечно. Матвей, мне нужны люди. Нет-нет... — Она подняла маленькую ладонь. — Дело предстоит очень рискованное и интересное. Мне стоит только поманить пальцем, и половина физиков сбежит от своих зловещих руководителей.

— Если поманите вы, — сказал Матвей, — то сбегут и сами руководители...

— Благодарю вас, но я имею в виду охоту на кальмаров. Мне нужно двадцать человек, чтобы отогнать кальмаров от берега Пушкина.

Матвей вздохнул.

— Чем вам не понравились кальмары? — сказал он. — У меня нет людей.

— Хотя бы десять человек. Кальмары систематически грабят рыбозаводы. Чем у вас сейчас заняты испытатели?

Матвей оживился.

— Да, верно! — сказал он. — Габа! Где у меня сейчас Габа? Ага, помню... Все в порядке, Джина, у вас будет десять человек.

— Вот и хорошо. Я знала, что вы добры. Я пойду

завтракать, и пусть они меня найдут. До свидания, милый Леонид. Если захотите принять участие, мы будем только рады.

— Уф! — сказал Матвей, когда дверь закрылась. — Прелестная женщина, но работать я предпочитаю все-таки с Ламондуа... Но каков твой Марк?

Горбовский самодовольно ухмыльнулся и налил себе еще соку. Он снова блаженно вытянулся в кресле и, молвив тихонько: «Можно?», включил проигрыватель. Директор тоже откинулся на спинку кресла.

— Да! — мечтательно произнес он. — А помнишь, Леонид — Слепое Пятно, Станислав Пишта кричит на весь эфир... Да, кстати! Ты знаешь...

— Матвей Сергеевич, — сказал голос из репродуктора. — Сообщение со «Стрелы».

— Читай, — сказал Матвей, наклоняясь вперед.

— «Выхожу на деритринитацию. Следующая связь через сорок часов. Все благополучно. Антон». Связь неважная, Матвей Сергеевич, магнитная буря...

— Спасибо, — сказал Матвей. Он озабоченно обернулся к Горбовскому. — Между прочим, Леонид, что ты знаешь о Камилле?

— Что он никогда не снимает шлема, — сказал Горбовский. — Я его однажды прямо об этом спросил, когда мы купались. И он мне прямо ответил.

— И что ты думаешь о нем?

Горбовский подумал.

— Я думаю, что это его право.

Горбовскому не хотелось говорить на эту тему. Некоторое время он слушал там-там, затем сказал:

— Понимаешь, Матюша, как-то так получилось, что меня считают чуть не другом Камилла. И все меня спрашивают, что да как. А я этой темы не люблю. Если у тебя есть какие-нибудь конкретные вопросы, пожалуйста.

— Есть, — сказал Матвей. — Камилл не сумасшедший?

— Не-ет, ну что ты! Он просто обыкновенный гений.

— Ты понимаешь, я все время думаю: ну что он все предсказывает и предсказывает? Какая-то у него мания — предсказывать...

— И что же он предсказывает?

— Да так, пустяки, — сказал Матвей. — Конец света. Вся беда в том, что его, беднягу, никто-никто не может

понять... Впрочем, не будем об этом. О чем это мы с тобой говорили?..

Экран снова осветился. Появился Канэко. Галстук у него съехал набок.

— Матвей Сергеевич,— сказал он, чуть задыхаясь.— Разрешите уточнить список. У вас должна быть копия.

— О, как мне все это надоело! — сказал Матвей.— Леонид, прости меня, пожалуйста. Мне придется уйти...

— Конечно, иди,— сказал Горбовский.— А я пока прогуляюсь на космодром. Как там мой «Тариэль»...

— К двум часам ко мне обедать,— сказал Матвей.

Горбовский допил стакан, поднялся и с удовольствием увеличил громкость там-тама до предела...

ГЛАВА 3

К десяти часам жара стала невыносимой. Из раскаленной степи в щели закрытых окон сочились терпкие пары летучих солей. Над степью плясали миражи. Роберт установил у своего кресла два мощных вентилятора и полулежал, обмахиваясь старым журналом. Он утешал себя мыслью о том, что часам к трем будет гораздо тяжелее, а там, глядишь, и вечер. Камила застыл у северного окна. Они больше не разговаривали.

Из регистратора тянулась бесконечная голубая лента, покрытая зубчатыми линиями автоматической записи, счетчик Юнга медленно, незаметно для глаза, наливался густым сиреневым светом, тоненько пищали ульмотроны — за их зеркальными окошечками играли отблески ядерного пламени. Волна развивалась. Где-то за северным горизонтом, над необозримыми пустырями выжженной земли били в стратосферу исполинские фонтаны горячей ядовитой пыли...

Заверещал сигнал видеофона, и Роберт немедленно принял деловую позу. Он думал, что это Патрик или — что было бы страшно в такую жару — Маляев. Но это оказалась Таня, веселая и свежая, и было сразу видно, что там у нее нет сорокаградусной жары, нет вонючих испарений мертвой степи, воздух сладок и прохладен, а с близкого

моря ветер приносит чистые запахи цветников, обнажившихся при отливе.

— Как ты там без меня, Робик? — спросила она.

— Плохо, — пожаловался Роберт. — Пахнет. Жарко. Тебя нет. Спать хочется невыносимо, и никак не заснуть.

— Бедный мальчик... А я славно вздремнула в вертолете. У меня тоже будет трудный день. Летний праздник — всеобщее столпотворение, столоверчение и светопреставление... Ребята носятся, как ошалелые. Ты один?

— Нет. Вон стоит Камилл и не видит нас, и не слышит, Танек, я сегодня жду тебя. Только где?

— А ты разве сменяешься? Полетим на юг!

— Давай. Помнишь кафе в Рыбачьем? Будем есть минюги, пить молодое вино... ледяное! — Роберт застонал и закатил глаза. — Сейчас я буду ждать этого вечера. О, как я буду его ждать!

— Я тоже... — Она оглянулась. — Целую, Роби, — сказала она. — Жди звонка.

— Очень буду ждать, — успел сказать Роберт.

Камилл все смотрел в окно, сцепив руки за спиной. Пальцы его пребывали в непрерывном движении. У Камилла были необычайно длинные белые гибкие пальцы с коротко остриженными ногтями. Они причудливо сплетались и расплетались, и Роберт поймал себя на том, что пытается проделать то же самое с собственными пальцами.

— Началось, — сказал вдруг Камилл. — Советую посмотреть.

— Что началось? — спросил Роберт. Ему не хотелось подниматься.

— Пошла степь, — сказал Камилл.

Роберт неохотно встал и подошел к нему. Сначала он ничего не заметил. Затем ему показалось, что он видит мираж. Но вглядевшись, он так стремительно подался вперед, что стукнулся лбом в стекло. Степь шевелилась. Степь быстро меняла цвет — жуткая красноватая каша ползла через желтое пространство. Внизу, под вышкой можно было разглядеть, как копошатся среди высохших стеблей красные и рыжие точки.

— Мама моя! — ахнул Роберт. — Красная зерноедка! Что же вы стоите?! — Он метнулся к видеофону. — Пастиухи! — крикнул он. — Дежурный!

— Дежурный слушает...

— Говорит пост Степной! С севера идет зерноедка! Вся степь покрыта зерноедкой!

— Что? Повторите... Кто говорит?

— Говорит пост Степной, наблюдатель Скларов! Красная зерноедка идет с севера! Хуже, чем в позапрошлом году! Поняли? Вся степь кишит зерноедкой!

— Есть... Ясно... Спасибо, Скларов... Вот беда! А у нас все на юге! Вот беда... Ну ладно...

— Дежурный! — крикнул Роберт. — Слушайте, свяжитесь с Алебастровой или с Гринфилдом, там полно нулевиков, они помогут!

— Все понял! Спасибо, Скларов. Когда зерноедка кончит идти, сообщите сразу, пожалуйста...

Роберт снова подскочил к окну. Зерноедка шла валом, травы уже не было видно.

— Вот несчастье, — бормотал Роберт, прижимаясь лицом к стеклу. — Вот уж действительно беда!

— Не обольщайтесь, Роби, — сказал Камилл. — Это еще не беда. Это просто интересно.

— А вот выжрет она посевы, — сказал Роберт со злостью, — останемся без хлеба, без скота...

— Не останемся, Роби. Она не успеет.

— Надеюсь. На это только и надеюсь. Вы только посмотрите, как она идет. Ведь вся степь красная.

— Катаклизм, — сказал Камилл.

Неожиданно наступили сумерки. Огромная тень упала на степь. Роберт оглянулся и перебежал к восточному окну. Широкая дрожащая туча закрыла солнце. И опять Роберт не сразу понял, что это. Сначала он просто удивился, потому что днем на Радуге никогда не бывало туч. Но потом он увидел, что это птицы. Тысячи тысяч птиц летели с севера, и даже сквозь закрытые окна слышался непрерывный шелестящий шум крыльев и пронзительные тонкие крики. Роберт попятился к столу.

— Откуда птицы? — проговорил он.

— Все спасается, — сказал Камилл. — Все бежит. На вашем месте, Роби, я бы тоже бежал. Идет Волна.

— Какая Волна? — Роберт нагнулся и посмотрел на приборы. — Нет же никакой Волны, Камилл...

— Нет? — сказал Камилл хладнокровно. — Тем лучше. Давайте останемся и посмотрим.

82 — Я и не собирался бежать. Меня просто удивляет все

это. Надо, пожалуй, сообщить в Гринфилд. И главное, откуда эти птицы? Там же пустыня.

— Там очень много птиц, — сказал спокойно Камилл. — Там огромные синие озера, тростники... — Он замолчал.

Роберт недоверчиво смотрел на него. Десять лет он работал на Радуге и всегда был убежден, что к северу от Горячей параллели нет ничего, ни воды, ни травы, ни жизни. Взять флаер и слетать туда с Танюшкой, мельком подумал он. Озера, тростники...

Затрещал сигнал вызова, и Роберт повернулся к экрану. Это был сам Маляев.

— Скларов, — сказал он обычным неприязненным тоном, и Роберт по привычке почувствовал себя виноватым, виноватым за все, в том числе за зерноедок и за птиц. — Скларов, слушайте приказ. Немедленно эвакуируйте пост. Заберите оба ульмотрона.

— Федор Анатольевич, — сказал Роберт. — Идет зерноедка, летят птицы, я только что хотел сообщить вам...

— Не отвлекайтесь. Я повторяю. Заберите оба ульмотрона, садитесь в вертолет и немедленно в Гринфилд. Поняли меня?

— Да.

— Сейчас... — Маляев посмотрел куда-то вниз. — Сейчас десять сорок пять. В одиннадцать ноль ноль вы должны быть в воздухе. Имейте в виду, я выдвигаю «харибды», на всякий случай держитесь выше. Если не успеете демонтировать ульмотроны, бросьте их.

— А что случилось?

— Идет Волна, — сказал Маляев и впервые посмотрел Роберту в глаза. — Она перешла Горячую параллель. Торопитесь.

Секунду Роберт стоял, собираясь с мыслями. Затем он снова осмотрел приборы. Судя по приборам, извержение шло на убыль.

— Ну, это не мое дело, — сказал Роберт вслух. — Камилл, вы мне поможете?

— Теперь я уже никому не могу помочь, — отозвался Камилл. — Впрочем, это не мое дело. Что нужно — тащить ульмотроны?

— Да. Только сначала их надо демонтировать.

— Хотите добрый совет? — сказал Камилл. — Добрый совет за номером семь тысяч восемьсот тридцать два.

Роберт уже отключил ток и, обжигая пальцы, скручивал разъемы.

— Давайте ваш совет,— сказал он.

— Бросьте эти ульмотроны, садитесь в вертолет и летите к Тане.

— Хороший совет,— сказал Роберт, торопливо обрывая соединения.— Приятный. Помогите-ка мне его вытащить...

Ульмотрон весил около центнера, толстый гладкий цилиндр в полтора метра длиной. Они извлекли его из гнезда и внесли в кабину лифта. Завыл ветер, вышка начала вибрировать.

— Достаточно,— сказал Камилл.— Спустимся вместе.

— Надо взять второй.

— Роби, вам даже этот больше не понадобится. Послушайте моего совета.

Роберт посмотрел на часы.

— Время есть,— деловито сказал он.— Спускайтесь и выкатывайте его на землю.

Камилл закрыл дверцу. Роберт вернулся к установке. Снаружи стоял красный сумрак. Птиц больше не было, но небо затягивала мутная пелена, сквозь которую еле просвечивал маленький диск солнца. Вышка вздрагивала и раскачивалась под порывами ветра.

— Успеть бы,— вслух подумал Роберт.

Он напрягаясь вытянул второй ульмотрон, поднял на плечо и понес к лифту. Тут за его спиной с раздирающим хрустом вылетели оконные рамы, и в лабораторию ворвались облака колючей пыли пополам с раскаленным ветром. Что-то с силой ударило по ногам. Роберт поспешно присел, прислонил ульмотрон к стене и нажал кнопку вызова. Двигатель подъемника взвыл вхолостую и сейчас же умолк.

— Камилл! — крикнул Роберт, прижавшись лицом к решетчатой двери.

Никто не отозвался. Ветер выл и свистел в разбитых окнах, вышка раскачивалась, и Роберт едва держался на ногах. Он снова нажал кнопку. Подъемник не действовал. Тогда, преодолевая ветер, он подобрался к окну и выглянул наружу. Степь была затянута клубами бешено несущейся пыли. Что-то блестящее мелькало внизу у подножия вышки, и Роберт похолодел, сообразив, что это бьется и мотается под ветром вывернутое и растерзанное крыло птерокара. Роберт закрыл глаза и облизал пересохшие

губы. Рот наполнился едкой горечью. Хороша ловушка, подумал он. Патрика бы сюда...

— Ками-и-илл! — крикнул он изо всех сил.

Но он еле слышал собственный голос. Через окно... Через окно нельзя, сорвет. Стоит ли вообще барахтаться? Птерокар-то разбит... Тут она меня и накроет. Нет, надо спуститься. Что там Камилл возится — я бы на его месте уже починил лифт... Лифт!

Перешагивая через обломки, он вернулся к решетчатой двери и вцепился в нее обеими руками. А ну-ка, «Юность Мира», подумал он. Дверь была сделана добротно. Если бы фермы вышки были сделаны так же, лифт нипочем не вышел бы из строя. Роберт лег спиной на дверь и согнутыми ногами уперся в стену тамбура. Ну-ка... р-раз! В глазах у него потемнело. Что-то хрустело, не то дверь, не то мускулы. Еще... р-раз! Дверь подалась. Сейчас она вылетит, подумал Роберт, и я свалюсь в шахту. Двадцать метров вниз головой, и сверху на меня упадет ульмотрон. Он перевернулся и уперся спиной в стену, а ногами в дверь. Тр-рах! У двери вылетела нижняя половина, и Роберт упал на спину, ударившись головой. Несколько секунд он лежал неподвижно. Он был весь мокрый от пота. Потом он заглянул в пролом. Далеко внизу виднелась крыша кабины. Лезть было очень страшно, но в это время вышка начала крениться, и Роберта потащило вниз. Он не сопротивлялся, потому что вышка все кренилась и кренилась, и не было этому конца.

Он спускался, цепляясь за фермы и распорки, и тугой, колючий от пыли ветер прижимал его к теплomu металлу. Он успел заметить, что пыли стало гораздо меньше и что степь снова залита солнцем. Вышка все кренилась. Он так торопился узнать, что с птерокаром и куда девался Камилл, что выпрыгнул из шахты, когда до земли оставалось еще метра четыре. Он больно стукнулся ногами и потом руками. И первое, что он увидел, были пальцы Камилла, вонзившиеся в сухую землю.

Камилл лежал под опрокинутым птерокаром, широко раскрыв круглые стеклянные глаза, и тонкие длинные пальцы его вцепились в землю, словно он пытался вытащить себя из-под разбитой машины, а может быть, ему было очень больно перед смертью. Пыль покрывала его белую куртку, пыль лежала на щеках и открытых глазах.

— Камилл! — позвал Роберт.

Ветер бешено рвал и мотал над его головой обломок исковерканного крыла. Ветер нес струи желтой пыли. Ветер свистел и визжал в фермах покосившейся вышки. В мутноватом небе свирепо пылало маленькое солнце. Оно казалось косматым.

Роберт поднялся на ноги и, навалившись, попытался сдвинуть птерокар. На секунду ему удалось приподнять тяжелую машину, но только на секунду. Он снова взглянул на Камилла. Все лицо его было засыпано пылью, и белая куртка стала рыжей, и только к нелепой белой каске не пристало ни единой пылинки, и матовая пластмасса весело отсвечивала под солнцем.

У Роберта задрожали ноги, и он сел рядом с мертвым. Ему хотелось плакать. Прощайте, Камилл. Честное слово, я вас любил. Никто вас не любил, а я любил. Правда, я никогда не слушал вас, так же, как и другие, но честное слово, я не слушал только потому, что не надеялся вас понять. Вы были на голову выше всех, а уж меня — и давно. А теперь я не могу столкнуться с вашей раздавленной груди эту кучу лома. По долгу дружбы мне следовало бы остаться рядом с вами. Но меня ждет Таня, меня, может быть, ждет даже Маляев, и потом я ужасно хочу жить. Тут не помогают никакие чувства и никакая логика. Я знаю, что мне не уйти. И все-таки я пойду. Я буду бежать, буду брести, может быть, даже ползти, но я буду уходить до последнего... Я дурак, мне нужно было послушаться вашего семитысячного совета, но я, как всегда, не понял вас, хотя, казалось бы, чего тут было понимать?..

Он чувствовал себя таким разбитым и усталым, что только с большим трудом заставил себя подняться и пойти. А когда он обернулся, чтобы последний раз поглядеть на Камилла, он увидел Волну.

Далеко-далеко над северным горизонтом, за красноватой дымкой оседающей пыли сверкала в белесом небе ослепительная полоса, яркая, как солнце.

Ну вот и все, вяло подумал Роберт. Далеко мне не уйти. Через полчаса она будет здесь и пойдет дальше, а здесь останется гладкая черная пустыня. Башня, конечно, останется, и ничего не случится с ульмотронами, и птерокар останется, и оторванное крыло повиснет в горячем безветрии. И может быть, от Камилла останется шлем. А уж от меня вообще ничего не останется. Он, словно про-

щаясь, осмотрел себя — похлопал по голой груди, пощупал бицепсы. Жалко, подумал он. И тут он заметил флаер.

Флаер стоял за вышкой — маленький двухместный флаер, похожий на пеструю черепашку, скоростной, экономичный, удивительно простой и удобный в управлении. Это был флаер Камилла. Конечно же, это был флаер Камилла!

Роберт сделал к нему несколько неуверенных шагов, а потом сломя голову помчался, огибая вышку. Он не спускал глаз с флаера, словно боясь, что он вдруг исчезнет, споткнулся обо что-то и плашмя проехал по колючей траве, ободрав грудь и живот. Вскочив на ноги, он обернулся. Тяжелый цилиндр ульмотрона с гладкими, досия полированными боками еще тихонько покачивался от толчка. Роберт взглянул на север. Из-за горизонта уже поднималась черная стена. Роберт подбежал к флаеру, подняв тучу пыли, прыгнул в сиденье и, едва нащупав рукоятку управления, с места дал полный газ.

Степная зона тянулась до самого Гринфилда, и Роберт проскочил ее со средней скоростью пятьсот километров в час. Флаер несся над степью как блоха — огромными прыжками. Слепящая полоса скоро вновь скрылась за горизонтом. В степи все казалось обычным — и сухая щетинистая трава, и дрожащие марева над солончаками, и редкие полосы карликового кустарника. Солнце палило беспощадно. И почему-то нигде не было никаких следов ни зерноедки, ни птиц, ни урагана. Наверное, ураган разметал всю эту живность и сам затерялся в этих бесплодных, извечно пустынных просторах Северной Радуги, самой природой предназначенных для сумасшедших экспериментов нуль-физиков. Однажды, когда Роберт был еще новичком, когда Столицу называли еще просто станцией, а Гринфилда не было вообще, Волна уже проходила в этих местах, вызванная грандиозным опытом покойного Лю Фын-чена, тогда все здесь было черно, но прошло всего семь лет, и цепкая неприхотливая трава вновь оттеснила пустыню далеко на север, к самым районам извержений.

Все вернется, думал Роберт. Все будет по-прежнему, только Камилла больше не будет. И если когда-нибудь кто-нибудь внезапно возникнет в кресле за моей спиной, я уже буду точно знать, что это всего-навсего привидение.

А сейчас я приду к Маляеву и скажу ему прямо в лицо: «Ульмотроны ваши я бросил...» А он проедет сквозь зубы: «Как вы смели, Скляр?..» И тогда я ему скажу: «Наплевать мне на ульмотроны, потому что погиб Камилл из-за ваших ульмотронов». А он скажет: «Это, конечно, очень жаль, но ульмотроны нужно было привезти». И тогда я наконец рассвирепею и скажу ему все: «Сосулька ты,— скажу я.— Снежная ты баба с электронным управлением. Как ты смеешь думать об ульмотронах, когда погиб Камилл... Равнодушный вы человек, ящерица!»

В двухстах километрах от Гринфилда он увидел «харибды» — гигантские телемеханические танки, несущие отверстые пасти энергопоглотителей. «Харибды» шли цепью от горизонта до горизонта, соблюдая правильные полукилометровые интервалы, с лязгом и громовым грохотом тысячесильных двигателей. За ними в желтой степи оставались широкие полосы развороченной коричневой земли, вспаханной до самого базальтового основания континента. Траки гусениц вспыхивали под солнцем. А далеко справа в тусклом небе моталась едва заметная точка — это был вертолет-наводчик, руководивший движением этих металлических чудовищ. «Харибды» шли на Волну.

Энергопоглотители, по-видимому, еще не работали, но Роберт на всякий случай круто набрал высоту и начал снижение только когда навстречу ему из дымки вынырнул Гринфилд — несколько белых домиков и квадратная башня дальнего контроля, окруженные пышной земной зеленью. На северной окраине, подмяв под себя рожицу пальм, угрюмо чернела неподвижная «харибда», устремив прямо на Роберта бездонный раструб поглотителя, и еще две «харибды» стояли справа и слева от поселка. Два вертолета взмыли над башней и ушли на юг. На площади, среди зеленых газонов, блестели на солнце перепончатые крылья птерокаров. Вокруг птерокаров бегали и копошились люди.

Роберт подогнал флаер к самому входу в башню и выскочил на крыльцо. Кто-то отшатнулся, женский голос вскрикнул: «Кто это?» Роберт взялся за ручку стеклянной двери и на мгновение застыл, вглядываясь в свое отражение — почти голый, весь в спекшейся пыли, глаза злые, через грудь и живот идет широкая черная царапина... «Радио», — подумал он и рванул дверь. «Да ведь это Роберт!» — крикнули сзади. Он медленно поднялся по лестнице и наткнул-

ся на Патрика. Патрик смотрел на него, открыв рот. «Патрик,— сказал Роберт.— Патрик, дружище, Камилл погиб...» Патрик замигал и вдруг зажал себе рот ладонью. Роберт прошел дальше. Дверь в диспетчерскую была открыта. Там были Маляев, глава северных нулевиков Шота Петрович Пагава, Карл Гофман и еще какие-то люди, кажется, биологи. Роберт остановился в дверях, держась за косяк. За спиной топали по ступенькам и кто-то крикнул: «Откуда он знает?»

— Камилл...— сказал Роберт сипло и закашлялся.

Все с недоумением смотрели на него.

— В чем дело? — резко спросил Маляев.— Что с вами, Складов, почему вы в таком виде?

Роберт подошел к столу и, уперев грязные кулаки в какие-то бумаги, сказал ему в лицо:

— Камилл погиб. Его раздавило.

Стало очень тихо. Глаза Маляева сузились.

— Как раздавило? Где?

— Его раздавило птерокаром,— сказал Роберт.— Из-за ваших драгоценных ульмотронов. Он мог спокойно спастись, но он помогал мне таскать ваши драгоценные ульмотроны, и его раздавило. А ваши ульмотроны я бросил там. Подберете их, когда пройдет Волна. Понимаете? Бросил. Они там сейчас валяются.

Ему сунули стакан воды. Он взял стакан и жадно выпил. Маляев молчал. Его бледное лицо стало совсем белым. Карл Гофман бесцельно перебирал какие-то схемы и не поднимал глаз. Пагава поднялся и стоял с опущенной головой.

— Очень тяжело,— сказал наконец Маляев.— Это был большой человек.— Он потерял лоб.— Очень большой человек.— Он снова поглядел на Роберта.— Вы очень устали, Складов...

— Я не устал.

— Приведите себя в порядок и отдохните.

— И это все? — горько спросил Роберт.

Лицо Маляева стало прежним — равнодушным и жестким.

— Я задержу вас еще на одну минуту. Вы видели Волну?

— Видел. Волну я тоже видел.

— Какого типа Волна?

В мозгу Роберта что-то сдвинулось, и все встало на привычные места. Был властный и умный руководитель Маляев и был его вечный лаборант-наблюдатель Роберт Скларов, он же «Юность Мира»...

— Кажется, третьего, — покорно сказал он. — Лю-волна. Пагава поднял голову.

— Хорош-шо! — неожиданно бодро сказал он. И сейчас же скис, облокотился на стол и вяло сел. — Ай, Камилл, ай, Камилл, — забормотал он. — Ай, бедняга!... — Он схватил себя за большие оттопыренные уши и принялся мотать головой над бумагами.

Один из биологов, опасливо косясь на Роберта, тронул Маляева за локоть.

— Виноват, — сказал он робко. — А чем это хорошо — Лю-волна?

Маляев перестал наконец сверлить Роберта жестким взглядом.

— Это значит, — сказал он, — что погибнет только северная полоса посевов. Но мы еще не уверены, что это Лю-волна. Наблюдатель мог ошибиться.

— Ну как же так? — заныл биолог. — Договаривались же... У вас есть эти... «харибды»... Неужели нельзя остановить? Какие же вы физики?

Карл Гофман сказал:

— Возможно, удастся погасить инерцию Волны на линии дискретного перепада.

— Что значит — возможно? — воскликнула незнакомая женщина, стоявшая рядом с биологом. — Вы понимаете, что это безобразие? Где ваши гарантии? Где ваши прекрасные разговоры? Вы понимаете, что вы оставляете планету без хлеба и мяса?

— Я не принимаю таких претензий, — холодно сказал Маляев. — Я вам глубоко сочувствую, но ваши претензии должны быть адресованы Этьену Ламондуа. Мы не ставим нуль-экспериментов. Мы изучаем Волну...

Роберт повернулся и медленно пошел к двери. И нет им никакого дела до Камилла, думал он. Волна, посевы, мясо... За что они его так не любили? Потому что он был умнее их всех, вместе взятых? Или они вообще никого не любят? В дверях стояли ребята, знакомые лица, встревоженные, печальные, озабоченные. Кто-то взял его под локоть. Он поглядел сверху вниз и встретился взглядом с маленькими грустными глазами Патрика.

— Пойдем, Роб, я помогу тебе отмыться...

— Патрик,— сказал Роберт и положил руку ему на плечо.— Патрик. Уходи отсюда. Брось их, если хочешь остаться человеком...

Лицо Патрика страдальчески искривилось.

— Ну что ты, Роб,— пробормотал он.— Не надо. Это пройдет.

— Пройдет,— повторил Роберт.— Все пройдет. Волна пройдет. Жизнь пройдет. И все забудется. Не все ли равно — когда забудется? Сразу или потом...

За спиной уже совершенно откровенно ругались биологи. Маляев требовал: «Сводку!» Шота кричал: «Не прекращать замеров ни на секунду! Используйте всю автоматику! Прах с ней, потом бросите!»

— Пойдем. Роб,— попросил Патрик.

И в этот момент, перекрывая говор и крики, в диспетчерской загредел знакомый монотонный голос:

— Прошу внимания!

Роберт стремительно обернулся. У него ослабели колени. На большом экране диспетчерского видеофона он увидел уродливую матовую каску и круглые немигающие глаза Камилла.

— У меня мало времени,— говорил Камилл. Это был настоящий живой Камилл — у него тряслась голова, шевелились тонкие губы и двигался в такт словам кончик длинного носа.— Я не могу связаться с директором. Немедленно вызывайте «Стрелу». Немедленно эвакуируйте весь север. Немедленно! — Он повернул голову и посмотрел куда-то вбок, и стала видна его щека, испачканная пылью. — За Лю-волной идет Волна нового типа. Вам ее...

Экран ослепительно вспыхнул, что-то треснуло, и экран померк. В диспетчерской стояла гробовая тишина, и вдруг Роберт увидел страшные, прищуренные на него глаза Маляева.

ГЛАВА 4

На Радуге был только один космодром, и на этом космодроме стоял только один звездолет, десантный сигма-Д-звездолет «Таризель Второй». Он был виден издали —

бело-голубой купол высотой в семьдесят метров сияющим облачком возвышался над плоскими темно-зелеными крышами заправочных станций. Горбовский сделал над ним два неуверенных круга. Сесть рядом со звездолетом было трудно: плотное кольцо разнообразных машин окружало корабль. Сверху были видны неуклюжие роботы-заправщики, присосавшиеся к шести баковым выступам, хлопотливые аварийные киберы, прошупывавшие каждый сантиметр обшивки, серый робот-матка, руководивший дюжиной маленьких юрких машин-анализаторов. Зрелище это было привычное, радующее хозяйственный глаз.

Однако возле грузового люка было явное нарушение всех установлений. Оттеснив в сторону безответных космодромных киберов, там сгрудилось множество транспортных машин всевозможных типов. Там были обычные грузовые «биндюги», туристские «дилижансы», легковые «тестудо» и «гепарды» и даже один «крот» — громоздкая землеройная машина для рудных разработок. Все они совершали какие-то сложные эволюции возле люка, теснясь и поталкивая друг друга. В стороне, на самом солнцепеке стояло несколько вертолетов и валялись пустые ящики, в которых Горбовский без труда узнал упаковку ульмотронов. На ящиках грустно сидели какие-то люди.

В поисках места для посадки Горбовский начал третий круг и тут обнаружил, что за его флаером по пятам следует тяжелый птерокар, водитель которого, высунувшись по пояс из раскрытой дверцы, делает ему какие-то непонятные знаки. Горбовский посадил флаер между вертолетами и ящиками, и птерокар тотчас же очень неловко рухнул рядом.

— Я за вами,— деловито крикнул водитель птерокара, выскакивая из кабины.

— Не советую,— мягко сказал Горбовский.— Мне нет никакого дела до очереди. Я капитан этого звездолета.

На лице водителя изобразилось восхищение.

— Великолепно!— вполголоса воскликнул он, осторожно озираясь по сторонам.— Сейчас мы утрем нос нулевикам... Как зовут капитана этого корабля?

— Горбовский,— сказал Горбовский, слегка кланяясь.

— А штурмана?

— Валькенштейн.

— Превосходно,— деловито сказал водитель птерокара.— Итак, вы Горбовский, а я — Валькенштейн. Пошли.

Он взял Горбовского под локоть. Горбовский уперся.

— Слушайте, Горбовский, мы ничем не рискуем. Эти корабли мне отлично знакомы. Я сам летел сюда на десантнике. Мы проберемся в склад, возьмем по ульмотрону и запремся в кают-компани. Когда все это кончится,— он небрежным жестом указал на машины,— мы спокойно выйдем.

— А вдруг придет настоящий штурман?

— Настоящему штурману придется долго доказывать, что он настоящий,— веско возразил самозванный штурман.

Горбовский хихикнул и сказал:

— Пошли.

Лжештурман пригладил волосы, сделал глубокий вдох и решительно двинулся вперед. Они стали протискиваться между машинами. Лжештурман говорил непрерывно — у него вдруг прорезался глубокий внушительный бас.

— Я полагаю,— во всеуслышание вещал он,— что очистка диффузоров только задержит нас. Предлагаю просто сменить половину комплектов, а основное внимание уделить осмотру обшивки... Товарищ, продвиньте немного вашу машину! Вы мешаете... Так вот, Валентин Петрович, при выходе на деритринитацию... Подайте ваш грузовик назад, товарищи. Не понимаю, зачем вы толпитесь? Существует очередь, существует список, закон, наконец... Вышлите представителей... Валентин Петрович, не знаю как вас, а меня поражает дикость аборигенов. Такого мы с вами не видели даже на Пандоре среди тахоргов...

— Вы совершенно правы, Марк,— сказал Горбовский развлекаясь.

— Что? Ну да, само собой... Ужасные нравы.

Девушка в шелковой косынке, высунувшись из кабины «биндюга», осведомилась:

— Штурман и капитан, если не ошибаюсь?

— Да! — с вызовом сказал штурман. — И как штурман, я рекомендовал бы вам еще раз прочитать инструкцию о порядке разгрузки.

— Вы думаете, это необходимо?

— Несомненно. Вы совершенно напрасно ввели ваш грузовик в двадцатиметровую зону...

— А знаете, друзья,— раздался веселый молодой голос,— у этого штурмана фантазия победнее, чем у первых двух.

— Что вы хотите этим сказать? — оскорбленно спросил лжештурман. В лице его было что-то от лже-Нерона.

— Понимаете, — проникновенно сказала девушка в косынке, — вон там, на пустых ящиках уже сидят два штурмана и один капитан. А пустые ящики — это упаковка ульмотронов, которые увез борт-инженер — скромная такая молодая женщина. За нею сейчас гонится уполномоченный Совета...

— Как вам это нравится, Валентин Петрович? — вскричал лжештурман. — Самозванцы, а?

— У меня такое ощущение, — задумчиво сказал Горбовский, — что мне не попасть на собственный корабль.

— Верное рассуждение, — сказала девушка в косынке. — И уже не новое.

Штурман решительно было ринулся вперед, но тут «биндюг» справа немного передвинулся влево, черно-желтый «дилижанс» слева чуть-чуть подался вправо, а прямо на пути к заветному люку вдруг злобно заворочались, отбрасывая комья земли, оскаленные зубья «крота».

— Валентин Петрович! — с негодованием воскликнул лжештурман. — В таких условиях я не гарантирую готовности звездолета!

— Старо! — грустно сказал водитель «дилижанса».

Звонкий веселый голос проговорил:

— Какой это штурман! Скука зевотная. Вот помните второго штурмана — тот, действительно, развлек! Как он задира! на себе майку и показывал следы метеоритных ударов!

— Нет, первый был лучше, — сказал, обернувшись, водитель «крота».

Лжештурман, подавленно опустив голову, сковывал комья земли с блестящих зубьев «крота».

— Ну, а вы что скажете? — обратился водитель «дилижанса» к Горбовскому. — Что же вы все молчите? Надо что-нибудь говорить... Что-нибудь убедительное.

Все с любопытством ждали.

— Вообще, я мог бы войти через пассажирский люк, — задумчиво сказал Горбовский.

Лжештурман с надеждой вскинул голову и посмотрел на него.

— Не могли бы, — покачал головой водитель. — Он заперт изнутри.

В наступившей паузе был отчетливо слышен голос Канэко:

— Не могу я вам дать десять комплектов, поймите, товарищ Прозоровский!

— А вы поймите меня, товарищ Канэко! У нас заявка на десять комплектов. Как я вернусь с шестью?..

Кто-то вмешался:

— Берите, Прозоровский, берите... Берите пока шесть. У нас четыре комплекта освободятся через неделю, и я вам пришлю...

— Вы обещаете?

Девушка в косынке сказала:

— Прозоровского просто жалко. У них шестнадцать схем на ульмотронах.

— Да, нищета, — вздохнул водитель «дилижанса».

— А у нас пять, — горестно сказал лжештурман. — Пять схем и всего один ульмотрон. Что, казалось бы, им стоило привезти штук двести!

— Мы могли бы привезти и двести и триста, — сказал Горбовский. — Но ульмотроны нужны сейчас всем. На Земле заложили шесть новых У-конвейеров...

— У-конвейер! — сказала девушка в косынке. — Легко сказать!.. Вы представляете себе технологию ульмотрона?

— В самых общих чертах.

— Шестьдесят килограммов ультрамикрорэлементов... Ручное управление сборкой, полумикронные допуски... А какой уважающий себя человек пойдет в сборщики? Вот вы бы пошли?

— Набирают добровольцев, — сказал Горбовский.

— А! — с отвращением сказал водитель «крота». — Неделя помощи физикам!..

— Ну что ж, Валентин Петрович, — сказал лжештурман, стыдливо улыбаясь. — Так нас, по-видимому, и не пустят...

— Меня зовут Леонид Андреевич, — сказал Горбовский.

— А меня Ганс, — уныло признался лжештурман. — Пошли посидим на ящиках. Вдруг что-нибудь случится...

Девушка в косынке помахала им рукой. Они выбрались из толпы машин и присели на ящиках рядом с другими лжезвездолетчиками. Их встретили сочувственно-насмешливым молчанием.

Горбовский ощупал ящик. Пластмасса была грубая и жесткая. На солнцепеке было жарко. Делать Горбовскому

здесь было совершенно нечего, но, как всегда, ему страшно хотелось познакомиться с этими людьми, узнать, кто они и как дошли до жизни такой, и вообще, как идут дела. Он составил вместе несколько ящиков, спросил: «Можно, я лягу?», лег, вытянувшись во всю длину, и с помощью трубцынки укрепил возле головы микрокондиционер. Потом он включил проигрыватель.

— Меня зовут Горбовский,— представился он.— Леонид. Я был капитаном этого звездолета.

— Я тоже был капитаном этого звездолета,— мрачно сообщил грузный темнотищий человек, сидевший справа.— Меня зовут Альпа.

— А меня зовут Банин,— заявил голый до пояса худощавый юноша в белой панаме.— Я был и остаюсь штурманом. Во всяком случае, пока не получу ульмотрон.

— Ганс,— коротко сказал лже-Валькенштейн, усевшийся на траве поближе к микрокондиционеру.

Третий лжештурман, видимо, не слышал их. Он сидел к ним спиной и что-то писал, положив блокнот на колени.

Из толпы машин выехал длинный «гепард». Дверца открылась, оттуда вылетели пустые коробки из-под ульмотронов, и «гепард» умчался в степь.

— Прозоровский,— сказал Банин с завистью.

— Да,— сказал Альпа горько.— Прозоровскому не приходится врать. Правая рука Ламондуа.— Он глубоко вздохнул.— Никогда не врал. Терпеть не могу врать. И теперь очень нехорошо на душе.

Банин сказал глубокомысленно:

— Если человек начинает врать помимо всякого желания, значит, где-то что-то разладилось. Сложное последствие.

Альпа сказал, как бы продолжая прерванный разговор:

— Шутки шутками, а возьмите того же Ламондуа. Вот он рвется сломя голову к осуществлению нуля-Т. Нуль-Т, как и следовало ожидать, дает массу новых ответвлений. Но Ламондуа вынужден обрубить почти все эти ответвления, он просто вынужден игнорировать их. Потому что у него нет никакой возможности тщательно проработать каждое ответвление на перспективность. Мало того, он вынужден сознательно игнорировать заведомо поразительные и интересные вещи. Так, например, случилось с Волной. Неожиданное, удивительное и, на мой взгляд, грозное явление. Но преследуя свою цель, Ламондуа пошел даже на раскол

в своем лагере. Он поссорился с Аристотелем, он отказывается обеспечивать волновиков. Он идет вглубь, вглубь, вглубь, его проблема становится все уже. Волна осталась у него далеко в тылу. Она для него только помеха, он слышать о ней не хочет. А она, между прочим, сжигает посевы...

Над космодромом загремел громкоговоритель всеобщего оповещения:

— Внимание, Радуга! Говорит директор. Старшего бригады испытателей Габу вместе с бригадой прошу немедленно явиться ко мне.

— Счастливые люди,— сказал Ганс.— Никакие ульмотроны им не нужны.

— У них своих забот хватает,— сказал Банин.— Видел я однажды, как они тренируются — нет уж, я лучше буду лжештурманом... А потом два года сидеть без своего дела и каждый день слышать: «Потерпите еще чуть-чуть. Вот, может быть, завтра»...

— Я рад, что вы заговорили о том, что в тылу,— сказал Горбовский.— Белые пятна науки. Меня этот вопрос тоже занимает. По-моему, у нас в тылу нехорошо... Например, Массачузетская машина.— Альпа покивал. Горбовский обратился к нему.— Вы, конечно, должны помнить. Сейчас о ней вспоминают редко. Угар кибернетики прошел.

— Ничего не могу вспомнить о Массачузетской машине, — сказал Банин. — Ну, ну?

— Знаете это древнее опасение: машина стала умнее человека и подмяла его под себя... Полсотни лет назад в Массачузете запустили самое сложное кибернетическое устройство, когда-либо существовавшее. С каким-то там феноменальным быстродействием, необозримой памятью и все такое... И проработала эта машина ровно четыре минуты. Ее выключили, зацементировали все входы и выходы, отвели от нее энергию, заминировали и обнесли колючей проволокой. Самой настоящей ржавой колючей проволокой — хотите верить, хотите нет.

— А в чем, собственно, дело? — спросил Банин.

— Она начала вести себя,— сказал Горбовский.

— Не понимаю.

— И я не понимаю, но ее едва успели выключить.

— А кто-нибудь понимает?

— Я говорил с одним из ее создателей. Он взял меня

за плечо, посмотрел мне в глаза и произнес только: «Леонид, это было страшно».

— Вот это здорово! — сказал Ганс.

— А, — сказал Банин, — чушь. Это меня не интересует.

— А меня интересует, — сказал Горбовский. — Ведь ее могут включить снова. Правда, она под запретом Совета, но почему бы не снять запрет?

Альпа проворчал:

— Каждому времени — свои злые волшебники и привидения...

— Кстати, о злых волшебниках, — подхватил Горбовский. — Я немедленно вспоминаю о казусе Чертовой Дюжины.

У Ганса горели глаза.

— Казус Чертовой Дюжины, как же! — сказал Банин. — Тринадцать фанатиков... Кстати, где они сейчас?

— Позвольте, позвольте, — сказал Альпа. — Это те самые ученые, которые срашивали себя с машинами? Но ведь они же погибли!

— Говорят, да, — сказал Горбовский, — но ведь не в этом дело. Прецедент создан.

— А что, — сказал Банин, — их называют фанатиками, колдунами, но в них, г-моему, есть что-то притягательное. Избавиться от всех этих слабостей, страстей, вспышек эмоций... Голый разум плюс неограниченные возможности совершенствования организма. Исследователь, которому не нужны приборы, который сам себе прибор и сам себе транспорт. И никаких очередей за ульмотронами... Я это себе прекрасно представляю. Человек-флаер, человек-реактор, человек-лаборатория... Неуязвимый, бессмертный...

— Прошу прощения, но это не человек, — проворчал Альпа. — Это Массачузетская машина.

— А как же они погибли, если они бессмертны? — спросил Ганс.

— Разрушили сами себя, — сказал Горбовский. — Видно, не сладко быть человеком-лабораторией.

Из-за машин появился багровый от напряжения человек с цилиндром ульмотрона на плече. Банин соскочил с ящика и побежал помочь ему. Горбовский задумчиво наблюдал, как они грузят ульмотрон в вертолет. Багровый человек жаловался:

— Мало того, что дают один вместо трех. Мало того, что теряешь половину дня. Тебе еще приходится доказывать,

что ты имеешь право! Тебе не верят! Вы можете себе это представить — тебе не верят! Не верят!!!

Когда Банин вернулся, Альпа сказал:

— Все это довольно фантастично. Если вас интересует тыл, обратите лучше пристальное внимание на Волну. Каждая неделя — очередная нуль-транспортировка. И каждая нуль-транспортировка вызывает Волну. Большое или маленькое извержение. А занимаются Волной дилетантски. Не получилось бы второй Массачузетской машины, только без выключателя. Камилл — вы знаете Камилла? — рассматривает ее как явление планетарного масштаба, но его аргументы неудобопонятны. С ним очень трудно работать.

Альпа вздохнул и спрятал трубку.

— Проблемы, проблемы, — сказал он. — Противоречия, синтез, тыл, фронт... А вы заметили, кто здесь сидит? Вы, вы... он... я... Неудачники. Отверженные науки. Наука вон — получает ульмотроны.

Он хотел сказать еще что-то, но тут громкоговоритель заревел снова:

— Внимание, Радуга! Говорит директор. Капитан звездолета «Тариэль-Второй» Леонид Андреевич Горбовский. План-энергетик планеты товарищ Канэко. Прошу немедленно явиться ко мне.

Из машин сейчас же высунулись водители. На лицах их было написано неопишное удовольствие. Все они смотрели на лжезвездолетчиков. Банин, втянув голову в плечи, развел руками. Ганс весело крикнул: «Это не меня, я штурман!» Альпа закричал и закрыл лицо ладонью. Горбовский торопливо поднялся.

ГЛАВА 5

Матвей был не один. На его столе, подложив под себя руки и болтая ногами, сидел маленький черноволосый человек, черноглазый, живой, похожий на школьника-выпускника. Это был Этьен Ламондуа, глава современной нуль-физики, «быстрый физик», как его называли коллеги.

— Можно? — спросил Горбовский.

— А вот и он, — сказал Матвей. — Вы знакомы?

Ламондуа стремительно соскочил со стола и, подойдя вплотную, крепко пожал Горбовскому руку.

— Рад вас видеть, капитан,— сказал он, мило улыбаясь.— Мы как раз говорили о вас.

Горбовский попятился и сел в кресло.

— А мы — о вас,— сказал он.

Этьен живо поклонился и вернулся за стол к директору.

— Итак, я продолжаю,— сказал он.— «Харибды» стоят насмерть. Надо отдать Маляеву справедливость — он создал отличные машины. Любопытно, что северная Волна — совершенно нового типа. Эти мальчишки уже успели назвать ее. П-волна, каково? По имени носатого Шота. Черт возьми, я вынужден признаться, что рву на себе волосы. Как я раньше не обращал внимания на это великолепное явление? Придется извиниться перед Аристотелем. Он оказался прав. Он и Камилл. Я преклоняюсь перед Камиллом. Я преклонялся перед ним и раньше, но теперь я, кажется, понимаю, что он имел в виду. Кстати, вы знаете, что Камилл погиб?

Матвей дернул головой.

— Опять?

— А, вы уже знаете! Странная история. Погиб и снова воскрес. Я слышал о таких вещах. На свете нет ничего нового. То же самое было с Христом. Между прочим, вы верите, что Складов мог бросить его на съедение Волне? Я — нет. Итак, северная Волна достигла пояса контрольных станций. Первая, Лю-волна,— рассеяна, вторая, П-волна, теснит «харибд» со скоростью до двадцати километров в час. Так что северные посевы, вероятно, все-таки погибнут. Биологов пришлось выслать на вертолетах...

— Знаю,— сказал директор.— Жаловались.

— Что поделаешь! Они вели себя хотя и понятным образом, но тем не менее недостойно. На океане движение Волны приостановлено. Там наблюдается явление, за которое Лю отдал бы полжизни: деформация кольцевой Волны. Эта деформация удовлетворяет каппа-уравнению, а если Волна есть каппа-поле, то становится сразу ясно все, над чем бился наш бедный Маляев: и Д-проницаемость, и телегенность фонтанов, и «вторичные призраки»... Черт возьми, за эти три часа мы узнали о Волне больше, чем за десять лет. Матвей, учтите, как только все это кончится, нам понадобится У-регистратор, может быть, даже два. Считайте, что я дал заявку. Обычные вычислители не помогут. Только Лю-алгоритмы, только Лю-логика!

— Хорошо, хорошо,— сказал Матвей.— А что на юге?

— На юге океан. За юг вы можете быть спокойны. Там Волна дошла до Берега Пушкина, сожгла Южный Архипелаг и остановилась. У меня такое впечатление, что она не пойдет дальше, и очень жаль, потому что наблюдатели удивлялись оттуда так поспешно, что бросили всю автоматику, и о южной Волне мы почти ничего не знаем.— Он с досадой щелкнул пальцами.— Я понимаю, вас интересует совсем другое. Но что делать, Матвей! Давайте смотреть на вещи реалистически. Радуга — это планета физиков. Это наша лаборатория. Энергостанции погибли, и их не вернешь. Когда закончится этот эксперимент, мы их отстроим заново, вместе. Нам ведь понадобится много энергии! А что касается рыбных промыслов, черт возьми... Нулевики морально готовы отказаться от ухи из кальмаров! Не сердитесь на нас, Матвей.

— Я не сержусь,— сказал директор с тяжелым вздохом.— Но есть, однако, в вас что-то от ребенка, Этьен. Вы, как ребенок, играючи, ломаете все, что так дорого взрослым.— Он снова вздохнул.— Постарайтесь сберечь хотя бы южные посевы. Очень мне не хочется терять автономию.

Ламондуа посмотрел на часы, кивнул и, не говоря ни слова, выскочил вон. Директор посмотрел на Горбовского.

— Как тебе это нравится, Леонид? — спросил он, невольно усмехаясь.— Да, дружище. Бедная Постышева, она ангел по сравнению с этими вандалами. Когда я думаю, что ко всем моим болячкам прибавятся еще хлопоты по восстановлению системы снабжения и ассенизации, у меня волосы встают дыбом.— Он подергал себя за ус.— А с другой стороны, Ламондуа прав — Радуга действительно планета физиков. Но что скажет Канэко, что скажет Джинна...— Он помотал головой и передернул плечами.— Да! Канэко! А где Канэко?

— Матвей,— сказал Горбовский,— а можно мне узнать, зачем ты меня вызвал?

Директор, повернувшись к нему спиной, возился с клавишами селектора.

— Тебе удобно? — спросил он.

— Да,— сказал Горбовский. Он уже лежал.

— Может, тебе пить хочется?

— Хочется.

— Возьми в холодильнике. Может, тебе есть хочется? 101

— Еще нет, но скоро захочется.

— Вот тогда и поговорим. А пока не мешай мне работать.

Горбовский достал из холодильника соки и стакан, смешал себе коктейль и снова лег в кресло, откинув спинку. Кресло было мягкое, прохладное, коктейль был ледяной и вкусный. Он лежал, потягивая через соломинку из стакана, с полузакрытыми от удовольствия глазами и слушал, как директор разговаривает с Канэко. Канэко сказал, что не может выбраться — его не пускают. Директор спросил, кто не пускает. Сейчас я пришлю к тебе Габу, сказал директор. Канэко возразил, что у него и так достаточно шумно. Тогда Матвей рассказал о Волне и напомнил извиняющимся тоном, что Канэко, помимо всего прочего, является начальником СИБ Радуги. Канэко сердито сказал, что он этого не помнит, и Горбовский ему посочувствовал.

Начальники Службы индивидуальной безопасности всегда вызывали у него чувство жалости и сострадания. На каждую освоенную, а иногда и не совсем еще освоенную планету рано или поздно начинали прибывать аутсайдеры — туристы, отпускники (всей семьей, с детьми), свободные художники, ищущие новых впечатлений, неудачники, ищущие одиночества или работы потруднее, разнообразные дилетанты, спортсмены-охотники и прочий люд, не числившийся ни в каких списках, никому на планете не известный, ни с кем не связанный и зачастую старательно уклонявшийся от каких-либо связей. Начальник СИБ был обязан лично знакомиться с каждым из аутсайдеров, инструктировать их и следить, чтобы каждый аутсайдер давал ежедневно о себе знать сигналом на регистрирующую машину. На зловещих планетах типа Яйлы или Пандоры, где новичка на каждом шагу подстерегали всевозможные опасности, команды СИБ спасли не одну человеческую жизнь. Но на плоской, как доска, Радуге, с ее ровным климатом, убогим животным миром и ласковым, всегда тихим морем, СИБ неизбежно должна была превратиться и, судя по всему, превратилась в пустую формальность. И вежливый, корректный Канэко, чувствуя двусмысленность своего положения, занимался, конечно, не инструктажем литераторов, приехавших поработать в одиночестве, и не прослеживанием замысловатых маршрутов влюбленных и молодых людей, а своим планированием или каким-нибудь другим настоящим делом.

— Сколько сейчас на Радуге аутсайдеров? — спросил Матвей.

— Человек шестьдесят. Может быть, немного больше.

— Канэко, дружище, всех аутсайдеров надо немедленно разыскать и переправить в Столицу.

— Я не совсем понимаю, в чем смысл этого мероприятия, — вежливо сказал Канэко. — В угрожаемых районах аутсайдеры практически никогда не бывают. Там голая сухая степь, там дурно пахнет, очень жарко...

— Пожалуйста, не будем спорить, Канэко, — попросил Матвей. — Волна есть Волна. В такое время лучше, чтобы все незаинтересованные люди были под рукой. Сейчас сюда придет Габа со своими бездельниками, и я пошлю его к тебе. Организуй там.

Горбовский, отложив соломинку, отхлебнул прямо из стакана. «Камилл погиб, — подумал он. — А погибнув, воскрес. Со мной такие вещи тоже бывали. Видно, эта пресловутая Волна вызвала порядочную панику. Во время паники всегда кто-нибудь гибнет, а потом ты очень удивляешься, встретив его в кафе в миллионе километров от места гибели. Физиономия у него поцарапана, голос хриплый и бодрый, он слушает анекдоты и убирает шестую порцию маринованных креветок с сычуаньской капустой».

— Матвей, — позвал он. — А где сейчас Камилл?

— А, да ты еще не знаешь, — сказал директор. Он подошел к столу и стал смешивать себе коктейль из гранатового сока и ананасного сиропа. — Со мной говорил Маляев из Гринфилда. Камилл каким-то образом оказался на передовом посту, задержался там и попал под Волну. Какая-то запутанная история. Этот Скляров — наблюдатель — примчался на Камилловом флаере, закатил истерику и заявил, что Камилл раздавлен, а через десять минут Камилл выходит на связь с Гринфилдом, по обыкновению пророчествует и снова исчезает. Ну разве можно после таких вот выходов принимать Камилла всерьез?

— Да. Камилл большой оригинал. А кто такой Скляров?

— Наблюдатель у Маляева, я же тебе говорю. Очень старательный, милый парень, очень недалекий... Предполагать, что он предал Камилла — это же нелепо... Вечно Маляеву приходят в голову какие-то дикие мысли...

— Не обижай Маляева, — сказал Горбовский. — Он просто логичен. Впрочем, не будем об этом. Будем лучше о Волне.

— Будем,— рассеянно сказал директор.

— Это очень опасно?

— Что?

— Волна. Она опасна?

Матвей засопел.

— В общем-то Волна смертельно опасна,— сказал он.— Беда в том, что физики никогда не знают заранее, как она будет себя вести. Она, например, может в любой момент рассеяться.— Он помолчал.— А может и не рассеяться.

— И укрыться от нее нельзя?

— Не слыхал, чтобы кто-нибудь пробовал. Говорят, что это довольно страшное зрелище.

— Неужели ты не видел?

Усы Матвея грозно встопорщились.

— Ты мог бы заметить,— сказал он,— что у меня мало времени мотаться по планете. Я все время кого-нибудь жду, кого-нибудь умиротворяю, или кто-нибудь меня ждет... Уверяю тебя, если бы у меня было свободное время...

Горбовский осторожноенько осведомился:

— Матвей, я, наверное, пснадобился тебе, чтобы искать аутсайдеров, не так ли?

Директор сердито взглянул на него.

— Захотел есть?

— Н-нет.

Матвей прошелся по кабинету.

— Я скажу тебе, что меня расстраивает. Во-первых, Камилл предсказывал, что этот эксперимент окончится неблагоприятно. Они не обратили на него внимания. Я, следовательно, тоже. А теперь Ламондуа признает, что Камилл был прав...

Дверь распахнулась, и в кабинет, блестя великолепными зубами, ввалился молодой громадный негр в коротких белых штанах, в белой куртке и в белых туфлях на босу ногу.

— Я прибыл! — объявил он, взмахнув огромными руками.— Что ты хочешь, о господин мой директор? Хочешь, я разрушу город или построю дворец? Хотел я, угадав твои желания, прихватить для тебя красивейшую из женщин по имени Джина Пикбридж, но чары ее оказались сильнее, и она осталась в Рыбачьем, откуда и шлет тебе нелестные приветы.

— Я абсолютно ни при чем,— сказал директор.— Пусть шлет свои приветы Ламондуа.

— Воистину пусть! — воскликнул негр.

— Габа,— сказал директор,— ты знаешь о Волне?

— Разве это Волна? — презрительно сказал негр.— Вот когда в стартовую камеру войду я, и Ламондуа нажмет пушковой рычаг, вот тогда будет настоящая Волна! А это — вздор, зыбь, рябь! Но я слушаю тебя и готов повиноваться.

— Ты с бригадой? — спросил директор терпеливо. Габа молча показал на окно.— Ступай с ними на космодром, ты поступаешь в распоряжение Канэко.

— На голове и на глазах,— сказал Габа. В тот же момент здоровенные глотки за окном грянули под банджо на мотив псалма «У стен Иерихонских»:

На веселой Радуге,
Радуге, Радуге...

Габа в один шаг очутился у окна и гаркнул:

— Ти-хо!

Песня смолкла. Тонкий чистый голос жалобно протянул:

Dig my grave both long and narrow,
Make my coffin neat and stro-o-ong... *

— Я иду,— с некоторым смущением сказал Габа и мощным прыжком перемахнул через подоконник. За окном взревели.

— Бездельники,— проворчал директор, ухмыляясь. Он опустил раму.— Застоялись, младенцы. Не знаю, что я буду делать без них.

Он остался стоять у окна, и Горбовский, прикрыв глаза, смотрел ему в спину. Спина была широченная, но почему-то такая сгорбленная и несчастная, что Горбовский забеспокоился. У Матвея, звездолетчика и Десантника, просто не могло быть такой спины.

— Матвей,— сказал Горбовский.— Я тебе правда нужен?

— Да,— сказал директор.— Очень.— Он все смотрел в окно.

— Матвей,— сказал Горбовский.— Расскажи мне, в чем дело.

— Тоска, предчувствия, заботы,— продекламировал Матвей и замолчал.

Горбовский поерзал, устраиваясь, тихонько включил проигрыватель и так же тихонько сказал:

---

* Откройте мне могилу, длинную и узкую.

Гроб мне крепкий сделайте, чистый и уютный...

(Народная американская песня).

— Ладно, дружок. Я посижу здесь с тобой просто так.

— Угу. Ты уж посиди, пожалуй.

Грустно и лениво звенела гитара, за окном пылало горячее пустое небо, а в кабинете было прохладно и сумеречно.

— Ждать. Будем ждать,— громко сказал директор и вернулся в свое кресло. Горбовский промолчал.

— Да! — сказал он.— Какой же я невежливый! Я совсем забыл. Что Женечка?

— Спасибо, хорошо.

— Она не вернулась?

— Нет. Так и не вернулась. По-моему, она теперь и думать об этом не хочет.

— Все Алешка?

— Конечно. Просто удивительно, как это оказалось для нее важно.

— А помнишь, как она клялась: вот пусть только родится...

— Я все помню. Я помню такое, чего ты и не знаешь. Она с ним сначала ужасно мучилась. Жаловалась. Нет, говорит, у меня материнского чувства. Урод я. Дерево. А потом что-то случилось. Я даже не заметил — как. Правда, он очень славный поросенок. Очень ласковый и умница. Гулял я с ним однажды вечером в парке. Вдруг он спрашивает: «Папа, что это приседает?» Я сначала не понял. Потом... Понимаешь, ветер, качается фонарь, и тени от него на стене. «Приседает». Очень точный образ, правда?

— Правда,— сказал Горбовский.— Писатель будет. Только хорошо бы отдать его все-таки в интернат.

Матвей махнул рукой.

— Не может быть и речи,— сказал он.— Она не отдаст. И ты знаешь, сначала я спорил, а потом подумал: зачем? Зачем отнимать у человека смысл жизни? Это ее смысл жизни. Мне это недоступно,— признался он,— но я верю, потому что вижу. Может быть, дело в том, что я много старше ее. И слишком поздно для меня появился Алешка. Я иногда думаю, как бы я был одинок, если б не знал, что каждый день могу его видеть. Женька говорит, что я люблю его не как отец, а как дед. Что ж, очень может быть. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Понимаю. Но мне это незнакомо. Я, Матвей, никогда не был одиноким.

— Да,— сказал Матвей.— Сколько я тебя знаю, вокруг

тебя все время крутятся люди, которым ты позарез нужен. У тебя очень хороший характер, тебя все любят.

— Не так,— сказал Горбовский.— Это я всех люблю. Прожил я чуть не сотню лет и представь себе, Матвей, не встретил ни одного неприятного человека.

— Ты очень богатый человек,— проговорил Матвей.

— Кстати,— вспомнил Горбовский.— Вышла в Москве книга. «Нет горше твоей радости», Сергея Волкового. Очередная бомба эмоциологов. Генкин разразился желчной статьей. Очень остроумно, но неубедительно. Литература, мол, должна быть такой, чтобы ее было приятно препарировать. Эмоциологи ядовито смеялись. Наверное, все это продолжается до сих пор. Никогда я этого не пойму. Почему они не могут относиться друг к другу терпимо?

— Это очень просто,— сказал Матвей.— Каждый воображает, что делает историю.

— Но он и делает историю! — возразил Горбовский.— Каждый действительно делает историю! Ведь мы, люди науки и производства, все время так или иначе находимся под их влиянием.

— Не хочется мне об этом спорить,— сказал Матвей.— Некогда мне об этом думать, Леонид. Я под их влиянием не нахожусь.

— Ну, давай не будет спорить,— сказал Горбовский.— Давай выпьем сока. Если хочешь, я даже могу выпить местного вина. Но только если это действительно тебе поможет.

— Мне сейчас поможет только одно. Ламондуа явится сюда и разочарованно скажет, что Волна рассеялась.

Некоторое время они молча пили сок, поглядывая друг на друга поверх бокалов.

— Что-то давно к тебе никто не звонит,— сказал Горбовский.— Даже как-то странно.

— Волна,— сказал Матвей.— Все заняты. Раздоры за быты. Все удирают.

Дверь в глубине кабинета отворилась, и на пороге появился Этьен Ламондуа. Лицо у него было задумчивое, и двигался он необычайно медленно и размеренно. Директор и Горбовский молча смотрели, как он идет, и Горбовский почувствовал какое-то неприятное тошное ощущение под ложечкой. Он еще представления не имел о том, что происходит или произошло, но уже знал, что уютно лежать больше не придется. Он выключил проигрыватель.

Подойдя к столу, Ламондуа остановился.

— Кажется, я огорчу вас,— медленно и ровно сказал он.— «Харибды» не выдержали.— Голова Матвея ушла в плечи.— Фронт прорван на севере и на юге. Волна распространяется с ускорением десять метров в секунду за секунду. Связь с контрольными станциями прервана. Я успел отдать приказ об эвакуации ценного оборудования и архивов.— Он повернулся к Горбовскому.— Капитан, мы надеемся на вас. Будьте добры, скажите, какая у вас грузоподъемность?

Горбовский, не отвечая, смотрел на Матвея. Глаза директора были закрыты. Он бесцельно гладил поверхность стола огромными ладонями.

— Грузоподъемность? — повторил Горбовский и встал. Он подошел к директорскому пульта, нагнулся к микрофону всеобщего оповещения и сказал: — Внимание, Радуга! Штурману Валькенштейну и борт-инженеру Диксону срочно явиться на борт звездолета.

Потом он вернулся к Матвею и положил руку ему на плечо.

— Ничего страшного, дружок,— сказал он.— Поместимся. Отдай приказ эвакуировать Детское. Я займусь яслями.— Он оглянулся на Ламондуа.— А грузоподъемность у меня маленькая, Этьен,— сказал он.

Глаза у Этьена Ламондуа были черные и спокойные — глаза человека, знающего, что он всегда прав.

ГЛАВА 6

Роберт видел, как все это произошло.

Он сидел на корточках на плоской крыше башни дальнего контроля и осторожно отсоединял антенны-приемники. Их было сорок восемь — тонких тяжелых стерженьков, вмонтированных в скользящую параболическую раму, и каждый нужно было аккуратно вывернуть и со всеми предосторожностями уложить в специальный футляр. Он очень торопился и то и дело поглядывал через плечо на север.

Над северным горизонтом стояла высокая черная стена. По гребню ее, там, где она упиралась в тропопаузу, шла ослепительная световая кайма, а еще выше, в пустом небе

вспыхивали и гасли бледные сиреневые разряды. Волна надвигалась неодолимо, но очень медленно. Не верилось, что ее сдерживает редкая цепь неуклюжих машин, казавшихся отсюда совсем маленькими. Было как-то особенно тихо и знойно, и солнце казалось особенно ярким, как в предгрозовые минуты на Земле, когда все затихает и солнце еще светит всюю, но полнеба уже закрыто черно-синими тяжелыми тучами. В этой тишине было что-то особенно злое, непривычное, почти потустороннее, потому что обыкновенно наступающая Волна бросала впереди себя многобалльные ураганы и рев бесчисленных молний.

А сейчас было совсем тихо. До Роберта отчетливо доносились торопливые голоса с площади внизу, где грузили особо ценное оборудование, дневники наблюдений, записи автоматических приборов. Все это навалом грузили в тяжелый вертолет. Было слышно, как Пагава гортанно бранит кого-то за то, что преждевременно сняли анализаторы, а Маляев неспешно обсуждает с Патриком сугубо теоретический вопрос о вероятном распределении зарядов в энергетическом барьере над Волной. Все население Гринфилда собралось сейчас в этой башне под ногами Роберта и на площади. Взбунтовавшиеся биологи и две компании туристов, остановившиеся накануне в поселке на ночлег, были отправлены за полосу посевов. Биологов отправили на птерокаре вместе с лаборантами, которым Пагава приказал оборудовать за полосой посевов новый наблюдательный пункт, а за туристами прибыл специальный аэробус из Столицы. И биологи и туристы были очень недовольны, и, когда они улетели, в Гринфилде остались только довольные.

Роберт работал почти машинально и, как всегда, работая руками, думал о самых разных вещах. Очень болит плечо. Странно — плечом нигде не стучался. Живот саднит, ну, живот понятно — когда споткнулся об ульмотрон. Интересно, как сейчас выглядит этот ульмотрон. И как выглядит мой птерокар. И как выглядит... Интересно, что здесь будет через три часа. Цветники жалко... Детишки целое лето трудились, выдумывали самые фантастические сочетания цветов. И тогда мы познакомились с Таней. «Та-ня», — тихонько позвал он. Как ты там сейчас? Он прикинул расстояние от фронта Волны до Детского. Безопасно, подумал он с удовлетворением. Они там, наверное, и не знают о том, что Волна, что взбунтовались биологи, что я чуть не погиб, что Камилл...

Он выпрямился, вытер лицо тыльной стороной ладони и посмотрел на юг, на бесконечные зеленые поля хлеба. Он пытался думать о гигантских стадах мясных коров, которых перегоняют сейчас в глубь континента; о том, как много придется работать над восстановлением Гринфилда, когда рассеется Волна, и как неприятно после двухлетнего изобилия снова возвращаться к синтешпице, к искусственным бифштексам, к грушам с привкусом зубной пасты, к хлорелловым «супам сельским», к котлетам бараньим квазибиотическим и к прочим чудесам синтеза, будь они неладны... Он думал о чем попало, но он ничего не мог сделать.

Никуда было не уйти от удивленных глаз Пагавы, от ледяного тона Маляева, от преувеличенно участливого обращения Патрика. Самое страшное, что ничего нельзя сделать. Что со стороны это должно выглядеть, мягко выражаясь, странно. А зачем, собственно, выражаться мягко? Это выглядит попросту однозначно. Испуганный наблюдатель в растерзанном виде прилетает в чужом флаере и заявляет о гибели товарища. А товарищ, оказывается, был жив. Товарищ, оказывается, погиб уже после, когда испуганный наблюдатель удирал на его флаере. Но он же был раздавлен насмерть, в десятый раз повторял про себя Роберт. А может быть, это был просто бред? Может быть, я перепугался до бреда? Никогда не слышал о таких вещах. Но ведь и о том, что случилось, — если это случилось, — я тоже никогда не слышал. Ну и пусть, в отчаянии подумал он. Пусть не верят. Танюшка поверит. Только бы она поверила! А им все равно, они о Камилле забыли сразу. Они будут вспоминать о нем, только когда увидят меня. И будут смотреть на меня своими теоретическими глазами, и анализировать, и сопоставлять, и взвешивать. И строить наименее противоречивые гипотезы, и только правды они никогда не узнают... И я тоже никогда не узнаю правды.

Он вывернул последнюю антенну, уложил ее в футляр, затем собрал все футляры в плоский картонный ящик, и тут с севера донесся гулкий хлопок, словно в огромном пустом зале лопнул воздушный шарик. Обернувшись, Роберт увидел, как на аспидно-черном фоне Волны встает длинный белый факел. Горела «харибда». Сейчас же внизу смолкли голоса, взвыл и заглох работавший вхолостую мотор вертолета. Наверное, все там прислушивались и смотрели на север. Роберт еще не понял, что произошло, когда затряслось,

задрезало, и из-под башни, подминая уцелевшие пальмы, поползла резервная «харибда», задирая на ходу раструб поглотителя. На открытом месте она взревела так, что заложило уши, и покатила на север затыкать прорыв, окутавшись облаком рыжей пыли.

Дело было довольно обычное: одна из «харибд» не успела отвести в базальт избыток энергии из емкостей, и Роберт уже нагнулся за картонным ящиком, но тут у подножия черной стены что-то ярко вспыхнуло, взлетел веер разноцветного пламени, и еще один столб белого дыма, наливаясь и густея на глазах, потянулся к небу. Докатился новый хлопок. Внизу дружно закричали, и Роберт сразу увидел далеко к востоку еще несколько факелов. «Харибды» вспыхивали одна за другой, и через минуту тысячекилометровая стена Волны, напоминавшая теперь классную доску, исчерченную мелом, качнулась и поползла вперед, выбрасывая перед собой в степь черные вспухающие кляксы. Роберт с трудом глотнул пересохшим горлом и, подхватив ящик, побежал вниз по лестнице.

По коридорам метались люди. Пробежала перепуганная Зиночка, прижимая к груди пачку коробок с пленкой. Горбоносый Гасан Али-Заде и Карл Гофман со сверхъестественной скоростью волокли к выходу громоздкий саркофаг лабораторного хемостазера — их словно ветром несло. Кто-то звал: «Идите сюда! Не могу я один! Гасан!..» В вестибюле зазвенело разбитое стекло. Зафыркали моторы на площади. В диспетчерской, топча разбросанные карты и бумаги, прыгал перед экраном Пагава и нетерпеливо кричал: «Почему не слышишь? «Харибды» горят! Горят «харибды», говорю! Волна пошла! Ничего, понимаешь, не слышу!.. Этьен! Если понял — кивни!..»

Роберт, морщась от боли, взвалил коробку на плечо и стал спускаться в вестибюль. Позади кто-то, шумно дыша, грохотал по ступенькам. Вестибюль был усеян оберточной бумагой и обломками какого-то прибора. Дверь из небьющегося стекла была расколота вдоль. Роберт боком протиснулся на крыльцо и остановился. Он увидел, как один за другим уходят в небо битком набитые птерокары. Он увидел, как Маляев, молча, с каменным лицом, впихивает в последний птерокар девушек-лаборанток. Он увидел, как Гасан и Карл, разевая от натуги рты, пытаются закинуть свой саркофаг в дверцу вертолета, а кто-то изнутри старается им помочь и каждый раз саркофаг бьет его по пальцам. Он

увидел Патрика, совершенно спокойного, сонного Патрика, прислонившегося спиной к заднему фонарю вертолета с видом сосредоточенным и задумчивым. А повернув голову, он увидел чуть ли не над собой угольно-черную стену Волны, бархатным занавесом закрывающую небо.

— Перестаньте же грузить! — закричал у него над ухом Пагава. — Опомнитесь! Немедленно бросьте этот гроб!

Хемостазер с тяжким звоном рухнул на бетон.

— Выбрасывай все! — кричал Пагава, сбегая с крыльца. — Всем в вертолет, немедленно! Не видите, да? Я кому говорю, Скляров! Патрик, заснул?!

Роберт не двинулся с места. Патрик тоже. В это время Маляев, навалившись, захлопнул дверцу птерокара и замахал руками. Птерокар растопырил крылья, тяжело подпрыгнул и, перекосившись на борт, ушел за крыши. Из вертолета летели ящики. Кто-то вопил плачущим голосом: «Не дам, Шота Петрович! Это я им не дам!» «Дашь, голубчик! — ревел Пагава. — Еще как дашь!» К нему подбежал Маляев, крича что-то и указывая на небо. Роберт поднял глаза. Маленький вертолет-наводчик, утыканный, как еж, антеннами, с ужасным воем перегретого двигателя пронесся над площадью и, быстро уменьшаясь, умчался на юг. Пагава воздел над головой стиснутые кулаки:

— Куда? — заорал он. — Назад! Назад, шени деда! Прекратить панику! Остановить его!

Все это время Роберт стоял на крыльце, удерживая на ноющем плече тяжелый картонный ящик. У него было такое впечатление, будто он в кино. Вот разгружают вертолет. То есть попросту вываливают из него все, что попадает под руку. Вертолет действительно перегружен — это видно по просевшим шасси. Рядом с вертолетом толкутся. Сначала толклись с криками, теперь замолчали. Гасан сосет косточки на пальцах — наверное, ободрал. Патрик, кажется, совсем заснул. Нашел время и, главное, место... Карл Гофман, человек педантичный (то, что называется «вдумчивый и осторожный ученый»), подхватывает летящие из вертолета ящики и пытается складывать их аккуратно, вероятно, для самоутверждения. Пагава нетерпеливо прыгает возле вертолета и все время поглядывает то на Волну, то на башню Контроля. Ему явно не хочется улетать, и он жалеет, что он здесь старший. Маляев стоит в стороне и тоже смотрит на Волну — не отрываясь и с холодной враждой... А в тени коттеджа, где жил Патрик, стоит мой флаер. Интересно, кто

его туда отвел и зачем? На флаер никто не обращает внимания, да он никому и не нужен, осталось человек десять, не меньше. Вертолет хороший, мощный, класса «гриф», но при таком грузе он пойдет с половинной скоростью... Роберт поставил ящик на ступеньку.

— Не успеем,— сказал Маляев. В голосе его была такая тоска и горечь, что Роберт удивился. Но он уже знал, что все успеют. Он подошел к Маляеву.

— Есть еще резервная «харибда»,— сказал Роберт.— Четверть часа вам хватит?

Маляев смотрел на него, не понимая.

— Есть две резервные «харибды»,— холодно сказал он и вдруг понял.

— Ладно,— сказал Роберт.— Не забудьте Патрика. Он с той стороны вертолета...

Он повернулся и побежал. Вслед ему закричали, но он не оглянулся. Он бежал изо всех сил, перепрыгивая через брошенные аппараты, через грядки с декоративными растениями, через аккуратно подстриженные кусты с пахучими белыми цветами. Он бежал к западной окраине, и справа над крышами стояла черная бархатная стена, упиравшаяся в зенит, а слева палило ослепительное белое солнце. Он обогнул последний дом и сразу наткнулся на необъятную корму «харибды». Он увидел клочья зелени, застрявшие в сочленениях исполинских гусениц, растерзанные лепестки яркого цветка, прилипшие к траку, ободранный ствол молодой пальмы, торчащий между ленивцами, и, не поднимая глаз, полез наверх по узкому трапу, обжигая руки о накалинные солнцем перекладки. Все так же не поднимая глаз, он съехал на спине в кабину ручного управления, уселся в кресло, откинул стальную заслонку перед лицом, и вновь его руки заработали привычно-автоматически. Правая рука протянулась вперед и врубила ток, левая одновременно включила сцепление, перевела управление на ручное, а правая уже тянулась назад, отыскивая клавишу стартера, и когда все вокруг заревело, загрохотало и затряслось, левая, уже совершенно ни к чему, включила систему кондиционирования. Затем — уже сознательно — он нашарил рычаг управления поглотителем, отвел его до отказа на себя и только тогда решился посмотреть вперед через отброшенную заслонку.

Прямо перед ним была Волна. Вероятно, ни один человек после Лю еще никогда не был так близко от Волны. Она

была просто черная, без малейших прожилок, и залитая солнцем степь до самого горизонта отчетливо рисовалась на ее фоне. Была видна каждая травинка, каждый кустик, Роберт видел даже землероек, желтыми столбиками ошарашенно замерших перед своими норками...

Над головой возник и начал стремительно нарастать сухой звенящий вой — заработал поглотитель. «Харибда» плавно раскачивалась на ходу. В зеркале заднего вида прыгали в пыли здания поселка. Вертолета видно не было. Еще метров сто, нет, еще метров пятьдесят — и довольно. Он покосился налево, и ему почудилось, что стена Волны уже немного выгнулась. Впрочем, судить об этом было очень трудно. «А, может быть, и не успею», — подумал вдруг он. Он не сводил глаз с белых дымных столбов, поднимающихся из-за горизонта. Дым рассеивался быстро и был теперь едва виден. Интересно, что могло гореть в «харибдах»...

Хватит, подумал он, нажимая на тормоз. А то не убежать. Он снова поглядел в зеркало заднего вида. Долго, ой долго возятся, подумал он. Степь перед «харибдой» медленно темнела огромным треугольником, в вершине которого находился поглотитель. Землеройки вдруг беспокойно запрыгали, одна из них шагах в двадцати вдруг упала на спину, судорожно дергая лапками.

— Убегайте, дурачки! — сказал вслух Роберт. — Вам можно...

И тут он увидел вторую «харибду». Она стояла в полукилометре к востоку, жадно задрав черный раструб поглотителя, и перед ней точно так же темнела трава, ежась от нестерпимого холода.

Роберт ужасно обрадовался. Молодец, подумал он. Умница! Смельчак! Неужели Маляев? А почему бы нет? Ведь он тоже человек, и все человеческое ему не чуждо... А может, сам Пагава? Впрочем, его просто не пустят. Свяжут и сунут под сиденье, и еще ногами придавят, чтобы не брыкался... Нет, молодец, молодец! Он толкнул бортовой люк, высунулся и закричал:

— Эге-ге! Держись, дружище! Вдвоем мы тут с тобой год простои́м!...

Он посмотрел на приборы и сразу забыл обо всем. Емкости были на исходе: светящаяся стрелка под запыленным стеклом упиралась в ограничитель. Он быстро взглянул в зеркало заднего вида, и у него немного отлегло от сердца. В белом небе над крышами поселка висело быстро умень-

шающееся темное пятнышко. Еще минут десять, подумал он. Теперь было ясно видно, что фронт Волны перед поселком прогнулся. Волна обтекала зону действия «харибда» с востока и с запада.

Роберт посидел немного, стиснув зубы. Вся его энергия уходила на то, чтобы отогнать видение обгорелого трупа в водительском кресле. Хорошо бы научиться по желанию выключать воображение... Он встрепнулся и принялся откровенничать все люки, какие только мог вспомнить. Тяжелый круглый люк над головой. Люк слева — настезь его! Люк справа уже приоткрыт — тоже настезь... Дверцу за спиной, ведущую в машинное отделение... Нет, ее лучше закрыть — взрыв происходит, наверное, именно там, в емкостях... На засов ее, на засов... Как раз в этот момент соседняя «харибда» взорвалась.

Роберт услышал короткий оглушительный гром, его толкнуло горячим воздухом, и, высунувшись из люка, он увидел, что на месте соседа стоит огромная туча желтой пыли, закрывающая степь, и небо, и Волну, а в глубине тучи что-то тлеет ярким вздрагивающим светом... Что-то прошелестело в воздухе и звонко стукнулось о броню. Роберт глянул на приборы и одним движением выбросился через левый люк.

Он упал ничком в горячую сухую траву, сейчас же вскочил и, пригибаясь, пустился бегом к поселку. Так он не бежал никогда в жизни. Его «харибда» взорвалась, когда он был уже в палисаднике крайнего дома. Он даже не оглянулся, только втянул голову в плечи, согнулся еще ниже и побежал еще быстрее. Вечная тебе слава, твердил он. Вечная тебе слава... Потом он сообразил, что повторяет эти слова с того момента, когда увидел на месте соседней «харибды» этот жуткий столб пыли.

Площадь была пуста, газоны вытоптаны, всюду валялась ценнейшая уникальная аппаратура, коробки с уникальными записями, и легкий ветерок лениво перелистывал уникальные дневники уникальных наблюдений. Тяжело дыша, Роберт пересек площадь и подбежал к флаеру. Двигатель флаера работал, а на водительском месте с обычным своим сонным видом сидел Патрик.

— Ну вот и ты,— сказал Патрик ласково. Роберт ошарашенно смотрел на него.— Я уж думал, ты там остался. Садись скорее, надо уносить ноги. У нее скорость сейчас — ой-ей-ей!..

Роберт повалился на сиденье рядом с ним.

— Погоди,— сказал он, задыхаясь.— Может быть, второй... тоже спасся? Кто это был? Маляев, Гофман?

Патрик неуклюже завертел рукояткой, выводя флаер для разгона.

— Второй это я,— сказал он застенчиво.

— Ты?

— Я,— повторил Патрик и нервно засмеялся. Он вынул флаер на дорожку и, наконец, поднял его.— Я почувствовал, что взрываюсь, вылез и убежал. Здорово грохнуло, верно? Меня до самого поселка катило...

Поселок медленно повернулся под ними и скользнул назад. Ай да Патрик, подумал Роберт с недоумением.

— А моя посильнее грохнула,— заявил Патрик.— Как тебе кажется, Роб, а?..

— Куда ты летишь? — спросил Роберт.

— В Холодные Ручьи,— сказал Патрик.— Новая база будет там.

ГЛАВА 7

Роберт посмотрел через плечо. Ничего уже не было видно, кроме белесого неба и зеленых полей. Два раза я уже сегодня от нее уходил, подумал он. Не миновать и третьего.

— Что теперь будет? — спросил он.

Патрик выпятил толстые губы.

— Плохо будет. У нее огромный запас инерции.

— Ты пробовал подсчитать?

— Да.

— Ну?

Патрик тяжело вздохнул и ничего не ответил. Роберт, сдвинув брови, смотрел прямо перед собой. Потом он включил радио флаера и настроился на Детское. Он несколько раз нажал на клавишу вызова, но Детское не отзывалось. «Не надо беспокоиться,— думал он.— Летний праздник и все такое. Как странно, они там еще ничего не знают. И пусть они ничего не знают. Буду знать только я». Он опять спросил:

— Куда мы летим?

— Ты уже спрашивал.

— Ах да... Патрик, дружище, тебе очень нужно в эти Ручьи?

— Конечно. Куда же нам еще?

Роберт откинулся на сиденьи.

— Да,— сказал он.— Зря ты остался.

— В каком смысле — зря?

— Ты можешь побыстрее?

— Могу...

— А еще быстрее?

Патрик промолчал. Двигатель клекотал, захлебываясь воздухом.

— Мы всегда торопимся,— пробормотал Патрик.— Всегда нас что-то или кто-то подгоняет. Быстрее, еще быстрее... А нельзя ли еще быстрее? Можно, отвечаем мы. Пожалуйста!.. Нет времени осмотреться. Нет времени подумать. Нет времени разобраться, зачем и стоит ли. А потом появляется Волна. И мы опять торопимся.

— Подавай больше горячего,— сказал Роберт. Он думал совсем о другом.— И держи правее.

Патрик замолчал. Внизу проносились зеленые поля созревающего хлеба, редкие белые домики синоптических станций. Было видно, как прямо через хлеба гнали на юг скот. Киберпастухи казались с этой высоты крошечными блестящими звездочками. Все это было уже не нужно.

— Ты не слыхал что-нибудь о «Стреле»? — спросил Роберт.

— Нет. «Стрела» далеко. Она не успеет. Брось об этом думать, Роб.

— О чем же мне еще думать? — пробормотал Роберт.

— А ни о чем. Сядь поудобнее и смотри вокруг. Не знаю, как ты, а я ничего этого раньше не замечал. По-моему, я никогда даже не видел эту зеленую волну на хлебах от ветра... Волна! Тьфу. А знаешь, когда я все это впервые увидел? Знаешь? Когда смотрел я в степь через железную заслонку на «харибде». Я все смотрел на эту черноту и вдруг увидел степь и понял, что всему конец. И мне стало ужасно жалко этого. А землеройки смотрели на Волну и ничего не понимали... И знаешь, что я открыл, Роб? Где-то мы просчитались.

Роберт молчал. «Поздно спохватился,— думал он.— Надо было смотреть раньше, хотя бы в окно».

Внизу проплывали белые прямоугольники зданий, бетонированные площади, полосатые башни энергоантенн — это

была одна из многочисленных энергетических станций северного пояса.

— Снизайся,— сказал Роберт.

— Куда?

— Вон площадь — видишь? — где птерокары.

Патрик глянул через борт.

— Действительно,— сказал он.— А зачем?

— Возьмешь себе птерокар, а мне отдашь флаер.

— Что ты задумал? — спросил Патрик.

— Полетишь дальше один. Мне в Ручьи не надо. Снизайся.

Патрик послушно пошел на посадку. Флаер он все-таки водил отвратительно. Роберт разглядывал площадь.

— Превосходная организация,— пробормотал он насмешливо.— Мы так давимся, все бросаем, а здесь на двух дежурных три птерокара.

Флаер неуклюже сел между птерокарами. Роберт прикусил язык.

— Ох,— сказал он.— Ну, вылезай, вылезай.

Патрик очень медленно и неохотно слез с сиденья.

— Роб,— сказал он неуверенно,— может быть, это не мое дело, но что же ты все-таки задумал?

Роберт проворно передвинулся на его место.

— Не беспокойся, ничего страшного. Ты справишься с птерокаром?

Патрик стоял, опустив руки, и лицо его приняло жалостливое выражение.

— Роб,— сказал он.— Смотри на вещи трезво. Над Волной плазмовый барьер в сто километров. Тебе будет просто не перепрыгнуть.

Роберт с изумлением посмотрел на него.

— Он уже давно погиб,— сказал Патрик.— Первый раз ты мог ошибиться, но теперь там прошла Волна.

— О чем ты? — спросил Роберт.— Я не собираюсь прыгать через Волну, будь она проклята. У меня есть дело поважнее. Прощай. Передай Маляеву, я не вернусь. Прощай, Патрик.

— Прощай,— сказал Патрик.

— Ты мне так и не сказал, справишься ты с птерокаром или нет?

— Справлюсь,— печально сказал Патрик.— Птерокар я знаю хорошо. Эх, Роб...

118 Роберт круто взял на себя ручку управления, и когда он

через пять минут оглянулся, энергостанция уже скрылась за горизонтом. До Детского было два часа лету. Роберт проверил горючее, послушал двигатель, перевел его на самый экономичный режим и включил киберпилот. Потом он снова попробовал вызвать Детское. Детское молчало. Роберт хотел выключить радию, но подумал и переключил приемник на самонастройку.

— ...девятого класса Асмодей Барро нашел во время экскурсии окаменевшие организмы, напоминающие морских ежей. Место находки отстоит довольно далеко от побережья...

— ...совещание у директора. Здесь ходят какие-то странные слухи. Говорят, Волна дошла до Гринфилда. Не вернуться ли мне на базу? Сейчас, по-моему, не до ульмотронов. «Нет, уж ты, будь другом, дотерпи до конца. Все равно день пропал...»

— ...поставить своими силами не удастся. У нас нет Отелло. Если говорить откровенно, идея ставить Шекспира представляется мне абсурдной. Не знаю, чтобы мы оказались способны на новую интерпретацию, а ждать, пока .

— ...Витя, как ты меня слышишь? Витя, изумительная новость! Буллит раскодировал этот ген. Возьми бумагу и пиши. Шесть .. Одиннадцать... Одиннадцать, говорю...

— Внимание, Радуга! Начальникам всех поисковых партий. Начать эвакуацию. Обратить особое внимание на то, чтобы все летательные транспортные средства класса не ниже «Медузы» были доставлены в Столицу.

— ...небольшой голубой коттеджик прямо на берегу. Здесь очень свежий воздух, превосходное солнце. Я никогда не любила Столицу и никогда не понимала, зачем ее построили на экваторе. Что? Ну, конечно, ужасно душно...

— ...Сойер! Сойер! Я Канэко. Немедленно меняй курс. Художники уже нашлись. Иди на юг. Разыщи третий вертолет. Третий вертолет не прибыл...

— Внимание, испытатели! Сегодня в четырнадцать часов состоится внеплановый нуль-запуск человека к Земле. Просьба прибыть в Институт не позже тринадцати часов...

— . Ничего не понимаю. Никак не могу связаться с директором. Все каналы заняты. Ты не знаешь, что происходит?

— Адольф! Адольф! Умоляю, откликнись! Умоляю, возвращайся немедленно! Еще есть шанс попасть на звездолет!.. (Голос стал уплывать, но Роберт придержал вернь-

ер). Страшная катастрофа! Почему-то об этом ничего не сообщают, но мне сказали, что Радуга обречена! Возвращайся немедленно! Я хочу быть с тобой сейчас...

Роберт отпустил верньер.

— ...как всегда. У Веселовского. Нет, Синица читает новые стихи. По-моему, любопытные. Мне кажется, они должны тебе понравиться. Нет, это, конечно, не шедевр, однако...

— ...Почему же, я все прекрасно понимаю. Но посуди сам, «Тариэль-Второй» — это десантный звездолет... Ты пробовал прикинуть, сколько людей он может взять? Нет, я уж останусь здесь. Вера тоже решила остаться. Не все ли равно — где...

— Следопыты, Следопыты! Место сбора — Столица. Все в Столицу. Забирайте с собой «кроты», будем рыть убежище. Может быть, успеем...

— ...«Тариэль», говорите? Знаю, как же, Горбовский. Да, грузоподъемность у него, к сожалению, невелика. Ну что ж... Я предлагаю приблизительно такой список: от дискретников — Пагава, от волновиков — Аристотель, может быть, Маляев, от барьерщиков я бы рекомендовал Форстера... Ну и что же, что он старый? Он велик! Вам, голубчик, сорок лет, и вы, я вижу, плохо представляете себе психологию старика... Всего-то навсего осталось жить лет пять-десять, и то не дают...

— Габа! Габа! Слышал о нуль-запуске? Что? Занят? Вот странный человек... Я лечу в Институт. Почему же я с ума сошел? Да знаю я все это, знаю... Именно сейчас! А если вдруг получится? Ну, прощай. Ищи то, что от меня останется, где-нибудь возле Проциона...

— Опять физики что-то взорвали на Северном полюсе. Надо бы слетать посмотреть, но тут прибыл какой-то вертолет, и нас всех приглашают в Столицу... Ах, вас тоже? Странно... Ну, там увидимся.

Роберт выключил рацию. «Тариэль-Второй», десантник... Он взял управление от киберпилота и до предела увеличил обороты двигателя. Хлеба внизу кончились, началась полоса тропических лесов. Ничего нельзя было разглядеть в пестрой желто-зеленой путанице, но Роберт знал, что там, под сенью исполинских деревьев, проходят прямые шоссе, и по этим шоссе, вероятно, уже мчатся на запад машины с беженцами. Несколько тяжелых грузовых вертолетов прошли на юго-запад где-то возле самого горизонта.

Они скрылись из виду, и Роберт снова остался один. Он вытащил радиодифон и набрал номер Патрика. Патрик долго не откликался. Наконец послышался его голос:

— Алло?

— Патрик, это я, Складов. Патрик, что известно о Волне?

— Все то же, Роб. Берег Пушкина затоплен. Аодзора сгорела. Рыбачий горит сейчас. Несколько «харибд» уцелело, их оттаскивают на буксире к Столице... А где ты?

— Это неважно, — сказал Роберт. — Сколько от Волны до Детского?

— До Детского? Зачем тебе Детское? До Детского далеко. Слушай, Роб, если уцелеешь, срочно лети в Столицу. Мы все там будем через полчаса. — Он вдруг хихикнул. — Маляева пытались всадить в звездолет. Жалко, тебя не было. Он разбил Гасану нос. А Пагава куда-то спрятался.

— А тебя не пытались всадить?

— Ну зачем же ты так, Роб...

— Ладно, извини. Значит, от Детского Волна пока далеко?

— Не то чтобы очень далеко... Час-полтора....

— Спасибо, Патрик. До свидания.

Роберт снова попытался связаться с Таней, на этот раз по радиодифону. Он ждал пять минут. Таня не отвечала.

Детское было пусто. Над стеклянными спальнями, над садами, над пестрыми коттеджами висела тишина. Здесь не было такого панического беспорядка, который оставили после себя нулевики в Гринфилде. Песчаные дорожки были аккуратно подметены, парты в саду стояли как всегда ровными рядами, постели были старательно прибраны. Только на дорожке перед Таниным коттеджем валялась на песке забытая кукла. Возле куклы сидел большеглазый пушистый ручной калям. Он старательно обнюхивал ее, поглядывая на Роберта с добродушным любопытством.

Роберт вошел в Танину комнату. Здесь было, как всегда, чисто, светло и хорошо пахло. На столе лежала раскрытая тетрадь, через спинку стула свисало большое махровое полотенце. Роберт потрогал его — оно было еще влажное.

Роберт постоял у порога, потом рассеянно скользнул взглядом по тетради. Он дважды прочел свое имя, прежде чем это дошло до его сознания. Имя было написано большими печатными буквами.

«РОБИК! Нас спешно эвакуировали в Столицу. Ищи меня в Столице. Непременно найди. Нам еще ничего не говорили, но, кажется, надвигается что-то страшное. Ты мне нужен, Робик. Найди меня. Твоя Т.»

Роберт вырвал листок из тетради, сложил вчетверо и спрятал в карман. Он последний раз окинул взглядом Танину комнату, открыл стенной шкаф, потрогал ее платья, закрыл шкаф и вышел из коттеджа.

От Таниного коттеджа было хорошо видно море — спокойное, похожее на застывшее зеленое масло. Десятки тропинок вели через траву к желтому пляжу, на котором были разбросаны шезлонги и топчаны. Несколько лодок лежали вверх килем у самой воды. А горизонт на севере горел нестерпимо яркими солнечными бликами. Роберт быстро пошел к флаеру. Он перешагнул через борт, остановился и снова оглянулся на море. И вдруг он понял. Это было не солнце, это был гребень Волны.

Он устало опустил на сиденье и тронул флаер. «То же самое и на юге,— подумал он.— Она теснит нас с севера и с юга. Мышеловка. Коридор между двух смертей». Флаер снова понесся над тропическим лесом. «Сколько еще осталось,— думал он.— Два часа, три? Два места в звездолете, десять?»

Лес под флаером вдруг кончился, и Роберт увидел на обширной лужайке большой пассажирский аэробус, окруженный толпой людей. Он машинально притормозил и стал снижаться. Видимо, аэробус терпел аварию, и все эти люди рядом с ним — странно, какие они все маленькие — ждали, пока пилот исправит повреждение. Он увидел пилота — огромного чернокожего человека, копавшегося в двигателе. Затем он понял, что это дети, и тут же увидел Таню. Она стояла возле пилота и принимала от него какие-то детали.

Флаер упал в десяти шагах от аэробуса, и все сейчас же обернулись к нему. Но Роберт видел только Таню, ее прекрасное измученное лицо, тонкие руки, прижимающие к груди испачканные железки и удивленно расширившиеся глаза.

— Это я,— сказал Роберт.— Что случилось, Таня?

Таня молча смотрела на него, и тогда он поглядел на чернокожего пилота и узнал Габу. Габа широко заулыбался и крикнул:

122 — А, Роберт! Иди-ка сюда, помоги! Таня — чудесная

девочка, но она никогда не имела дела с аэробусами! И я тоже! А у него все время глохнет двигатель!

Дети — семилетние мальчишки и девчонки — рассматривали Роберта с интересом. Роберт подошел к аэробусу и, мимоходом ласково коснувшись щекой Таниных волос, взглянул в двигатель. Габа похлопал его по спине. Они хорошо знали друг друга. Они отлично сошлись — Роберт и десять отчаянно скучающих нуль-испытателей, которые уже два года сидели здесь без дела после неудачного опыта с собакой Фимкой.

То, что Роберт увидел в двигателе, заставило его на секунду задержать дыхание. Да, Габа, по-видимому, действительно, не имел никогда раньше дела с аэробусами. Сделать ничего было нельзя — кончилось горючее. Габа совершенно напрасно почти разобрал двигатель. Это бывает. Такое бывает даже с самыми опытными водителями: в аэробусах не часто кончается горючее. Роберт украдкой поглядел на Таню. Она все прижимала к груди грязные от смазки взрывные цилиндры и ждала.

— Итак? — бодро спросил Габа. — Правильно мы грешили на вот этот рычаг, не знаю, как он там называется?

— Что ж, — сказал Роберт. — Очень возможно. — Он взялся за рычаг и подергал его. — Кто-нибудь знает, что вы здесь засели?

— Я сообщал, — ответил Габа. — Но у них там не хватает машин. Ты знаешь историю с эмбриозародышами?

— Ну, ну, — сказал Роберт, бесцельно, но очень аккуратно очищая паз подающего рычага. Он нагнулся так, чтобы его лица не было видно.

— Понадобился транспорт. Канэко стал выращивать «медузы», а оказалось, что это не «медузы», а кибернетические кухни. Ошибка снабжения, а? — Габа захохотал. — Как тебе это нравится?

— Сплошной смех, — сказал Роберт сквозь зубы. Он поднял голову и осмотрел небо. Он увидел пустую белесую синеву и на севере, над верхушками далеких деревьев ослепительно яркий гребень Волны. Тогда он мягко опустил откинутый капот, пробормотал: «Та-ак. Посмотрим!» и обошел аэробус с другой стороны, где никого не было. Там он сел на корточки, прижавшись лбом к блестящей полированной обшивке. По ту сторону аэробуса Габа нежным громающим голосом запел детскую песню-считалочку.

Открыв глаза, Роберт увидел его пляшущую тень на

траве — тень от поднятых рук с растопыренными пальцами. Габа развлекал детей. Роберт выпрямился и, распахнув дверцу, влез в аэробус. В кресле водителя сидел мальчик, ожесточенно вцепившийся в рукоятки управления. Он выделывал рукоятками необычайные фигуры и при этом свистел и дудел.

— Смотри — оторвешь, — сказал Роберт. Мальчик не обратил на него внимания. Роберт хотел включить СОС-маяк, но увидел, что маяк уже включен. Тогда он снова оглядел небо. Через спектролит фонаря небо казалось нежно-голубым, и оно было совершенно пустое. «Надо решаться», — подумал он. Он покосился на мальчика. Мальчик азартно изображал рев ветра.

— Выйди-ка сюда, Роб, — сказал Габа. Он стоял возле двери. Роберт вышел.

— Прикрой дверь, — сказал Габа. Было слышно, как Таня рассказывает что-то ребятишкам по ту сторону аэробуса и как свистит и дудит мальчик на сиденье пилота.

— Когда она будет здесь? — спросил Габа.

— Через полчаса.

— Что случилось с двигателем?

— Нет горячего.

Лицо Габы сделалось серым.

— Почему? — бессмысленно спросил он. Роберт промолчал. — А в твоём флаере?

— Такому сундуку этого не хватит и на пять минут.

Габа ударил себя кулаком по лбу и сел на траву.

— Ты механик, — сказал он хрипло. — Придумай что-нибудь.

Роберт прислонился к аэробусу.

— Помнишь сказочку про волка, козу и капусту?.. Здесь дюжина ребятишек, женщина и мы с тобой. Женщина, которую я люблю больше всех людей на свете. Женщина, которую я спасу во что бы то ни стало. Так вот. Флаер двухместный...

Габа покивал.

— Понимаю. Тут и говорить не о чем, конечно. Пусть Таня садится во флаер и берет с собой столько ребятишек, сколько туда влезет...

— Нет, — сказал Роберт.

— Почему нет? Через два часа они будут в Столице.

124 — Нет, — повторил Роберт. — Это не спасет ее. Волна будет в Столице через три часа. Там ждет звездолет. Та-

ня должна улететь на нем. Не спорь со мной! — яростно прошептал он. — Возможно только два варианта — либо лечу я с Таней, либо с Таней летишь ты, но тогда ты поклянешься мне всем святым, что Таня улетит в этом звездолете! Выбирай.

— Ты сошел с ума, — сказал Габа. Он медлебно поднимался с травы. — Это дети! Опомнись!

— А те, кто останется здесь, — они не дети? Кто выберет троих, которые полетят в Столицу и на Землю? Ты? Иди выбирай!

Габа беззвучно открывал и закрывал рот. Роберт посмотрел на север. Волна была видна уже хорошо. Сияющая полоса поднималась все выше, таща за собой тяжелый черный занавес.

— Ну, — сказал Роберт. — Ты клянешься?

Габа медленно помотал головой.

— Тогда прощай, — сказал Роберт.

Он сделал шаг вперед, но Габа преградил ему дорогу.

— Дети! — сказал он почти беззвучно.

Роберт обеими руками схватил его за отвороты куртки и приблизил лицо вплотную к его лицу.

— Таня! — сказал он.

Несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза.

— Она возненавидит тебя, — тихо сказал Габа.

Роберт отпустил его и засмеялся.

— Через три часа я тоже умру, — сказал он. — Мне будет все равно. Прощай, Габа.

Они разошлись.

— Она не полетит с тобой, — сказал Габа вдогонку.

Роберт не ответил. Я это и сам знаю, подумал он. Он обошел аэробус и длинными прыжками побежал к флаеру. Он видел лицо Тани, обращенное к нему, и смеющиеся лица детишек, окруживших Таню, и он весело помахал им рукой, чувствуя сильную боль в мускулах лица, судорожно свернутых в беззаботную улыбку. Он подбежал к флаеру, заглянул внутрь, затем выпрямился и крикнул:

— Танюшка, иди-ка помоги мне!

И в это же мгновение с другой стороны аэробуса появился Габа. Он скакал на четвереньках.

— А ну, что вы здесь сучаете! — заорал он. — Кто поймает Шер-Хана — великого тигра джунглей?!

Он испустил протяжный рык и, брыкнув ногами, помчался на четвереньках в лес. Несколько секунд ребятишки,

открыв рты, смотрели на него, потом кто-то весело взвизгнуло, кто-то воинственно завопил, и всей толпой они побежали за Габой, который уже выглядывал с рычанием из-за деревьев.

Таня, оглядываясь и удивленно улыбаясь, подошла к Роберту.

— Как странно,— сказала она.— Словно и нет никакой катастрофы.

Роберт все глядел вслед Габе. Никого уже не было видно, но смех и визг, хруст кустарников и грозный рык Шер-Хана явственно доносились из чащи.

— Как ты странно улыбаешься, Робик,— сказала Таня.

— Чудак этот Габа,— сказал Роберт и сейчас же пожалел. Надо было молчать. Голос не слушался его.

— Что случилось, Роб? — сразу спросила Таня.

Он невольно посмотрел поверх ее головы. Она тоже обернулась и тоже посмотрела и испуганно прижалась к нему.

— Что это? — спросила она.

Волна уже доходила до солнца.

— Надо спешить,— сказал Роберт.— Полезай в кабину и подними сиденье.

Она ловко прыгнула в кабину, и тогда он огромным прыжком вскочил вслед за ней, обхватил ее плечи правой рукой и стиснул так, чтобы она не смогла двинуться, и с места рванул флаер в небо.

— Роби! — прошептала Таня.— Что ты делаешь, Роби?

Он не смотрел на нее. Он выжимал из флаера все, что можно. И только краем глаза он увидел внизу поляну, одинокий аэробус и маленькое лицо, с любопытством выглядывающее из водительской кабины,

ГЛАВА 8

Дневная жара уже начала спадать, когда последние птерокары, переполненные и перегруженные, сели, ломая шасси, на улицах, прилегающих к площади перед зданием Совета. Теперь на эту обширную площадь собралось почти все население планеты.

126 С севера и с юга медленно втянулись в город гремящие колонны уродливых землеройных «кротов» с опознаватель-

ными знаками Следопытов и с желтыми молниями строителей-энергетиков. Они стали лагерем посреди площади и после стремительного совещания, на котором выступили только два человека — по три минуты вполголоса каждый, — принялись рыть глубокую шахту-убежище. «Кроты» оглушительно загрохотали, взламывая бетон покрытия, а затем один за другим, нелепо выгибаясь, стали уходить в землю. Вокруг шахты быстро выросла кольцевая гора измельченного грунта, и над площадью возник и повис душный кисловатый запах денатурированного базальта.

Физики-нулевики заполнили пустующие этажи театра напротив здания Совета. Весь день они отступали, цепляясь аварийными отрядами «харибд» за каждый наблюдательный пункт, за каждую станцию дальнего контроля, спасая все, что успевали спасти из оборудования и научной документации, каждую секунду рискуя жизнью, пока категорический приказ Ламондуа и директора не созвал их в Столицу. Их узнавали по возбужденному, виновато-вызывающему виду, по неестественно оживленным голосам, по несмешным шуткам со ссылками на специальные обстоятельства и по нервному громкому смеху. Теперь они под руководством Аристотеля и Пагавы отбирали и переснимали на микропленку самые ценные материалы для эвакуации с планеты.

Большая группа механиков и метеорологов вышла на окраину города и принялась строить конвейерные цехи для производства небольших ракет. Предполагалось грузить эти ракеты важнейшей документацией и выбрасывать их за пределы атмосферы в качестве искусственных спутников, с тем чтобы позже их подобрали и доставили на Землю. К ракетчикам присоединилась часть аутсайдеров — тех, кто инстинктивно чувствовал себя не в силах ждать сложка руки, и тех, кто действительно мог и желал помочь, и тех, кто искренне верил в необходимость спасения важнейшей документации.

Но на площади, забитой «гепардами», «медузами», «биндюгами», «дилижансами», «кротами», «грифами», осталось еще очень много людей. Здесь были биологи и планетологи, потерявшие на оставшиеся часы смысл жизни, аутсайдеры — художники и артисты, — ошеломленные неожиданностью, рассерженные, потерявшиеся, не знающие, что делать, куда идти и кому предъявлять претензии. Какие-то очень выдержанные и спокойные люди неторопливо бесе-

довали на разнообразные темы, собираясь кучками среди машин. И еще какие-то тихие люди, молча и понуро сидящие в кабинах или жмушщиеся к стенам зданий.

Планета опустела. Все население — каждый человек был вызван, вывезен, выловлен из самых ее отдаленных и глухих уголков и доставлен в Столицу. Столица находилась на экваторе, и теперь на всех широтах планеты, северных и южных, было пусто. Лишь несколько человек осталось там, заявив, что им все равно, да где-то над тропическими лесами потерялся аэробус с детьми и воспитателем и тяжелый «гриф», высланный на его поиски.

Под серебристым шпилем в течение последних часов непрерывно заседал Совет Радуги. Время от времени репродуктор всеобщего оповещения голосом директора или Канэко вызывал по именам самых неожиданных людей, они бежали к зданию Совета и скрывались за дверью, а затем выбегали, садились в птерокары или флаеры и улетали из города. Многие из тех, кто не был занят делом, провожали их завистливыми взглядами. Неизвестно было, какие вопросы обсуждаются на Совете, но репродукторы всеобщего оповещения уже проревели главное: угроза катастрофы совершенно реальна; в распоряжении Совета всего один десантный звездолет малой грузоподъемности; Детское эвакуировано, и дети размещены в городском парке под наблюдением воспитателей и врачей; лайнер-звездолет «Стрела» непрерывно поддерживает связь с Радугой и находится на пути к ней, но прибудет не ранее, чем через десять часов. Трижды в час дежурный Совета информировал площадь о положении фронтов Волны. Репродуктор гремел: «Внимание, Радуга! Передаем информацию...» И тогда площадь замолкала, и все жадно слушали, досадливо оглядываясь на шахту, из которой доносился гулкий рокот «кратов». Волна двигалась странно. Ее ускорение то увеличивалось — и тогда люди мрачнели и опускали глаза, то уменьшалось — и тогда лица светлели, и появлялись неуверенные улыбки. Но Волна двигалась, горели посевы, вспыхивали леса, пылали оставленные поселки.

Официальной информации было очень мало, может быть, потому, что некому и некогда было ею заниматься, и, как всегда в таких случаях, основным видом информации становились слухи.

128 Следопыты и строители все глубже врывались в землю, и поднимавшиеся из шахты измазанные усталые люди кри-

чали, весело скаля зубы, что им нужно еще каких-нибудь два-три часа, и они закончат глубокое и достаточно просторное убежище для всех. На них смотрели с некоторой надеждой, и надежда эта подкреплялась упорными слухами о расчете, якобы произведенном Этьеном Ламондуа, Пагавой и каким-то Патриком. Согласно этому расчету, северная и южная Волны, столкнувшись на экваторе, должны «взаимно энергетически свернуться и деритринитировать», поглотив большое количество энергии. Говорили, что после этого на Радуге должен выпасть слой снега толщиной в полтора метра.

Говорили также, что полчаса назад в Институте дискретного пространства, слепые белые стены которого мог увидеть с площади любой желающий, удалось наконец осуществить успешный нуль-запуск человека к солнечной системе, и даже называли имя пилота, первого в мире нуль-перелетчика, в настоящую минуту якобы благополучно пребывающего на Плутоне.

Рассказывали о сигналах, полученных из-за южной Волны. Сигналы были чрезвычайно сильно искажены помехами, но их удалось дешифровать, и тогда якобы выяснилось, что несколько человек, добровольно оставшихся на одной из энергостанций на пути Волны, выжили и чувствуют себя удовлетворительно, что и свидетельствует о том, что П-волна в отличие от Волн ранее известных типов не представляет реальной опасности для жизни. Называли даже имена счастливцев, и нашлись люди, знавшие их лично. В подтверждение передавали рассказ очевидца о том, как известный Камилл выскочил из Волны на горящем птерокаре и пронесся мимо чудовищной кометы, что-то крича и размахивая рукой.

Большое распространение получил слух о том, что один старый звездолетчик, работающий сейчас в шахте, сказал якобы примерно следующее: «Командира «Стрелы» я знаю сто лет. Если он говорит, что будет не раньше чем через десять часов, то это значит, что он будет не позже чем через три часа. И не надо кивать на Совет. Там сидят дилетанты, представления не имеющие о том, что такое современный звездолет и на что он способен в опытных руках».

Мир вдруг потерял простоту и ясность. Стало трудно отделять правду от неправды. Самый честный человек, знакомый вам с детства, мог с легким сердцем солгать вам только для того, чтобы вас поддержать и успокоить, а через

двадцать минут вы видели его уже согнувшимся в тоске под тяжестью нелепого слуха о том, что Волна, мол, хотя и не опасна для жизни, но необратимо уродует психику, отбрасывая ее на уровень пещерной.

Люди на площади видели, как в здание Совета вошла высокая, большая женщина с заплаканным лицом, ведущая за руку мальчика лет пяти в красных штанишках. Многие узнали ее — это была Женя Вязаницына, жена директора Радуги. Она вышла очень скоро в сопровождении Канэко, который вежливо, но твердо вел ее под локоть. Она больше не плакала, но на лице ее была такая свирепая решимость, что люди испуганно сторонились, уступая ей дорогу. Мальчик спокойно грыз пряник.

Тем, кто был занят, было много лучше. Поэтому большая группа художников, писателей и артистов, проспоров до хрипоты, приняла наконец решение и двинулась на окраину города к ракетчикам. Вряд ли они могли чем-нибудь серьезно помочь, но они были уверены, что им найдут дело. Некоторые спустились в шахту, где велись уже горизонтальные выработки. А несколько опытных пилотов сели в птерокары и умчались к северу и к югу, чтобы присоединиться к наблюдателям Совета, уже несколько часов играющим в прятки со смертью.

Оставшиеся видели, как перед подъездом Совета опустился опаленный, весь в пятнах и вмятинах флаер. Из него с трудом вылезли двое, постояли на трясущихся ногах и двинулись к дверям, поддерживая друг друга. Лица их были желтые и опухшие, и в них только с трудом признали молодого физика Карла Гофмана и испытателя-нулевика Тимоти Сойера, известного искусством игры на банджо. Сойер только мотал головой и мычал, а Гофман, некоторое время посипев горлом, невнятно рассказал, что они только что пытались перепрыгнуть через Волну, подошли к ней на расстояние двадцати километров, но тут у Тима стало плохо с глазами, и они были вынуждены вернуться. Оказалось, что в Совете была выдвинута идея переброски населения на ту сторону Волны. Сойер и Гофман были разведчиками. И сейчас же кто-то рассказал, что двое Следопытов пытались поднырнуть под Волну в открытом море на исследовательском батискафе, но пока еще не вернулись, и ничего о них неизвестно.

130 К этому времени на площади осталось человек двести — меньше половины взрослого населения Радуги. Люди ста-

рались держаться группами. Они неторопливо переговаривались между собой, не отрывая глаз от окон Совета. На площади становилось тихо: «кроты» ушли глубоко, и рев их был едва слышен. Разговоры велись невеселые.

— Опять у меня испорчен отпуск. На этот раз, кажется, надолго.

— Убежище, подземелье, подполье... Снова наступает черная стена, и люди уходят в подполье...

— Жалко, что нет никакого настроения писать. Вы посмотрите, как красиво здание Совета. Какая цветовая глубина. Я бы с огромным удовольствием его написал... и передал бы это настроение напряженности и ожидания, но... Не могу. Тошно.

— Странно все-таки. Кажется, мы выбирали не тайный Совет. Типично жреческие замашки. Запереться в кабинете и обсуждать там судьбы планеты... Мне в конце концов не так уж и важно, о чем они там говорят, но это же неприлично...

— Мне очень не нравится Ананьев. Полюбуйтесь, вот уже два часа он сидит один, ни с кем не разговаривает и только все время точит ножичек... Пойду с ним поговорю. Пойдемте со мной, хотите?

— Аодзора сгорела... Моя Аодзора. Я ее строил. Теперь опять строить... А потом они ее опять сожгут.

— Мне их жалко. Вот мы с тобой сидим вдвоем и, честное слово, ничего я не боюсь! А Матвей Сергеевич не может даже в последние часы побыть с женой. Нелепо все это. Зачем?

— Я сижу здесь и болтаю, потому что считаю: единственная возможность — это звездолет. А все остальное — это пшик, барахтанье, самодеятельность...

— Почему я сюда прилетел? Чем плохо мне было на Земле? Радуга, Радуга, как ты нас обидела...

В это время репродуктор всеобщего оповещения проревел:

— Внимание, Радуга! Говорит Совет! Созывается общее собрание населения планеты! Собрание состоится на площади Совета через двадцать минут. Повторяю...

Пробираясь через толпу к зданию Совета, Горбовский обнаружил, что пользуется необычайной популярностью. Перед ним расступались, на него показывали глазами и да-

же пальцами, с ним здоровались, его спрашивали: «Ну, как там, Леонид Андреевич?», и за его спиной вполголоса произносили его фамилию, названия звезд и планет, с которыми он имел дело, а также названия кораблей, которыми он командовал.

Горбовский, давно уже отвыкший от такой популярности, раскланивался, делал рукой салют, улыбался, отвечал: «Да пока все в порядке», и думал: «Пусть теперь мне кто-нибудь скажет, что широкие массы больше не интересуются звездоплаванием». Одновременно он почти физически ощущал страшное нервное напряжение, царившее на площади. Это было чем-то похоже на последние минуты перед очень трудным и ответственным экзаменом. Напряжение это передавалось и ему. Улыбаясь и отшучиваясь, он пытался определить настроение и коллективную мысль этой толпы и гадал, что они скажут, когда он объявит свое решение. Верю в вас, настойчиво думал он. Верю, верю, во что бы то ни стало. Верю в вас, испуганные, настороженные, разочарованные, фанатики. Люди.

У самой двери его нагнал и остановил незнакомый человек в спецодежде для шахтных работ.

— Леонид Андреевич, — сказал он, озабоченно улыбаясь. — Минуточку. Буквально одну минуточку.

— Пожалуйста, пожалуйста, — сказал Горбовский.

Человек торопливо рылся в карманах.

— Когда прибудете на Землю, — говорил он, — не откажите в любезности... Куда же оно запропастилось?.. Не думаю, чтобы это вас очень затруднило... Ага, вот оно... — Он вынул сложенный вдвое конверт. — Адрес тут есть, печатными буквами... Не откажитесь переслать.

Горбовский покивал.

— Я даже по-письменному могу, — сказал он ласково и взял конверт.

— Почерк отвратительный. Сам себя читать не могу, а сейчас писал в спешке... — Он помолчал, затем протянул руку. — Счастливого пути. Заранее спасибо вам.

— Как ваша шахта? — спросил Горбовский.

— Отлично, — ответил человек. — Не беспокойтесь за нас.

Горбовский вошел в здание Совета и стал подниматься по лестнице, обдумывая первую фразу своего обращения к Совету. Фраза никак не получалась. Он не успел подняться на второй этаж, когда увидел, что члены Совета

спускаются ему навстречу. Впереди, ведя пальцем по перилам, легко ступал Ламондуа, совершенно спокойный и даже какой-то рассеянный. При виде Горбовского он улыбнулся странной растерянной улыбкой и сейчас же отвел глаза. Горбовский посторонился. За Ламондуа шел директор, багровый и свирепый. Он буркнул: «Ты готов?», и, не дожидаясь ответа, прошел мимо. Следом прошли остальные члены Совета, которых Горбовский не знал. Они громко и оживленно обсуждали вопрос об устройстве входа в подземное убежище, и в громкости этой, и в их оживлении отчетливо чувствовалась фальшь, и было видно, что мысли их заняты совсем другим. А последним на некотором расстоянии от всех спускался Станислав Пишта, такой же широкий, дочерна загорелый и пышноволосый, как двадцать пять лет назад, когда он командовал «Подсолнечником» и вместе с Горбовским штурмовал Слепое Пятно.

— Ба! — сказал Горбовский.

— О! — сказал Станислав Пишта.

— Ты что здесь делаешь?

— Ругаюсь с физиками...

— Молодец, — сказал Горбовский. — Я тоже буду. А пока скажи, кто здесь заведует детской колонией?

— Я, — ответил Пишта.

Горбовский недоверчиво посмотрел на него.

— Я, я! — Пишта усмехнулся. — Не похоже? Сейчас ты убедишься. На площади. Когда начнется свара. Уверяю тебя, это будет совершенно непедagogичное зрелище.

Они стали медленно спускаться к выходу.

— Свара — пусть, — сказал Горбовский. — Это тебя не касается. Где дети?

— В парке.

— Очень хорошо. Отправляйся туда и немедленно — слышишь? — немедленно начинай погрузку детей на «Таризель». Там тебя ждут Марк и Перси. Ясли мы уже погрузили. Ступай, быстро.

— Ты молодец, — сказал Пишта.

— А как же, — сказал Горбовский. — А теперь беги.

Пишта хлопнул его по плечу и вперевалку побежал вниз. Горбовский вышел вслед за ним. Он увидел сотни лиц, обращенных к нему, и услышал грохочущий голос Матвея, говорившего в мегафон:

— ...и фактически мы решаем сейчас вопрос, что является самым ценным для человечества и для нас, как части

человечества. Первым будет говорить заведующий детской колонией товарищ Станислав Пишта.

— Он ушел, — сказал Горбовский.

Директор оглянулся.

— Как ушел? — спросил он шепотом. — Куда?

На площади было очень тихо.

— Тогда разрешите мне, — сказал Ламондуа.

Он взялся за мегафон. Горбовский видел, как его тонкие белые пальцы плотно легли на судорожно стиснутые толстые пальцы Матвея. Директор отдал мегафон не сразу.

— Мы все знаем, что такое Радуга, — начал Ламондуа. — Радуга — это планета, колонизированная наукой и предназначенная для проведения физических экспериментов. Результаты этих экспериментов ждет все человечество. Каждый, кто приезжает на Радугу и живет здесь, знает, куда он приехал и где он живет. — Ламондуа говорил резко и уверенно, он был очень хорош сейчас — бледный, прямой, напряженный, как струна. — Мы все солдаты науки. Мы отдали науке всю свою жизнь. Мы отдали ей всю нашу любовь и все лучшее, что у нас есть. И то, что мы создали, принадлежит по сути дела уже не нам. Оно принадлежит науке и всем двадцати миллиардам землян, разбросанным по Вселенной. Разговоры на моральные темы всегда очень трудны и неприятны. И слишком часто разуму и логике мешает в этих разговорах наше чисто эмоциональное «хочу» и «не хочу», «нравится» и «не нравится». Но существует объективный закон, движущий человеческое общество. Он не зависит от наших эмоций. И он гласит: человечество должно познавать. Это самое главное для нас — борьба знания против незнания. И если мы хотим, чтобы наши действия не казались нелепыми в свете этого закона, мы должны следовать ему, даже если нам приходится для этого отступать от некоторых врожденных или заданных нам воспитанием идей. — Ламондуа помолчал и расстегнул воротник рубашки. — Самое ценное на Радуге — это наш труд. Мы тридцать лет изучали дискретное пространство. Мы собрали здесь лучших нуль-физиков Земли. Идеи, порожденные нашим трудом, до сих пор еще находятся в стадии освоения, настолько они глубоки, перспективны и, как правило, парадоксальны. Я не ошибусь, если скажу, что только здесь, на Радуге, существуют люди — носители нового понимания пространства и что только на Радуге есть экспе-

риментальный материал, который послужит для теоретической разработки этого понимания. Но даже мы, специалисты, не способны сейчас сказать, какую гигантскую, необозримую власть над миром принесет человечеству наша новая теория. Не на тридцать лет — на сто, двести... триста лет будет отброшена наука...

Ламондуа остановился, по его лицу пошли красные пятна, плечи поникли. Мертвая тишина стояла над городом.

— Очень хочется жить,— сказал вдруг Ламондуа.— И дети... У меня их двое, мальчик и девочка, они там, в парке... Не знаю. Решайте.

Он опустил мегафон и остался стоять перед толпой весь омякший, постаревший и жалкий.

Толпа молчала. Молчали нуль-физики, стоявшие в первых рядах, несчастные носители нового понимания пространства, единственные на всю Вселенную. Молчали художники, писатели и артисты, хорошо знавшие, что такое тридцатилетний труд, и слишком хорошо знавшие, что никакой шедевр неповторим. Молчали на грудах выброшенной породы строители, тридцать лет работавшие бок о бок с нулевиками и для нулевиков. Молчали члены Совета — люди, которых считали самыми умными, самыми знающими, самыми добрыми, от которых в первую очередь зависело то, что должно было произойти.

Горбовский видел сотни лиц, молодых и старых, мужских и женских, и все они казались сейчас ему одинаковыми, необыкновенно похожими на лицо Ламондуа. Он отчетливо представлял себе, что они думают. Очень хочется жить, молодому — потому что он так мало прожил, старому — потому что так мало осталось жить. С этой мыслью еще можно справиться: усилие воли — и она загнана в глубину и убрана с дороги. Кто не может этого, тот больше ни о чем не думает, и вся его энергия направлена на то, чтобы не выдать смертельного ужаса. А остальные... Очень жалко труда. Очень жалко, невыносимо жалко детей. Даже не то чтобы жалко — здесь много людей, которые к детям равнодушны, но кажется подлым думать о чем-нибудь другом. И надо решать. Ох, до чего же это трудно — решать! Надо выбрать и сказать вслух, громко, что ты выбрал. И тем самым взять на себя гигантскую ответственность, совершенно непривычную по тяжести ответственность перед самим собой, чтобы оставшиеся три часа жизни чувствовать себя человеком, не корчиться от непереносимого стыда и не тра-

тить последний вздох на выкрик: «Дурак! Подлец!», обращенный к самому себе. Милосердие, подумал Горбовский.

Он подошел к Ламондуа и взял у него мегафон. Кажется, Ламондуа этого даже не заметил.

— Видите ли,— проникновенно сказал Горбовский в мегафон,— боюсь, что здесь какое-то недоразумение. Товарищ Ламондуа предлагает вам решать. Но понимаете ли, решать, собственно, нечего. Все уже решено. Ясли и матери с новорожденными уже на звездолете. (Толпа шумно вздохнула.) Остальные ребятишки грузятся сейчас. Я думаю, все поместятся. Даже не думаю, уверен. Вы уж простите меня, но я решил самостоятельно. У меня есть на это право. У меня есть даже право решительно пресекать все попытки помешать мне выполнить это решение. Но это право, по-моему, ни к чему. В общем-то товарищ Ламондуа высказал интересные мысли. Я бы с удовольствием с ним поспорил, но мне надо идти. Товарищи родители, вход на космодром совершенно свободный. Правда, простите, на борт звездолета подниматься не надо.

— Вот и все,— громко сказал кто-то в толпе.— И правильно. Шахтеры, за мной!

Толпа зашумела и задвигалась. Взлетело несколько птерокаров.

— Из чего надо исходить? — сказал Горбовский.— Самое ценное, что у нас есть, это будущее...

— У нас его нет,— сказал в толпе суровый голос.

— Наоборот, есть! Наше будущее — это дети. Не правда ли, очень свежая мысль! И вообще нужно быть справедливыми. Жизнь прекрасна, и мы все уже знаем это. А детишки еще не знают. Одной любви им сколько предстоит! Я уж не говорю о нуль-проблемах. (В толпе зааплодировали.) А теперь я пошел.

Горбовский сунул мегафон одному из членов Совета и подошел к Матвею. Матвей несколько раз крепко ударил его по спине. Они смотрели на тающую толпу, на оживившиеся лица, сразу ставшие очень разными, и Горбовский пробормотал со вздохом:

— Забавно, однако. Вот мы совершенствуемся, совершенствуемся, становимся лучше, умнее, добрее, а до чего все-таки приятно, когда кто-нибудь принимает за тебя решение...

«Тариэль Второй», десантный сигма-Д-звездолет, создавался для переброски на большие расстояния небольших групп исследователей с минимальным комплектом лабораторного оборудования. Он был очень хорош для высадки на планеты с бешеными атмосферами, обладал огромным запасом хода, был прочен, надежен и на девяносто пять процентов состоял из энергетических емкостей. Разумеется, на корабле был жилой отсек из пяти крошечных кают, крошечной кают-компания, миниатюрного камбуза и вместительной рубки, сплошь заставленной пультами приборов управления и контроля. Был на корабле и грузовой отсек — довольно обширное помещение с голыми стенами и низким потолком, лишенное принудительного кондиционирования, пригодное (в самом крайнем случае) для устройства походной лаборатории. Нормально «Тариэль Второй» принимал на борт до десяти человек, считая с экипажем.

Детей грузили через оба люка: младших — через пассажирский, старших — через грузовой. Возле люков толпились люди, и их было гораздо больше, чем ожидал Горбовский. С первого же взгляда было видно, что здесь не только воспитатели и родители. Поодаль громоздились ящики с нерозданными ульмотронами и с оборудованием для Следопытов Лаланды. Взрослые были молчаливы, но у корабля стоял непривычный шум — писк, смех, тонкоголосое нестройное пение — тот гомон, который во все времена был так характерен для интернатов, детских площадок и амбулаторий. Знакомых лиц видно не было, только в стороне Горбовский узнал Алю Постышеву. Да и она была совсем другая — поникшая и грустная, одетая очень изящно и аккуратно. Она сидела на пустом ящике, положив руки на колени, и смотрела на корабль. Она ждала.

Горбовский вылез из птерокара и направился к звездолету. Когда он проходил мимо Али, она жалостно улыбнулась ему и сказала: «А я Марка жду». — «Да-да, он скоро выйдет», — ласково сказал Горбовский и пошел дальше. Но его сразу остановили, и он понял, что добраться до люка будет не так просто.

Крупный бородатый человек в панаме преградил ему дорогу.

— Товарищ Горбовский, — сказал он. — Я вас прошу, возьмите.

Он протянул Горбовскому длинный тяжелый сверток.

— Что это? — спросил Горбовский.

— Моя последняя картина. Я Иоганн Сурд.

— Иоганн Сурд, — повторил Горбовский. — Я не знал, что вы здесь.

— Возьмите. Она весит совсем немного. Это лучшее, что я сделал в жизни. Я привозил ее сюда на выставку. Это «Ветер»...

У Горбовского все сжалось внутри.

— Давайте, — сказал он и бережно принял сверток.

Сурд поклонился.

— Спасибо, Горбовский, — сказал он и исчез в толпе.

Кто-то крепко и больно схватил Горбовского за руку. Он обернулся и увидел молоденькую женщину. У нее дрожали губы, и лицо было мокрое от слез.

— Вы капитан? — спросила она надорванным голосом.

— Да, да. Я капитан.

Она еще сильнее стиснула его руку.

— Там мой мальчик... На корабле... — Губы начали крикнуться. — Я боюсь...

Горбовский сделал удивленное лицо.

— Но чего же? Там он в полной безопасности.

— Вы уверены?.. Вы обещаете мне?..

— Он там в полной безопасности, — повторил Горбовский решительно. — Это очень хороший корабль!

— Столько детей, — сказала она всхлипывая. — Столько детей!..

Она отпустила его руку и отвернулась. Горбовский, потоптавшись в нерешительности, пошел дальше, загораживая руками и боками шедевр Сурда, но его тут же схватили с обеих сторон под локти.

— Это весит всего три кило, — сказал бледный угловатый мужчина. — Я никогда никого ни о чем не просил...

— Вижу, — согласился Горбовский. Это, действительно, было заметно.

— Здесь отчет о наблюдениях Волны за десять лет. Шесть миллионов фотокопий.

— Это очень важно! — подтвердил второй человек, державший Горбовского за левый локоть. У него были толстые, добрые губы, небритые щеки и маленькие умоляющие глазки. — Понимаете, это — Маляев... — Он указал пальцем на первого. — Вы непременно должны взять эту папку...

— Помолчите, Патрик,— сказал Маляев.— Леонид Андреевич, поймите... Чтобы это больше не повторилось... Чтобы больше никогда...— он задохнулся,— чтобы больше никто и никогда не ставил перед нами этот позорный выбор...

— Несите за мной,— сказал Горбовский.— У меня заняты руки.

Они отпустили его, и он сделал шаг вперед, но ударился коленом о большой закутанный в брезент предмет, который с явным трудом держали на весу двое юношей в одинаковых синих беретах.

— Может, возьмете? — пропыхтел один.

— Если можно...— сказал другой.

— Мы два года ее строили...

— Пожалуйста.

Горбовский покачал головой и стал их осторожно обходить.

— Леонид Андреевич,— жалобно сказал первый.— Мы вас умоляем.

Горбовский снова покачал головой.

— Не унижайся,— сказал второй сердито. Он вдруг отпустил свой угол, и закутанный предмет с треском ударился о землю.— Ну что ты держишь?

Он с неожиданной яростью пнул свой аппарат ногой и, сильно прихрамывая, пошел прочь.

— Володька! — крикнул первый с тревогой ему вслед.— Не сходи с ума!

Горбовский отвернулся.

— Скульпторам, конечно, надеяться не на что,— сказал над его ухом вкрадчивый голос. Горбовский только помотал головой. Говорить он не мог. За его спиной, наступая ему на пятки, хрипло дышал Маляев.

Еще группа каких-то людей с рулонами, свертками и пакетами в руках разом стронулась с места и пошла рядом.

— Может быть, имеет смысл сделать так...— нервно и отрывисто заговорил один из них.— Может быть, все... Сложить все у грузового люка... Мы понимаем, что шансов мало... Но вдруг все-таки останутся места.. В конце концов это не люди, это вещи... Рассовать их где-нибудь... ка-нибудь...

— Да... да...— сказал Горбовский.— Я вас прошу, займитесь этим.— Он приостановился и переложил шедевр на

другое плечо.— Сообщите об этом всем. Пусть сложат у грузового люка. Шагах в десяти и в стороне... Хорошо?

В толпе произошло движение, стало не так тесно. Люди с рулонами и свертками начали расходиться, и Горбовский выбрался наконец на свободное пространство возле пассажирского люка, где малыши, выстроенные парами, ждали очереди попасть в руки Перси Диксона.

Карпузы в разноцветных курточках, штанишках и шапочках пребывали в состоянии радостного возбуждения, вызванного перспективой всамделишного звездного перелета. Они были очень заняты друг другом и голубоватой громадой корабля и одаривали толпившихся вокруг родителей разве что рассеянными взглядами. Им было не до родителей. В круглом отверстии люка стоял Перси Диксон, облаченный в стариннейшую, давно забытую парадную форму звездолетчика, тяжелую и душную, с наспех посеребренными пуговицами, со значками и ослепительными позументами. Пот градом катился по его волосатому лицу, и время от времени он взрывал морским голосом: «По бим-бомбрамселям! По местам стоять, с якоря сниматься!» Это было очень весело, и восторженные малыши не спускали с него замороженных глаз. Тут же были двое воспитателей: мужчина держал в руке списки, а женщина очень весело пела с ребятишками песенку о храбром носороге. Ребятишки, не отрывая глаз от Диксона, подпевали с большим азартом, и каждый тянул свое.

Горбовский подумал, что если вот так стоять спиной к толпе, то можно подумать, будто действительно добрый дядя Перси организовал для дошкольников веселый облет Радуги на настоящем звездолете. Но тут Диксон поднял на руки очередного малыша и обернувшись передал его кому-то в тамбуре, и тогда за спиной Горбовского женский голос истерически закричал: «Толик мой! Толик!» и Горбовский оглянулся и увидел бледное лицо Маляева, и напряженные лица отцов, и лица матерей, улыбающиеся жалкими кривыми улыбками, и слезы на глазах, и закусанные губы, и отчаяние, и бьющуюся в истерике женщину, которую поспешно уводил, обняв за плечи, человек в комбинезоне, испачканном землей. И кто-то отвернулся, и кто-то согнулся и торопливо побрел прочь, натываясь на встречающих, а кто-то просто лег на бетон и стиснул голову руками.

140 Горбовский увидел Женю Вязаницыну, пополневшую

и похорошевшую, с огромными сухими глазами и решительно сжатым ртом. Она держала за руку толстого спокойного мальчика в красных штанишках. Мальчик жевал яблоко и во все глаза глядел на блестящего Перси Диксона.

— Здравствуйте, Леонид,— сказала она.

— Здравствуй, Женечка,— сказал Горбовский.

Малаев и Патрик огошли в сторону.

— Какой ты худой,— сказала она.— Все такой же худой.

И даже еще больше высох.

— А ты похорошела.

— Я не очень отрываю тебя?

— Да нет, все идет, как должно идти. Мне только нужно осмотреть корабль. Я очень боюсь, что у нас все-таки не хватит места.

— Очень плохо одной. Матвей занят, занят, занят... Иногда мне кажется, что ему абсолютно все равно.

— Ему очень не все равно,— сказал Горбовский.— Я разговаривал с ним. Я знаю, ему очень не все равно. Но он ничего не может сделать. Все дети на Радуге — это его дети. Он не может иначе.

Она слабо махнула свободной рукой.

— Я не знаю, что делать с Алешкой,— сказала она.— Он у нас совсем домашний. Он даже в детском саду никогда не был.

— Он привыкнет. Дети очень быстро ко всему привыкают, Женечка. И ты не бойся. Ему будет хорошо.

— Я даже не знаю, к кому обратиться.

— Все воспитатели хороши. Ты же знаешь это. Все одинаковы. Алешке будет хорошо.

— Ты меня не понимаешь. Ведь его даже нет ни в каких списках.

— И чего же тут страшного? Есть он в списках или нет — ни один ребенок не останется на Радуге. Списки только для того, чтобы не растерять детей. Хочешь, я пойду и скажу, чтобы его записали?

— Да,— сказала она.— Нет... Подожди. Можно, я поднимусь вместе с ним на корабль?

Горбовский печально покачал головой.

— Женечка,— мягко сказал он.— Не надо. Не надо беспокоить детей.

— Я никого не буду беспокоить. Я только хочу посмотреть, как ему там будет... Кто будет рядом...

— Такие же ребяташки. Веселые и добрые.

— Можно, я поднимусь с ним?

— Не надо, Женечка.

— Надо. Очень надо. Он не сможет один. Как он будет жить без меня? Ты ничего не понимаешь. Все вы совершенно ничего не понимаете. Я буду делать все, что нужно. Любую работу. Я ведь все умею. Не будь ты таким бесчувственным...

— Женечка, посмотри вокруг. Это матери.

— Он не такой, как все. Он слабый. Капризный. Он привык к постоянному вниманию. Он не сможет без меня. Не сможет! Ведь я-то знаю это лучше всех! Неужели ты воспользуешься тем, что мне некому на тебя жаловаться?

— Неужели ты займешь место ребенка, который должен будет остаться здесь?

— Никто не останется,— сказала она страстно.— Я уверена, что никто! Все поместятся! А мне ведь совсем не надо места! Есть же у вас какие-нибудь машинные помещения, какие-нибудь камеры... Я должна быть с ним!

— Я ничего не могу сделать для тебя. Прости.

— Можешь! Ты капитан. Ты все можешь. Ты же всегда был добрым человеком, Леня!

— Я и сейчас добрый. Ты себе представить не можешь, какой я добрый.

— Я не отойду от тебя,— сказала она и замолчала.

— Хорошо,— сказал Горбовский.— Только давай сделаем так. Сейчас я отведу в корабль Алешку, осмотрю помещения и вернусь к тебе. Хорошо?

Она пристально глядела ему в глаза.

— Ты не обманешь меня. Я знаю. Я верю. Ты никогда никого не обманывал.

— Я не обману. Когда корбаль стартует, ты будешь рядом со мной. Давай мальчика.

Не отрывая глаз от его лица, она как во сне подтолкнула к нему Алешку.

— Иди, иди, Алик,— сказала она.— Иди с дядей Леней.

— Куда? — спросил мальчик.

— В корабль,— сказал Горбовский, беря его за руку.— Куда же еще. Вот в этот корабль. Вон к тому дяде. Хочешь?

— Хочу к тому дяде,— заявил мальчик. На мать он больше не смотрел. Они вместе подошли к трапу, по которому поднимались последние ребяташки. Горбовский сказал воспитателю:

— Внесите в список. Алексей Матвеевич Вязаницын.

Воспитатель посмотрел на мальчика, затем на Горбовского и кивнул, записывая. Горбовский медленно поднялся по трапу, перетащил Алексея Матвеевича через высокий комингс, подняв за руку.

— Это называется тамбур,— сказал он.

Мальчик подергал руку, освободился и, подойдя вплотную к Перси Диксону, стал его рассматривать. Горбовский снял с плеча и поставил в угол картину Сурда. «Что еще? — подумал он.— Да!» Он вернулся к люку и, высунувшись, принял от Маляева папку.

— Спасибо,— сказал Маляев, улыбаясь.— Не забыли... Спокойной плазмы.

Патрик тоже улыбался. Кивая, они попятились к толпе. Женья стояла под самым люком, и Горбовский помахал ей рукой. Потом он повернулся к Диксону.

— Жарко? — спросил он.

— Ужасно. Сейчас бы душ принять. А в душевых дети.

— Освободите душевые,— сказал Горбовский.

— Легко сказать,— Диксон тяжело вздохнул и, скривившись, оттянул тесный воротник мундира.— Борода лезет под воротник,— пробормотал он.— Колется невыносимо. Все тело зудит.

— Дядя,— сказал мальчик Алеша.— А у тебя борода настоящая?

— Можешь подергать,— сказал Перси со вздохом и нагнулся.

Мальчик подергал.

— Все равно ненастоящая,— заявил он.

Горбовский взял его за плечо, но Алеша вывернулся.

— Не хочу с тобой,— сказал он.— Хочу с капитаном.

— Вот и хорошо,— сказал Горбовский.— Перси, отведите его к воспитателю.

Он нагнулся у двери в коридор.

— Не упадите в обморок,— сказал Диксон вслед.

Горбовский откатил дверь. Да, такого в корабле еще не бывало. Визг, смех, свист, щебет, воркование, воинственные клики, стук, звон, топот, скрип металла о металл, мяукающие вопли младенцев... Неповторимые запахи молока, меда, лекарств, разгоряченных детских тел, мыла, несмотря на кондиционирование, несмотря на непрерывную работу аварийных вентиляторов... Горбовский пошел по коридору, выбирая место, куда ступить, опасливо заглядывая в рас-

пахнутые двери, где прыгали, плясали, баюкали кукол, целились из ружей, набрасывали лассо, толкались в невообразимой тесноте, сидели и ползали на откинутых койках, на столах, под столами, под койками четыре десятка мальчиков и девочек в возрасте от двух до шести лет. Из каюты в каюту бегали озабоченные воспитатели. В кают-компании, из которой была выброшена почти вся мебель, молодые матери кормили и пеленали новорожденных, и тут же были ясли — пятеро ползунков, переговариваясь на птичьем языке, бродили на четвереньках в отгороженном углу. Горбовский представил себе все это в состоянии невесомости, зажмурился и прошел в рубку.

Горбовский не узнал рубки. Здесь было пусто. Исчез громадный контроль-комбайн, занимавший треть помещения. Исчез пульт управления, исчезло кресло пилота-дублера. Исчез пульт обзорного экрана. Исчезло кресло перед вычислителем. А сам вычислитель, наполовину разобранный, блестел обнажившимися блок-схемами. Корабль перестал быть звездолетом. Он превратился в самоходную межпланетную баржу, сохранившую хороший ход, но годную только для перелетов по инерционным траекториям.

Горбовский сунул руки в карманы. Диксон сопел у него над ухом.

— Так-так,— сказал Горбовский.— А где Валькенштейн?

— Здесь.— Валькенштейн высунулся из недр вычислителя. Он был мрачен и очень решителен.

— Молодец, Марк,— сказал Горбовский.— И вы молодец, Перси. Спасибо.

— Вас уже три раза спрашивал Пишта,— сказал Марк и снова скрылся в вычислителе.— Он у грузового люка.

Горбовский пересек рубку и вышел в грузовой отсек. Ему стало жутко. Здесь, в длинном и узком помещении, слабо освещенном двумя газосветными лампами, стояли, плотно прижавшись друг к другу, мальчики и девочки — школьники. Они стояли молча, почти не шевелясь, только переступая с ноги на ногу, и смотрели в распахнутый люк, где виднелось голубое небо да плоская белая крыша далекого пакгауза. Несколько секунд Горбовский, покусывая губу, смотрел на детей.

144 — Первоклассников перевести в коридор,— сказал он.— Второй и третий классы — в рубку. Сейчас же.

— И это еще не все,— тихо сказал Диксон.— Десять человек застряли где-то на пути из Детского... Впрочем, кажется, они погибли. Группа старшеклассников отказывается грузиться. И есть еще группа детей аутсайдеров, которые только сейчас прибыли... Впрочем, сами увидите.

— Вы все-таки сделайте, как я сказал,— предложил Горбовский.— Первые три класса — в коридор и в рубку. А сюда — свет, экран, показывайте фильмы. Исторические фильмы. Пусть смотрят, как бывало раньше. Действуйте, Перси. И еще — составьте из ребят цепочку до Валькенштейна, пусть по конвейеру передают детали, это их немного займет.

Он с трудом протиснулся к люку и сбегал вниз. У подножья трапа, окруженная воспитателями, стояла большая группа ребятишек разного возраста. Слева беспорядочной грудой было свалено все самое драгоценное из предметов материальной культуры Радуги: связки документов, папки, машины и модели машин, закутанные в матерiu скульптуры, свертки холстов. А справа, шагах в двадцати, стояли угрюмые юноши и девушки пятнадцати-шестнадцати лет, и перед ними, заложив руки за спину, нагнув голову, расхаживал очень серьезный Станислав Пишта. Негромко, но внятно он говорил:

— ...Считайте, что это экзамен. Поменьше думайте о себе и побольше о других. Ну и что же, что вам стыдно? Возьмите себя в руки, пересильте это чувство!

Старшеклассники упрямо молчали. И подавленно молчали взрослые, сгрудившиеся перед грузовым люком. Некоторые ребята украдкой оглядывались, и было видно, что они не прочь удрать, но бежать было невозможно — вокруг стояли их отцы и матери. Горбовский посмотрел на люк. Даже отсюда было видно, что корабль набит битком. В широком, как ворота, люке тесной шеренгой стояли дети. Лица у них были недетские — слишком серьезные и слишком печальные.

К Горбовскому как-то боком придвинулся огромный, очень красивый молодой человек с тоскливыми просящими глазами, безобразно не соответствующими всему его облику.

— Одно слово, капитан,— проговорил он дрожащим голосом.— Одно только слово...

— Минутку,— сказал Горбовский.

Он подошел к Пиште и обнял его за плечи.

— Места хватит всем,— говорил Пишта.— Пусть это вас не беспокоит...

— Станислав,— сказал Горбовский,— распорядись грузить оставшихся.

— Там нет мест,— очень непоследовательно возразил Пишта.— Мы ждали тебя. Хорошо бы очистить резервную Д-камеру.

— На «Тариэле» нет резервных Д-камер. Но место сейчас будет. Распоряжайся.

Горбовский остался лицом к лицу со старшекласниками.

— Мы не хотим лететь,— сообщил один из них, белобрысый рослый парнишка с яркими зелеными глазами.— Лететь должны воспитатели.

— Правильно! — сказала маленькая девушка в спортивных брюках.

Позади голос Перси Диксона крикнул:

— Бросайте! Прямо на землю!

Из люка посыпались звонкие пластины блок-схем. Конвейер заработал.

— Вот что, мальчики и девочки,— сказал Горбовский.— Во-первых, у вас еще нет права голоса, потому что вы еще не кончили школу. И, во-вторых, нужно иметь совесть. Правда, вы еще молоды и рветесь на геройские подвиги, но дело-то в том, что здесь вы не нужны, а в корабле нужны. Мне страшно подумать, что там будет в инерционном полете. Нужно по два старших на каждую каюту к дошкольникам, по крайней мере три ловких девочки для ясель и помогать женщинам с новорожденными. Короче говоря, вот где от вас потребуется подвиг.

— Простите, капитан,— насмешливо сказал зеленоглазый,— но все эти обязанности прекрасно могут выполнить воспитательницы.

— Простите, юноша,— сказал Горбовский,— но я полагаю, вам известны права капитана. Как капитан, я вам обещаю, что из воспитателей полетят только два человека. А главное — напрягитесь и попробуйте представить себе, как будут дальше жить ваши воспитатели, если они займут ваши места на корабле. Игры кончились, мальчики и девочки, перед вами жизнь, какой она бывает иногда — к счастью, редко. А теперь простите, я занят. В утешение могу сказать вам только одно. В корабль вы войдете последними. Все.

Он повернулся к ним спиной и с размаху наткнулся на молодого человека с тоскливыми глазами.

— Ох, простите,— сказал он.— Совсем забыл про вас.

— Вы сказали, полетят два воспитателя,— осипшим голосом сказал молодой человек.— Кто?

— Кто вы такой? — спросил Горбовский.

— Я Роберт Скляр. Я физик-нулевик. Но речь не об этом. Я вам сейчас все расскажу. Но сначала скажите, кто из воспитателей летит?

— Скляр... Скляр... Удивительно знакомое имя. Где я о нем слыхал?

— Камилл,— сказал Скляр, принужденно улыбаясь.

— А,— сказал Горбовский.— Так вас интересует, кто летит? — Он оглядел Скляра.— Хорошо, я вам скажу. Только вам. Летит заведующий и летит главный врач. Они еще этого не знают.

— Нет,— сказал Скляр, хватая Горбовского за руки.— Еще один... Еще одну. Турчина, Татьяна. Она воспитатель. Ее очень любят. Она опытный воспитатель...

Горбовский освободил руки.

— Нельзя,— сказал он.— Нельзя, милый Роберт! Летят только дети и матери с новорожденными, понятно? Только дети и матери с грудными младенцами.

— Она тоже! — сейчас же сказал Скляр.— Она тоже мать! У нее будет ребенок... Мой ребенок! Спросите у нее... Она тоже мать!

Горбовского сильно толкнули в плечо. Он пошатнулся и увидел, как Скляр испуганно пятится, отступая, а на него молча идет маленькая тонкая женщина, удивительно изящная и стройная, с сильной сединой в золотых волосах и прекрасным, но словно окаменевшим лицом. Горбовский провел ладонью по лбу и вернулся к трапу.

Теперь здесь оставались только старшекласники и воспитатели. Остальные взрослые — отцы и матери, и те, кто принес сюда свои творения, и те, кто, видимо, в смутной, неосознанной надежде тянулся к звездолету, медленно пятились, расступаясь и разбиваясь на группы. В люке, расставив руки, стоял Станислав Пишта и кричал:

— Потеснитесь чуть-чуть, ребята! Майкл, крикни в рубку, чтобы потеснились! Еще немного!

Ему отвечали серьезные детские голоса:

— Некуда больше! Все очень плотно стоят!

И густой голос Перси Диксона прогудел:

— Как так некуда? А вот сюда, за пульт? Не бойся, маленькая, током не ударит, проходи, проходи... И ты тоже... И ты, курносый... Больше жизни! И ты... Так... Так...

И холодный, звякающий, как железо, голос Валькенштейна приговаривал:

— Потеснитесь, ребята... Дайте пройти... Подвинься, девочка... Пропусти, мальчик...

Пишта посторонился, и рядом с ним появился Валькенштейн с курткой через плечо.

— Я остаюсь на Радуге,— сказал он.— Вы уж без меня, Леонид Андреевич.— Глаза его шарили по толпе, отыскивая кого-то.

Горбовский кивнул.

— Врач на борту? — спросил он.

— Да,— ответил Марк.— Из взрослых там только врач и Диксон.

Из люка вдруг раздался смех.

— Эх вы,— с натугой говорил голос Диксона.— Вот как надо... Раз-два... раз-два...

В люке появился Диксон. Он появился над головой Пишты, перевернутое лицо его было потным и ярко-малиновым.

— Держите меня, Леонид,— прошипел он.— Я сейчас свалюсь!

Ребята хохотали. Это было действительно очень смешно — толстый борт-инженер, как муха, висел на потолке, цепляясь руками и ногами за карабины для крепления груза. Он был тяжел и горяч, и когда Пишта с Горбовским вытянули его наружу и поставили на ноги, он сказал, тяжело дыша:

— Стар. Стар уже.

Виновато моргая, он поглядел на Горбовского.

— Не могу я там, Леонид. Тесно, душно, жарко... Костюм этот несчастный... Я остаюсь здесь, а вы уж с Марком летите. Да и надоели вы мне, по правде сказать.

— Прощайте, Перси,— сказал Горбовский.

— Прощай, дружок,— сказал Диксон растроганно.

Горбовский засмеялся и похлопал его по позументам.

— Ну что ж, Станислав,— сказал он.— Придется тебе обойтись без борт-инженера. Думаю, обойдешься. Твоя задача: выйти на орбиту экваториального спутника и ждать «Стрелу». Остальное сделает командир «Стрелы».

Несколько секунд Пишта ошарашенно молчал. Потом он понял.

— Ты что это, а? — очень тихо сказал он, шаря взглядом по лицу Горбовского. — Ты что это? Ты. Десантник! Что это за жесты?

— Жесты? — сказал Горбовский. — Я не умею. А ты иди. Ты за всех них отвечаешь до конца. — Он повернулся к старшекласникам: — Марш на борт! — крикнул он. — Иди вперед, а то не протиснешься, — сказал он Пиште.

Пишта посмотрел на понурых старшекласников, медленно бредущих к трапу, посмотрел на люк, из которого высывались лица детей, неловко клюнул Горбовского в щеку, кивнул Марку и Диксону и, поднявшись на цыпочки, взялся за карабины. Горбовский подтолкнул его. Старшекласники один за другим с нарочитой важностью и неторопливостью начали протискиваться внутрь, мужественно покрикивая: «А ну, шевелись! Подбери губы, наступят! Кто это там ревет? Головы выше!» Последней вошла та самая девочка в спортивных брюках. На секунду она остановилась и с надеждой оглянулась на Горбовского, но тот сделал каменное лицо.

— Некуда ведь, — сказала она тихонько. — Видите? Я не помещаюсь.

— Ты похудеешь, — пообещал Горбовский и, взяв ее за плечи, осторожно втиснул в толпу. Потом он спросил Диксона: — А где кино?

— Все рассчитано, — важно ответил Перси. — Кино начнется в момент старта. Дети любят сюрпризы.

— Пишта! — крикнул Горбовский. — Готов?

— Готов! — гулко откликнулся Пишта.

— Стартуй, Пишта! Спокойной плазмы! Закрывай люки! Мальчики и девочки, спокойной плазмы!

Тяжелая плита люка бесшумно выдвинулась из паза в обшивке. Горбовский, прощально махая рукой, отступил от комингса. Вдруг он вспомнил.

— Ай! — закричал он. — А письмо?

В нагрудном кармане письма не было, в боковом тоже. Люк закрывался. Письмо почему-то оказалось во внутреннем кармане. Горбовский сунул его девушке в спортивных брюках и поспешно отдернул руку. Люк закрылся. Горбовский, сам не зная зачем, погладил голубоватый металл, ни на кого не глядя, спустился на землю, и Диксон с Марком оттащили трап. Вокруг корабля осталось совсем мало

народу, зато над кораблем в небе кружились десятки вертолетов и флаеров.

Горбовский обогнул груды материальных ценностей, споткнулся о какой-то бюст и пошел вокруг корабля к пассажирскому люку, где его должна была ждать Женя Вязаницына. «Хоть бы Матвей прилетел», — с тоской подумал он. Он чувствовал себя выжатым и высушенным и очень обрадовался, когда увидел Матвея. Матвей шел ему навстречу. Но он был один.

— А где Женя? — спросил Горбовский.

Матвей остановился и оглянулся по сторонам.

— Она была здесь, — сказал он. — Я говорил с ней по радиотелефону. Что, люки уже закрыли? — Он все оглядывался.

— Да, сейчас старт, — сказал Горбовский. Он тоже озираясь. «Может быть, она на вертолете», — подумал он. Но он знал, что это невозможно.

— Странно, что нет Жени, — проговорил Матвей.

— Возможно, она на вертолете, — сказал Горбовский. Он вдруг понял, где она. «Ай да она!», — подумал он.

— Алешку так и не увидел, — сказал Матвей.

Странный широкий звук, похожий на судорожный вздох, пронесся над космодромом. Огромная голубая громада корабля бесшумно оторвалась от земли и медленно пошла вверх. «Первый раз в жизни вижу старт своего корабля», — подумал Горбовский. Матвей все провожал корабль глазами и вдруг как ужаленный повернулся к Горбовскому и с изумлением уставился на него.

— Постой!... — пробормотал он. — Как же это так? Почему ты здесь? А как же корабль?

— Там Пишта, — сказал Горбовский.

Глаза Матвея остановились.

— Вот она, — прошептал он.

Горбовский обернулся. Над горизонтом ослепительно сияла блестящая, ровная полоса.

ГЛАВА 10

На окраине Столицы Горбовский попросил остановиться. Диксон затормозил и выжидательно посмотрел на него.

— Я пойду пешком,— сказал Горбовский.

Он вылез. Сейчас же вслед за ним вылез Марк и, протянув руку, помог выйти Але Постышевой. Всю дорогу от космодрома эта пара молчала на заднем сидении. Они крепко, по-детски, держались за руки, и Аля, закрыв глаза, прижималась лицом к плечу Марка.

— Пойдемте с нами, Перси,— сказал Горбовский.— Будем собирать цветочки, и уже не жарко. И это будет очень полезно для вашего сердца.

Диксон покачал косматой головой.

— Нет, Леонид,— сказал он.— Давайте лучше попрощаемся. Я поеду.

Солнце висело над самым горизонтом. Было прохладно. Солнце светило, словно в коридор с черными стенами: обе Волны — северная и южная — уже высоко поднялись над горизонтом.

— Вот по этому коридору,— сказал Диксон.— Куда глаза глядят. Прощайте, Леонид, прощай, Марк. И ты, девочка, прощай. Идите... Но сначала я попытаюсь последний раз предугадать ваши поступки. Сейчас это особенно просто.

— Да, это просто,— сказал Марк.— Прощайте, Перси. Пошли, малыш.

Коротко улыбнувшись, он взглянул на Горбовского, обнял Алю за плечи, и они пошли в степь. Горбовский и Диксон смотрели им вслед.

— Немножко поздно,— сказал Диксон.

— Да,— согласился Горбовский.— И все-таки я завидую.

— Вы любите завидовать. Вы всегда так аппетитно завидуете, Леонид. Я вот тоже завидую. Завидую, что кто-то будет думать о нем в его последние минуты, а обо мне... да и о вас тоже, Леонид,— никто.

— Хотите, я буду думать о вас? — спросил серьезно Горбовский.

— Нет, не стоит.— Диксон, прищурясь, посмотрел на низкое солнце.— Да,— сказал он.— На этот раз нам, кажется, не выбраться. Прощайте, Леонид.

Он кивнул и уехал, а Горбовский неспешно зашагал по шоссе рядом с другими людьми, так же неторопливо бредущими в город. Ему было очень легко и покойно впервые за этот сумбурный, напряженный и страшный день. Больше не надо было ни о ком заботиться, не надо было прини-

мать решений, все вокруг были самостоятельны, и он тоже стал совершенно самостоятельным. Таким самостоятельным сы еще не был никогда в жизни.

Вечер был красив, и если бы не черные стены справа и слева, медленно растущие в синее небо, он был бы просто прекрасен: тихий, прозрачный, в меру прохладный, пронизанный косыми розоватыми лучами солнца. Людей на шоссе оставалось все меньше, многие ушли в степь, как Валькенштейн с Алей, другие остались прямо у обочин.

В городе вдоль главной улицы многоцветными пятнами красовались картины, выставленные художниками в последний раз, — у деревьев, у стен домов, на волноводах поперек дороги, на столбах энергопередач. Перед картинами стояли люди, вспоминали, тихо радовались, кто-то — неугомонный — затеял спор, а миловидная худенькая женщина горько плакала, повторяя громко: «Обидно... Как обидно!» Горбовский подумал, что где-то видел ее, но так и не мог вспомнить — где.

Слышалась незнакомая музыка: в открытом кафе рядом со зданием Совета маленький хилый человек с необычайной страстью и темпераментом играл на концертной хориоле, и люди за столиками слушали его, не шевелясь, и еще много людей сидели и слушали на ступеньках и прямо на газонах перед кафе, а к хориоле был прислонен большой лист картона, на котором кривоватыми буквами было написано: «Далекая Радуга». Песня. Не оконч.».

Вокруг шахты было много народу, и все были заняты. Матово поблескивал огромный, еще недостроенный купол входного кессона. Из здания театра тянулась цепочка нуль-физиков, тащивших папки, свертки, груды коробок. Горбовский сразу подумал о папке, которую ему передал Маляев. Он попытался вспомнить, куда дел ее. Кажется, оставил в рубке. Или в тамбуре? Не надо вспоминать... Неважно. Следует быть совершенно беззаботным. Странно, неужели физики надеются? Мы знаем, что людей не спасут теперь никакие шахты. Но можно надеяться, что шахты спасут плоды трудов наших. Всегда можно надеяться на чудо. Забавно, что на чудо надеются самые скептические и логические люди планеты...

У стены Совета, возле подъезда, сидел, вытянув ноги, человек в изодранном пилотском комбинезоне, слепой, с забинтованным лицом. На коленях у него лежало блестящее

никелированное банджо. Запрокинув голову, слепой слушал песню «Далекая Радуга».

Из-за купола появился лже-штурман Ганс с огромным тюком на плече. Увидев Горбовского, он заулыбался и сказал на ходу: «А, капитан! Как ваши ульмотроны? Достали? А мы вот архивы хороним... Очень утомительно. День какой-то сумасшедший...» Кажется, это был единственный человек на Радуге, который так и не узнал, что Горбовский — настоящий капитан «Таризэля».

Из окна Совета Горбовского окликнул Матвей.

— «Таризэль» уже на орбите,— крикнул он.— Сейчас прощались. Там все в порядке.

— Спускайся,— предложил Горбовский.— Пойдем вместе...

Матвей покачал головой.

— Нет, дружище,— сказал он.— У меня масса дел. а времени мало...— он помолчал, затем добавил растерянно.— Женья нашлась, ты знаешь, где?

— Догадываюсь,— сказал Горбовский.

— Зачем ты это сделал? — сказал Матвей.

— Честное слово, я ничего не делал,— сказал Горбовский.

Матвей укоризненно покачал головой и скрылся в глубине комнаты, а Горбовский пошел дальше.

Он вышел на берег моря, на прекрасный желтый пляж с пестрыми тентами и удобными шезлонгами, с катерами и лодками, выстроившимися у невысокого причала. Он опустился в один из шезлонгов, с удовольствием вытянул ноги, сложил руки на животе и стал смотреть на запад, на багровое закатное солнце. Слева и справа нависали бархатно-черные стены, он старался не замечать их.

Сейчас я должен был бы стартовать к Лаланде, думал он сквозь дремоту. Мы сидели бы вдвоем в рубке, и я рассказывал бы им, какая славная планета Радуга, как я исколесил ее всю за день, Перси Диксон помалкивал бы, накручивая бороду на пальцы, а Марк бы брюзжал, что старо, скучно и везде одинаково. А завтра в это время мы бы вышли из деритринитации...

Мимо него прошла, опустив голову, та прекрасная девушка с сединой в золотых волосах, которая так вовремя прервала его неприятный разговор со Скляровым на космодроме. Она шла по самой кромке воды, и лицо ее уже не казалось каменным, оно было просто бесконечно уста-

лым. Шагах в пятидесяти она остановилась, постояла, глядя в море, и села на песок, уткнулась подбородком в колени. Сейчас же над ухом Горбовского кто-то тяжело вздохнул, и, скосив глаз, Горбовский увидел Склярова, Скляров тоже смотрел на девушку.

— Все бессмысленно,— сказал он негромко.— Скучно жил, ненужно. И все самое плохое приберегалось на последний день...

— Голубчик,— сказал Горбовский.— А что может быть хорошего в последнем дне?

— Вы еще не знаете...

— Знаю,— сказал Горбовский.— Все знаю...

— Не можете вы всего знать... Я же слышу, как вы со мной разговариваете.

— Как?

— Как с обыкновенным человеком. А я трус и преступник.

— Ну, Роберт,— сказал Горбовский.— Ну какой вы трус и преступник?

— Я трус и преступник,— упрямо повторил Роберт.— Я даже, наверное, хуже, потому что считаю, что все делал правильно.

— Трусов и преступников не бывает,— сказал Горбовский.— Я скорее поверю в человека, который способен воскреснуть, чем в человека, который способен совершить преступление.

— Не надо меня утешать. Я же говорю, что вы не знаете всего.

Горбовский лениво повернул к нему голову.

— Роберт,— сказал он.— Не тратьте вы зря времени. Идите вы к ней. Сядьте рядом... Мне очень удобно лежать, но если хотите, я помогу вам...

— Все получается не так, как хочется,— тоскливо сказал Роберт.— Я был уверен, что спасу ее. Мне казалось, что я готов на все. Но оказалось, что на все я не готов... Пойду,— сказал вдруг он.

Горбовский следил за ним, как он шагает — сначала широко и уверенно, а потом все медленнее и медленнее, как он все-таки подошел к ней и сел рядом, и она не отодвинулась.

Некоторое время Горбовский смотрел на них, стараясь разобраться, завидует он или нет, а потом задремал по-настоящему. Его разбудило прикосновение чего-то холод-

ного. Он приоткрыл один глаз и увидел Камилла, его вечный нелепый шлем, его вечно постное и угрюмое лицо и круглые немигающие глаза.

— Я знал, что вы здесь, Леонид,— сообщил Камилл.— Я искал вас.

— Здравствуйте, Камилл,— пробормотал Горбовский.— Наверное, это очень скучно — все знать...

Камилл подтащил шезлонг и сел рядом в позе человека с переломленным позвоночником.

— Есть вещи поскучнее,— сказал он.— Мне все надоело. Это была огромная ошибка.

— Как дела на том свете? — спросил Горбовский.

— Там темно,— сказал Камилл. Он помолчал.— Сего дня я умирал и воскресал трижды. Каждый раз было очень больно.

— Трижды,— повторил Горбовский.— Рекорд.— Он посмотрел на Камилла.— Камилл, скажите мне правду. Я никак не могу понять. Вы — человек? Не стесняйтесь. Я уже никому не успею рассказать.

Камилл подумал.

— Не знаю,— сказал он.— Я — последний из «Чертовой Дюжины». Опыт не удался, Леонид. Из состояния «хочешь, но не можешь» в состояние «можешь, но не хочешь»... Это невыносимо тоскливо — мочь и не хотеть.

Горбовский слушал, закрыв глаза.

— Да, я понимаю,— проговорил он.— Мочь и не хотеть — это от машины. А тоскливо — это от человека.

— Вы ничего не понимаете,— сказал Камилл.— Вы любите мечтать иногда о мудрости патриархов, у которых нет ни желаний, ни чувств, ни даже ощущений. Бесплотный разум. Мозг — дальтоник. Великий Логик. Логические методы требуют абсолютной сосредоточенности. Для того чтобы что-нибудь сделать в науке, приходится днем и ночью думать об одном и том же, читать об одном и том же, говорить об одном и том же... А куда уйдешь от своей психической призмы? От врожденной способности чувствовать... Ведь нужно любить, нужно читать о любви, нужны зеленые холмы, музыка, картины, неудовлетворенность, страх, зависть... Вы пытаетесь ограничить себя и теряете огромный кусок счастья. И вы прекрасно сознаете, что вы его теряете. И тогда, чтобы вытравить в себе это сознание и прекратить мучительную раздвоенность, вы оскোпляете себя. Вы отрываете от себя всю эмоциональную половину

человечьего и оставляете только одну реакцию на окружающий мир — сомнение. «Подвергай сомнению!» — Камилл помолчал. — И тогда вас ожидает одиночество. — Со страшной тоской он глядел на вечернее море, на холодеющий пляж, на пустые шезлонги, отбрасывающие странную тройную тень. — Одиночество... — повторил он. — Вы всегда уходили от меня, люди. Я всегда был лишним, назойливым и непонятным чудаком. И сейчас вы тоже уйдете. А я останусь один. Сегодня ночью я воскресну в четвертый раз, один на мертвой планете, заваленной пеплом и снегом...

Вдруг на пляже стало шумно. Увязая в песке, к морю спускались испытатели — восемь испытателей, восемь несостоявшихся нуль-перелетчиков. Семеро несли на плечах восьмого, слепого, с лицом, обмотанным бинтами. Слепой, закинув голову, играл на банджо, и все пели:

Когда, как темная вода,
Лихая, лютая беда
    Была тебе по грудь,
Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
    И продолжала путь...

Они, не оглядываясь, вошли с песней в море по пояс, по грудь, а затем поплыли вслед за заходящим солнцем, держа на спинах слепого товарища. Справа от них была черная, почти до зенита стена, и слева была черная, почти до зенита стена, и оставалась только узкая темно-синяя прорезь неба, да красное солнце, да дорожка расплавленного золота, по которой они плыли, и скоро их совсем не стало видно в дрожащих бликах, и только слышался звон банджо и песня:

...Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
    И продолжала путь...

НОВАЯ СИГНАЛЬНАЯ

...По всей вероятности, тут что-то такое есть. Хотя, конечно, это глупая фраза, почти мещанская. Послеобеденная фраза, которая говорится, когда гости и хозяева немного осовели от сытости и, перебрав все сплетни, захотели «чего-нибудь для души».

Конечно, дело не в том, что «что-то такое есть». Просто наука еще не дошла и не раскрыла. Я сам, когда думаю об этом, начинаю обвинять себя чуть ли не в мистике. Но не будем приклеивать ярлыки. Это, в конце концов, проще всего. Давайте лучше припомним собственные ощущения. Например, на фронте.

Со мной такая штука была три раза, и один раз на Ленинградском фронте в 41-м году в начале сентября возле Нового Петергофа (теперь он называется Петродворцом).

Мы возвращались с товарищем из разведки и шли по дороге так, что справа у нас был Финский залив с Кронштадтом где-то там в темноте, за волнами, а слева кусты и заросли Петергофского парка. Территория была здесь прочно наша, потому что передовая проходила тогда примерно в двух километрах слева за железной дорогой, а весь парк был набит нашими частями, которые постепенно скапливались на Ораниенбаумском плацдарме, отступая перед превосходящими силами дивизии Лееба. Мы шагали беззаботно и даже автоматы закинули за спину. И вдруг я почувствовал, что в нас сейчас будут стрелять. Вот сию минуту. Это была необъяснимая и в то же время такая сильная уверенность, что с криком «Ложись!» я прыгнул на своего напарника, ничего не ожидавшего, сбил его с ног и с ним вместе упал на асфальт. Сразу же над нами, в се-

рой темноте, бесшумными красными искорками из придорожных кустов пробежала цепочка трассирующих пуль, а через миг, как бы отдельно, ударил звук автоматной очереди. Конечно, мы тотчас открыли пальбу по этим кустам, а потом бросились туда, но там, естественно, уже никого не нашли.

Вот что это было такое? Что сказало мне, что в нас кто-то целится? Откуда возникла во мне эта уверенность, когда мы шли по совсем спокойному месту? Но она действительно возникла, потому что, не кинься мы тогда на асфальт, нас обоих перерезало бы через пояс, утром нас нашли бы на дороге задубевших, с серыми лицами, и после прощального жиденького винтовочного залпа ребята из соседней 7-й Морской бригады, нахмурившись и молча, закидали бы нас землей в братской могиле. И я не мог бы сейчас ничего вспоминать.

Или, скажем, другой случай. В 42-м году, под Калачом, когда против нас стояла 8-я итальянская армия...

Хотя нет. Не надо! Не будем отвлекаться и перейдем к тому, что произошло с Колей Званцовым, к той истории, которую он рассказывал нам в Ленинграде зимой 43-го года в здравбatalьоне на Загородном проспекте в большом сером здании напротив Витебского вокзала. (Теперь это здание стоит не только напротив Витебского вокзала, но и напротив нового ТЮЗа, нового Театра юных зрителей, построенного взамен того, что был на Моховой). Мы находились тогда в здравбatalьоне, куда человек, как известно, попадает из госпиталя, когда, собственно, госпитальное обслуживание ему уже не нужно, но какая-нибудь рана еще не совсем затянулась, требует перевязок, и сам он не вполне готов нести воинскую службу. Днем мы занимались боевой подготовкой — изучением оружия и строевой, кто не был освобожден. А вечером, лежа на деревянных топчанах, рассказывали друг другу кто что знал, видел и слышал. О том, как пригород Ленинграда — Урицк шесть раз в рукопашном бою переходил из рук в руки, о Невской Дубровке, о переправах на Волге, о боях под Моздоком, обо всяком таком. Почему-то мы все толковали о войне. Возможно, оттого, что сами были тогда в тылу. Это уже замечено: во время войны на передовой бойцы редко говорили о боях, а больше о прошлой довоенной жизни, если выдавалась тихая минута. А в госпиталях и на отдыхе всегда вспоминали передовую.

Такими вечерами Николай Званцов и рассказал нам, что с ним произошло однажды. Впрочем, даже не «с ним», а, скорее, «через него». Какая-то странная сила, новая неизвестная нам способность организма проявилась через него, сделала, так сказать, свое дело и ушла.

Это было в мае 42-го года во время нашего наступления на Харьков с Изюмского выступа. Операция, как известно, оказалась неподготовленной. Из районов Славянска немцы перешли в контрнаступление, ряд дивизий наших 6-й, 9-й, и 57-й армий попали в окружение и с боями стали пробиваться назад, за Северный Донец.

Званцов служил в пулеметно-артиллерийском батальоне, и в конце мая их рота две недели держала оборону возле одной деревушки, название которой он забыл. Обстановка сложилась тревожная. На участке роты было тихо, но впереди происходили какие-то крупные передвижения. Орудийная канонада доносилась уже с флангов, было известно, что соседний полк разбит и отступил. Назревала опасность захода противника в тыл, ждали приказов из дивизии, но связь была прервана.

Местность кругом обезлюдела, и сама деревня, в которой они заняли оборону, уже не существовала как населенный пункт. Сначала ей досталось, еще когда немцы в 41-м взяли Харьков и в этом краю шли крупные бои. А случайно уцелевшие тогда дома окончательно дожгли эсэсовцы из 4-й танковой армии, отступившие во время нашего недавнего прорыва к Мерефе и Чугуеву.

Так что деревня представляла собой лишь пожарища и развалины, там и здесь начинавшие зарастать кустарником. Был один-единственный кирпичный полуразрушенный дом, где разместился КП роты и где в подвале ютились двое оставшихся в живых и не эвакуировавшихся жителей — старик лет шестидесяти пяти и его глухонемая дочка. Старик делился с бойцами картошкой, которой у него в подвале был насыпан немалый запас. Он был еще довольно крепкий, вместе с дочкой рыл с солдатами окопы и помогал копать позиции для орудий.

Вот тогда-то, в той деревне, с Николаем и начались странности в виде его удивительных снов. Впрочем, вернее, не совсем так, поскольку это в самый первый раз проявило себя, когда однажды утром командир роты послал Званцова в разведку.

Николай и еще один боец, Абрамов, пошли, чтобы уточнить, где, собственно, находится противник. Они прошагали около пяти километров, не обнаружив ни своих, ни чужих, а потом за небольшим лесочком, лежа на высотке, услышали шум приближающихся танков. Машины показались из-за рожицы. Званцов узнал наш быстроходный «Т-70» и с ним две «тридцатьчетверки». Это мог быть взвод танковой разведки, и Николай решил подождать, пока танки подойдут поближе, затем остановить их и выяснить общую обстановку.

Они с Абрамовым лежали и ждали, и вдруг Званцов почувствовал, что не одни они наблюдают за танками, что еще и другие внимательные глаза — и не одна пара глаз, а множество следят за приближающимися машинами и рассчитывают расстояние до них. Это чувство просто как ударило его в голову, он обернулся и, пошарив взглядом по местности, показал Абрамову на другой лесок метрах в двухстах от них. Они стали туда вглядываться, и оба сразу увидели, как из-за кустов едва заметно приподнялся ствол «змеи» — противотанковой немецкой пушки, которую на фронте так называли за длинный тонкий ствол и маленькую головку дульного тормоза.

И сразу грянул первый точный выстрел, просверливая воздух, полетел снаряд. Головной «Т-70» вздрогнул, башня покосилась, танкдохнул огромным клубом черного дыма, и Николай Званцов почти физически ощутил, как там, внутри, в миг взрыва боеприпасов, в дикой ярости высоких температур разом испепелились три тела, разом оборвались мысли, страхи, храбрости, планы, и три русских парня перестали быть.

Званцов с Абрамовым вскочили и закричали, как будто этим криком могли чем-нибудь помочь танкистам, но потом опомнились и легли, чтобы не обнаружить себя.

Бой между тем разгорался. Противотанковая батарея, сделавшая засаду в леске, открыла беглый огонь по двум оставшимся танкам. «Тридцатьчетверки», отстреливаясь, стали отворачивать.

И тут Николай опять почувствовал, что еще новая группа людей сверху видит и их двоих, и батарею, и танки. Он дернул Абрамова за руку, они скатились с высотки в канаву. И вояремя, потому что над ними плыл на небольшой высоте «Юнкерс-88», и по песчаному гребню канавки сразу легла строчка ямочек со стеклянными капельками

внутри, которые образуются, когда в песок попадают на большой скорости пули из крупнокалиберного пулемета.

И тут же, вот в этот самый миг, Званцов непонятным и непостижимым образом разом ощутил всю картину боя. Он ощутил ее как огромный пространственный многоугольник с движущимся верхним углом — ревущим самолетом, с углами на поверхности земли — противотанковой батареей немцев, где щелкали и перекатывались на лафетах стволы орудий, железно рокочущими танками, уходящими от обстрела, им самим с Абрамовым, и последним углом — нашей танковой группой из десятка машин, которые молча прятались в дальнем редком леске, но были уже обнаружены с «Юнкерса». (Он твердо знал, что танки там есть, хотя и не мог понять, почему, как и чем он это чувствует.)

Углы гигантского, перемещающегося над землей и по земле многоугольника были связаны отношениями, и именно отношения каким-то образом давали Званцову возможность ощущать себя. Артиллеристы фашистской батареи хотели расстрелять «тридцатьчетверки», танкисты рвались уйти из-под огня, командир «Юнкерса» видел танки в дальнем лесу и намеревался бомбить их, а его пулеметчик жалел, что не попал в две маленькие фигурки на опушке леса, которые были Званцовым и Абрамовым. Все эти стремления, намерения и сожаления проходили через сознание Званцова и все происходящее скрепляли для него в одно. Как будто он получил еще новое добавочное внутреннее зрение.

И не только это.

Он знал, что происходит, на какой-то миг был способен и предвидеть, что будет происходить.

Он знал наперед, что два танка повернут не в сторону рощицы, откуда вышли, а возьмутся открытым местом на дальний лес. И действительно, едва Званцов почувствовал это, передний танк стал отворачивать от деревьев.

Званцов знал, что «Юнкерс» не будет теперь охотиться за двумя танками, а пойдет на лес, и, как бы слушаясь его, самолет взял правее и двумя секундами позже повернулся через крыло и стал падать в пике там, вдали.

Он знал, что батарея сейчас начнет огонь рубежами, и прежде чем успел осмыслить это свое знание до конца, «змеи» прекратили прямой огонь по танкам и начали пристрелочные выстрелы впереди.

Каких-то несколько мгновений Званцов понимал все за всех. Он видел такое, чего нельзя увидеть зрением, читал все мысли в пространстве на несколько километров и чувствовал не только настоящее, но и ближайшее будущее.

Потом это кончилось, и он снова стал самим собой.

Танки скрылись за холмом, батарея замолкла. Разведчики по-пластунски добрались до леска и пошли в часть доложить обстановку.

И целый день потом Званцов размышлял об этом удивительном многоугольнике и о том, каким же образом он мог видеть и чувствовать то, что недоступно ни глазу, ни чувству.

А после начались сны.

Первый он увидел в тот же вечер, когда лег на полу в доме, где помещался их ротный КП.

Причем сон был очень сильный, отчетливый и явственный.

Званцову приснилось, будто он находится в большом красивом саду. Даже не в саду, а в парке наподобие Гатчинского парка под Ленинградом с большими столетними деревьями, дорожками, посыпанными песком, и пышными клумбами. Сбоку, за поляной, был виден двухэтажный дворец, чистый и хорошо отремонтированный, а прямо перед ним, перед Званцовым, стоял маленький домик без окон. Даже не домик, а какой-то облицованный мрамором куб с дверкой в нем. Этот домик или куб был обнесен чугунной узорчатой невысокой решеткой.

Начав видеть сон,— а он понимал, что тут именно сновидение, а не явь,— Званцов каким-то краем сознания подумал, что ему повезло с этим сном, и обрадовался, что хотя бы во сне отдохнет немного в таком прекрасном саду. А отдохнуть ему хотелось, поскольку он был на фронте уже почти одиннадцать месяцев, отступая в боях от самой границы и даже на переформировках нигде не задерживался больше чем на неделю.

Но очень скоро, в ходе сна, он понял, что тут будет не до отдыха, поскольку все разворачивалось не так, как ему хотелось бы.

Он, Званцов, стоял, широко расставив ноги. Вдали послышался рокот мотора, в парк въехал большой открытый грузовик с молочными блестящими бидонами. Грузовик остановился. Два человека, приехавшие с ним, отослали шофера прочь и подождали, пока он уйдет. Потом они

открыли борт и поспешно стали сгружать тяжелые наполненные бидоны.

В руке у Званцова оказалась связка ключей. Он открыл калитку в чугунной ограде, затем дверь в домик. Внутри была небольшая комната без окон, а в полу — люк, куда вела широкая винтовая лестница. Званцов, а за ним люди с тяжелыми бидонами спустились вниз в новое помещение. Здесь на невысоких постаментах стояло пять или шесть дубовых гробов.

Дальше пошло уже совсем необъяснимое. Званцов и люди, которыми он, по-видимому, руководил, стали снимать крышки с гробов, оказавшихся пустыми. Молочные бидоны все были снесены вниз. Один из мужчин открыл первый бидон, и Званцов увидел, что в бидоне никакого не молоко, а разобранные на части автоматы с дисками.

Это до того удивило Званцова, что он проснулся. Он проснулся и увидел, что в двух шагах от него, тут же в КП, на полу сидит незнакомый ему человек в большой фуражке и глядит на него широко раскрытыми светлыми и даже какими-то жадными глазами.

Миг или два они смотрели друг на друга, затем человек в фуражке погасил глаза и отвернулся. Званцов был озадачен появлением незнакомца на КП роты. Но в остальном в комнате все было в порядке. Мрачный лейтенант Петрищев, командир роты, сидел, как обычно, за столом, склонившись над картой, освещенной горящим куском телефонного немецкого провода. Разведчик Абрамов спал на единственной постели, лежа на спине, раскинув руки и раскрыв рот. И все другие на КП тоже спали, а в окне было видно звездное небо и чернела фигура часового, опершегося на винтовку.

Званцов повернулся на другой бок, закрыл глаза, и тотчас включилось продолжение сна. Но как бы после перерыва.

Теперь он находился уже во дворце. Это можно было понять по тому, что он стоял в комнате, а через окно был виден тот же сад с аллеями и клумбами. Рядом со Званцовым был седой господин в зеленом пиджаке, брюках гольф и высоких зашнурованных ботинках (во сне Званцов определил для себя этого человека именно как «господин», а не «гражданина»). Званцов и господин разговаривали на каком-то иностранном языке, причем Николай в качестве, так сказать, персонажа этого сна знал язык,

а в качестве действительно существующего бойца Званцова, в тот момент спящего и сознающего, что спит, не понимал ни единого слова.

Они разговаривали довольно бурно и жестикулировали оба. Седой господин повернулся к двери, что-то крикнул. Тотчас она отворилась, двое мужчин ввели третьего, оказавшегося тем шофером, который в начальном сне привел грузовик в сад. Но теперь он был похудевший, с затравленным лицом и разорванной губой. Седой господин и Званцов — опять-таки в качестве героя этого странного сна — набросились на шофера и принялись его избивать. Сначала тот не защищался, а только прятал голову. Но вдруг в руке у него мелькнул нож, он бросился вперед и ударил Званцова в лицо. Нож скользнул по подбородку и задел шею. Тогда другие сбили шофера с ног, а Званцов, зажимая рукой шею, отошел в сторону, вынул из кармана зеркальце и заглянул в него.

Он заглянул в зеркальце и увидел там чужое, не свое лицо. Дико было. Сон снился Званцову, Званцов был субъектом этого сна, действовал в нем и создавал свое «я». Но когда он посмотрел в зеркальце, там было не его, а чужое лицо...

Тут Званцов почувствовал, что его трясут, и проснулся.

Была его очередь заступать на пост у КП. Он встал, совсем не отдохнувший, взял свой полуавтомат, пошатываясь, вышел на улицу и стал на пост, с сожалением отмечая, как предутренний ветерок выдувает у него из-под гимнастерки застрявшие там кусочки тепла.

Он оглядел деревню, над которой уже занимался рассвет, и вдруг понял, что где-то уже видел то лицо, которое во сне глянуло на него из зеркальца. Он видел его сравнительно недавно: то ли месяц назад, то ли неделю, то ли день. Но в то же время, как это часто бывает со снами, теперь он совершенно не мог вспомнить, какое же оно было.

Новые сутки прошли в роте напряженно. Удалось ненадолго связаться со штабом дивизии. Оттуда пришел приказ держать деревню насмерть, чтобы обеспечить отступление других крупных частей. Но противник не показывался, и даже та батарея, которую засекли разведчики, куда-то убралась.

И вместе с тем уже с той ночи, когда Званцову приснился первый сон, через расположение роты стали пооди-

ночке проходить солдаты пехотной дивизии, которая первой приняла на себя танковый таран немцев под Мерефой, не отступила ни на шаг и была почти полностью уничтожена вместе с командиром и штабом. Раненых мрачный лейтенант Петрищев направлял дальше в батальон, а здоровых задерживал и оставлял на укрепление своей обороны.

Тогда же ночью, как потом узнал Званцов, в расположение роты прибудилась и незнакомец в фуражке. Это был своеобразный парень, уполномоченный Особого отдела дивизии. Их отдел еще в самом начале мая на марше наткнулся на засаду танкового дивизиона эсэсовцев и потерял три четверти сотрудников. Удубченко, так называл себя незнакомец, состоял тогда в ординарцах у начальника отдела и после этой катастрофы, по его словам, был сразу произведен в уполномоченные. Еще через три дня дивизия была разрезана на части, отдел попал под жестокую бомбежку, и в живых остался только он один. Он взял с собой уцелевшее имущество отдела — огромную и очень неудобную пишущую машинку «Ундервуд» и единственную не сгоревшую папку с делами — и с этим стал пробиваться на восток к своим.

До выяснения личности Петрищев оставил его при КП. Удубченко, очевидно, очень хотелось быть особистом, а не переходить в рядовые бойцы. Ни днем, ни ночью он не расставался со своей папкой. Солдаты в роте посмеивались над ним и спрашивали, стал бы он машинкой «Ундервуд» отстреливаться от немцев, если бы пришлось. На это он ответил, что у него есть пистолет «ТТ», и показал его.

К Званцову Удубченко относился с каким-то повышенным интересом. Николай заметил, что тот все время старается остаться наедине с ним, и, когда они работали на скопах, несколько раз ловил на себе его пристальный жадный взгляд.

Следующие два дня в роте было спокойнее. Командиры взводов с бойцами отрывали запасные окопы и ходы сообщения, уточняли секторы обстрела для пулеметов. Противник же как будто решил оставить батальон в покое. Грохот артиллерии переместился к востоку. Только очень часто, и днем и ночью, над позициями батальона пролетали немецкие транспортные самолеты «Ю-52», держа курс на Изюм.

И опять Званцову начали сниться сны.

Однажды ему приснилось, будто он идет постепенно повышающимся подсолнуховым заросшим полем. Стоит ночь, и темно. Но он идет уверенно и выходит к опушке леса. У самой опушки над полуобвалившимся старым окопом, накренившись, нависает обгоревший советский двухбашенный учебный танк — ветеран боев 41-го года. Броня у него раздута изнутри, очевидно, от взрыва боеприпасов. И по раздутому месту белой краской коряво и безграмотно чьей-то рукой намалевано по-русски: «Бронья крипка, и танки наши бистри». Званцов знает эту надпись, но не возмущается, а только улыбается про себя. Но отсюда, от танка, он перестает идти свободно, а пригибается и кошачьим легким скоком начинает перебегать от дерева к дереву. Так он двигается около полукилометра, затем ложится на траву и ползет по-пластунски. Перед ним, освещенная лунным светом, показывается поляна. Званцов видит силуэты каких-то больших машин с крытым верхом и людей в черных шинелях, которые стоят и ходят возле этих машин. Званцов долго наблюдает, затем удовлетворенно кивает чему-то и ползком пускается в обратный путь...

На этом месте сон прервался. Некоторое время мелькали разрозненные кадры старого сна — в саду. Потом снова пошла целая большая часть без перерывов.

Теперь Званцов опять-таки ночью стоял на большой пустынной поляне среди леса и чего-то ждал, напряженно глядя вверх на небо. Наконец издали послышался звук самолета. Званцов вынул из кармана фонарик, посигналил несколько раз. Невидимый самолет наверху приблизился, потом стал уходить. Званцова это не обеспокоило. Он лег на траву и принялся ждать.

Через некоторое время на большой высоте в небе, но уже не сопровождаемый звуком моторов, вспыхнул огонек. Званцов тотчас вынул из кармана второй фонарик и посигналил двумя. Огонек стал стремительно падать, затем погас. Но на фоне светлеющего неба была уже видна темная птица, несущаяся к земле. Это был планер. На высоте метров в двести он вышел из пике, черной тенью скользнул над лесом, приземлился, запахивая выпущенными шасси траву на поляне, пробежал шагов с полсотни и остановился неподалеку от Званцова.

166 Тотчас брюхо его раскрылось, десяток темных фигур высыпалось наружу. Званцов вскочил, поднял руку и, под-

чиняясь его команде, они поспешно и бесшумно пустились за ним в лес. Они вышли к обгоревшему танку с безграмотной издевательской надписью, сделанной немецкой рукой, и оттуда двинулись очень осторожно. Впереди почувствовалась поляна. Званцов разделил свой отряд на три группы. За деревом была видна фигура часового в черной шинели. Званцов вынул нож из ножен, легко, как это бывает во сне, шагнул к часовому, со спины зажал ему одной рукой рот, а другой погрузил нож в горло. Тотчас сзади него раздался свист, пришедшие с ним люди бросились вперед к машинам с крытым верхом, которые стояли на поляне.

Солдаты в черных шинелях кинулись им навстречу, завязался короткий горячий бой. Одна из машин неожиданно вспыхнула багровым пламенем и взорвалась, разметав в стороны несколько фигур. Но Званцов с пистолетом в руке уже пробивался к другой. Там метался человек, лихорадочно чирикавая по борту какой-то коробочкой. Второй, в кабине, пытался завести мотор. Званцов выстрелом снял первого, затем второго, бросился в кабину, и, даже не задерживаясь, чтобы вытолкнуть убитого прочь, нажал стартер, дал полный газ, слыша, как сзади взрывается третья машина, вписался в мощную короткую дугу поворота и вырвался с поляны.

Уже рассвело. Лесная дорога с мелкими, поросшими травой колеями неслась ему навстречу. Бросая машину из стороны в сторону, на полную окружность поворачивая баранку, он мчался к цели, которую знал. Группа каких-то людей пыталась преградить ему путь, но они лишь брызнули, спасаясь из-под колес, и только радужными звездочками от пуль расцветилось стекло кабины.

Потом лес сдернулся назад, светло вспыхнул полевой простор. Впереди, пониже, шел бой. Маленькие издали, как игрушечные, разворачивались танки, батарея стреляла по ним, перебегали ломкой цепочкой солдаты.

Слившись с машиной, Званцов низвергался с холма дорогой извилистой, как след от удара кнута, которая вела его в самый центр боя. Рядом с ним убитый колотился головой о подушку сиденья, и Званцов все не мог, не мог, не имел ни секунды, чтобы открыть дверцу и выкинуть его.

Бой приблизился, уже звучно ткали пулеметные очереди. Набежала линия окопов, бойцы с удивленными лицами

вскакивали, поднимали руки, стараясь остановить его. Он пролетел мимо них, пролетел через минное поле, рядом взорвалась мина, но он уже был далеко — проскочил цепочку атакующих. Опять мчащаяся грунтовая дорога напряженными дугами легла ему под колеса. Казалось, не он поворачивает машину, а вертится сама земля — мелькающие куски горизонта, вытянувшиеся в линейку кустарники, зеленые холмики перелесков, — вертится, чтобы сунуть ему под радиатор две колени и спрямить его молниеносный путь.

Наконец, новый лес набежал на него тенью и прохладой. Ветки зашелестели по кабине. Званцов стал убирать газ, повернул на лесной проселок, пронесся к небольшому домику, затормозил и стал.

Несколько человек в штатском бросилось ему навстречу. У него от пережитой скорости еще качались в глазах деревья и плыла поляна с домиком, но он уже выскочил из кабины и вместе со штатскими стал сдирать с машины брезентовый верх. Под ним была большая рама с продольными металлическими желобами.

Спеша подъехали еще три грузовика, набежали еще люди. Молча, не теряя секунд на слова, Званцов со штатскими лихорадочно закидали ветвями машину, которую он привел, и на руках откатали ее в лес, в самую гущу, под деревья. Брезентовый верх был натянут на другой грузовик, откуда-то тащили еще такой же брезент и деревянные стойки. Появились три солдата в зеленых мундирах. Они сели в три новые машины, и один за другим, поднимая пыль, покатали прочь от домика.

И тотчас Званцов другим, не этим зрением увидел, как там, за линией фронта, которую он только что проскочил, на аэродромах, поднятые по тревоге, бегут к самолетам маленькие фигурки, услышал, как раздается команда: «От винта!», как, взревев, начинают петь моторы.

Через миг он был уже не только Званцовым, но и летчиком в самолете. Земля провалилась, провисла под ним огромной вогнутой чашей, на уровень глаз стал убежавший в бесконечную даль горизонт. А он, летчик, пылливо всматривался вниз, прикусив губу, искал что-то среди макетных домиков деревень, выпуклых ковриков перелесков и рощ, среди узеньких посыпанных светлым дорожек. Потом внизу, на лесной дороге, он увидел медленно торопящегося жука-машину с крытым верхом. Это было то, что

нужно. С радостным приливом в сердце он пошел в пике, приговаривая отпустить тяжелый бомбовой груз.

И так, поочередно, Званцов был тремя летчиками и, будучи ими, один за другим уничтожил три грузовика с крытым верхом, которые были отправлены с той поляны в лесу. Но одновременно он был и прежним Званцовым, оставшимся с самой первой, главной и значимой машиной, спрятанной глубоко в лесу. С той машиной, в кузове которой он сидел и где в кабине, так и не убранной еще, лежал убитый шофер...

Потом этот сон снился Званцову целых три ночи подряд и замучил его. Стоило ему закрыть глаза, как сразу начинался ночной бой с людьми в черных шинелях на поляне, или дорога мчалась под радиатор грузовика, или он поднимался на самолете, преследуя не ту, другую, ложную машину.

На четвертую ночь явилась как бы шапка, заключительная часть этих снов.

Он лег вечером на КП, снял сапоги, примостил под плечо шинель и сунул голову в шлем. (Вообще-то он шлем не любил и так не носил его, но для снанья пользовался охотно, поскольку мягкий внутренний каркас шлема по удобности почти равен подушке.) Он закрыл глаза, и в тот же миг ему стал сниться сон.

Званцов ехал по железной дороге. Стучали колеса, внизу сыпались и сыпались шпалы, а он знал, что везет и уже благополучно довозит что-то чрезвычайно ценное. Поезд остановился на чужой, незнакомой станции. В сизого цвета форме с фашистским знаком на рукаве двое рабочих возились рядом у стрелки. Чужие солдаты в комбинезонах вольно стояли на перроне. К Званцову бежал начальник станции с белым жезлом в руке, потный, с выражением почтительности и страха на лице. А он, Званцов, ждал его объяснений холодно, презрительно и властно...

Затем станция исчезла, он находился в большом зале с террасой с правой стороны. Впереди никого не было. Но сзади, Званцов это знал, плотной молчащей толпой стояло множество народу, почти все в мундирах: маршалы, генералы и полковники фашистской армии. В зале было тихо, но в какой-то момент сделалась уже совершенно гробовая тишина. Широкая белая дверь впереди отворилась, послышались быстрые шаги, и в зал вошел... Гитлер. Гитлер с усами и челкой, одетый в серый френч и бриджи.

Гитлер шел навстречу Званцову, сзади замерла толпа военных. А Званцов напрягся, готовясь резким пружинным движением выбросить вперед руку в фашистском приветствии и чувствуя, как от этой напряженности еще плотнее облегает его плечи по мерке сшитый офицерский френч.

Гитлер остановился, его костистое лицо было бледно. С минуту он смотрел на Званцова бешеным и в то же время нежным взглядом. Потом глаза его зыркнули куда-то назад за званцовскую спину. Оттуда вышли два фанфариста, стали рядом со Званцовым справа и слева, набрали воздуху в легкие, задрали головы, и... резкий крик петуха огласил зал.

Петушиное кукареканье и разбудило Званцова.

Это был единственный сохранившийся в деревне петух, который чудом сумел пережить и немецкое наступление 41-го года и проход эсэсовских частей в 42-м.

Петух разбудил Званцова, и он проснулся совершенно ошарашенный.

Что это могло быть, и почему ему виделись такие картины?

Он понимал, что эти сны снятся ему неправильно, что здесь чужие сны, которые не могут сниться ему — советскому солдату Званцову — и просто по ошибке попадают в его голову.

Но чьи же тогда эти сны?

Сидя в комнате на полу, он огляделся. Вернувшись с обхода боевого охранения, спал мрачный лейтенант Петрищев, командир роты. (Он был почти всегда мрачен, потому что в Бресте у него остались жена и две совсем маленькие девочки, и он ничего не слышал о них с самого начала войны.) Но лейтенанта Петрищева Званцов знал хорошо, вместе служил с лейтенантом под Брестом и был в нем уверен, как в самом себе.

Рядом со Званцовым храпел Вася Абрамов, напарник Николая по разведке. Абрамов попал в их часть недавно, после госпиталя. По его рассказам Званцов знал всю его биографию и понимал, что биография эта была как раз такой, какая ему рассказывалась. До войны Абрамов служил действительную в Особом железнодорожном батальоне Краснознаменного Балтийского флота в Ленинграде. Это была интересная воинская часть, единственная, возможно, на всех флотах мира. Под Ленинградом есть

форты Красная Горка и Серая Лошадь, которые связываются с Большой Ижрой специальной железнодорожной веткой. Для обслуживания ветки, по которой на форты подвозятся вооружение, боеприпасы и всякое другое, и был в свое время создан Особый железнодорожный батальон. Служили в нем железнодорожники и исполняли железнодорожные обязанности. Но вместе с тем они носили флотскую форму и принадлежали к КБФ. Служа в этом батальоне, Абрамов по выходным часто наезжал в Ленинград, хорошо знал его, и Званцов, сам ленинградец, имел все возможности точно проверить это знание. (Абрамов даже бывал в той новой бане на улице Чайковского, которую Званцов как раз строил перед войной, будучи бригадиром каменщиков.) Да и вообще они были друзья, вместе ходили в разведку, и не один раз жизнь одного зависела от совести и смелости другого.

Еще один человек спал на КП. Связист Зорин. Но он был совсем молодой паренек 23-го года рождения и весь на виду, с молодым пушком, еще не сошедшим со щек, с приходившими в часть письмами, где деревенская родня передавала ему многочисленные поклоны.

Никому из этих троих не могли предназначаться сны, которые по ошибке попадали к Званцову.

Раздумывая обо всем этом, Николай вдруг почувствовал, что на него сзади кто-то смотрит. Он обернулся и увидел, что особист Удубченко сидит у стены, прижимая к груди свою неразлучную папку и глядит на него светлыми глазами.

Потом он поднялся, подошел к Званцову и неожиданно спросил тихим голосом:

— А ты немецкий знаешь?

— Нет,— сказал Званцов.

— А польский?

— Тоже нет.

Званцов, действительно, не знал никаких иностранных языков. Вернее, он учил когда-то в школе немецкий, но от всего этого обучения у него в голове осталось только «Ихь хабе, ду хаст...», и еще немецкое слово «печка» — «офт», относительно которого он не был даже уверен, что это именно «печка» и которое могло быть немецким словом «часто».

Удубченко миг смотрел на Званцова с каким-то ожиданием, потом сказал: «Ладно»,— и вышел из КП.

Все это было подозрительно. Это даже могло звучать, как пароль: «Знаешь ли ты немецкий язык?» — «Нет». — «А польский?»

Но в то же время Званцов понимал, что не может сейчас ничего сделать. Схватить, например, полуавтомат, настаивать на особиста и крикнуть людям, что он шпион. Но почему? Откуда? «Потому, что мне снятся такие сны».

Все это было глупо.

Терзаясь сомнениями, Званцов свернул козью ножку, высек кресалом огонь, прикурил от фитилька, отчего верхний слой махорки стал распухать, затрещал и запрыгал в стороны маленькими искорками, накинул на плечи шинель и вышел на улицу.

Дурацкий и подлый сон! Чтобы он, Званцов, вытягивался перед собакой Гитлером! Да он бы разорвал его пополам, доведись оказаться рядом, и оба куска этой твари затоптал бы в землю. В землю своими кирзовыми сапогами, а потом бы еще пошел и потребовал у ротного старшины, чтобы тот выдал другие сапоги, а те, первые, сам выкинул бы.

— ...! ... .. !!!

Званцов затянулся козьей ножкой, помотал головой, вытряхивая сон, и огляделся.

Стояла душистая, бархатная, мягкая украинская ночь. Пахло яблоневым цветом и жасмином. Воздух был такой теплый, что обнаженная рука почти не чувствовала его. Но деревня, залитая синеватым фосфоресцирующим светом луны, была уродлива и безобразна. Дико и заброшенно торчали трубы сожженных домов, тишина казалась кладбищенской, и повсюду — в темных местах развалин, в огороде за садом, в дальнем леске за полем — притаились угрозы.

Обстановка на фронте была скользкая, и Званцов знал, что за леском уже может накапливаться фашистская пехота, что вражеский лазутчик, возможно, смотрит на него в этот миг из-за полусгнившей прошлогодней скирды на поле.

А главное, было неясно, в какой стороне противник, в какой свои и куда роте нужно повернуться лицом, чтобы ей не ударили в спину.

От этих мыслей Званцову сделалось неуютно и холодно. Он опасливо переложил сигарку так, чтобы огонек был в закрытой ладони.

В дальнем краю сада между яблонями мелькнуло какое-то серое движение. Званцов вздрогнул, напрягся, вглядываясь туда. Движение повторилось. Он, стараясь не наступать на сучки и пригнувшись, пошел вперед и увидел глухонемую девушку, дочь старика.

Она, одетая в серое холщевое домотканное платье, босая, короткими и сильными, но в то же время какими-то неуклюжими рывками рыла землю лопатой. Рядом валялся большой грубо сколоченный ящик, а на нем — мешок с зерном.

Почувствовав присутствие Званцова, немая испуганно обернулась и отскочила в сторону.

Званцов посмотрел на яму, ящик и мешок. Он понял, что старик с дочерью не верят, что рота будет удерживать деревню от немцев, и заранее закапывают хлеб, чтобы его не отобрали фашистские мародеры. От этих мыслей ему стало горько и совестно перед ней.

Он жестом попросил у нее лопату, поплевал на ладони и в рыхлой податливой садовой земле быстро выкопал яму. Вдвоем они уложили туда ящик с мешком внутри, закидали все и утоптали.

Званцову захотелось пить. Он сначала спросил у девушки воды, потом сообразил, что она не слышит, и стал знаками объяснять, чего он хочет.

Она тупо смотрела на него, не понимая. Потом помянула за собой. Они подошли к дому. Немая нагнулась к окошку в подвал, замычала. Внизу зажегся огонек копилки, по лесенке поднялся старик. Пока он поднимался, луна освещала его лысину, обросшую по краям длинными нечесанными волосами.

Узнав, что Званцов хочет пить, старик сказал, что угостит его чаем с медом, и позвал вниз к себе. Званцов стал отказываться. Хотя ему очень хотелось чаю с медом, он понимал в то же время, что этот мед, картошка да хлеб, закопанный в саду у яблони, станут, возможно, единственной пищей этих двоих на долгие месяцы вперед.

Пока они разговаривали, за изгородью опять мелькнул особист со своей папкой, и старик, неодобрительно глядя на него, сказал:

— Вот все ходит-ходит. А чего надо?

Потом старик все же уговорил Званцова на чай, сам полез в подвал вперед. Лестница, приставленная изнутри к окну, была узкая и шаткая. Немая подала Званцову

руку, чтобы он не упал в темноте. Ладонь у нее была мясистая и от этой мясистости неприятная. Руку она сначала подала по-деревенски лодочкой, но потом Званцов почувствовал, что пальцы ее крепко и доверчиво обхватили его ладонь. От этой маленькой ласки у него потеплело на сердце, он вспомнил жену с сынишкой в Ленинграде, от которых почти год не было известий, и в темноте у него увлажнились глаза.

Подвал был большой и в одном углу от пола до потолка завален картошкой, которая начала прорастать бледными ростками. Пахло кислым. Стояли скамьи с тряпьем — постели старика и дочки, стол, какие-то ящики. На сырой кирпичной стене на ржавом костыле висело небольшое с молочным налетом зеркало в деревянной рамке.

Старик прибавил свету, вытащив фитиль в коптилке, развел самовар, в котором вода была уже подогрета. Они стали пить липовый чай с медом. Разговор не клеился, старик был немногословным. Оказалось, что он учитель, и Званцов заметил, что у него, действительно, руки человека не деревенской, а городской интеллигентной работы.

Немая смотрела в лицо Званцову и все время улыбалась, но какой-то бессмысленной улыбкой. Старик сказал, что она всю жизнь прожила здесь в соседней деревне, не знает языка глухонемых и неграмотна. Из-за ее уродства и из-за того, что они только что вместе закопали хлеб в землю и оба понимали, что это значит, Званцову все время было очень совестно перед ней и ее отцом. Ему не сиделось в подвале.

Наверху, над бревенчатым потолком, послышались шаги — подвал находился как раз под комнатой, где расположился ротный КП. Званцов сказал, что это пришел командир роты, которому он может понадобиться, поблагодарил за чай и выбрался на улицу...

Этой же ночью грохот артиллерийской канонады раздался совсем в тылу званцовского батальона, а наутро пришел приказ из дивизии держать позиции в течение трех суток, после чего батальон должен идти на соединение с дивизией на восток.

Но немцы так и не показывались в окрестностях деревни. Мрачный лейтенант Петрищев совсем извелся, потому что он ждал боя и готовился к нему, а неопределен-

ность была еще хуже и опасней, чем любая определенная опасность.

С утра Званцов с Абрамовым опять пошли искать противника. Они побывали в той роще, где когда-то стояла немецкая противотанковая батарея, потом отправились кругом с юго-запада на северо-восток к лесу, который должна была занимать одна кавалерийская часть и в котором разведчики ни разу не бывали.

Ни на опушке, ни в километре вглубь никаких воинских частей не оказалось. Званцов с Абрамовым пошли опушкой дальше, так что деревня, где стояла их рота, оказалась у них за солнцем.

Место было неровное. Они спустились в овраг, по дну которого там и здесь валялись стрелянные почерневшие снарядные гильзы, вышли наверх, где по гребню проходила линия старых окопов. Званцову почему-то стало казаться, что он уже бывал здесь и знает места. Они перескочили через несколько полуобвалившихся ходов сообщения, многократно переплетенных серыми телефонными проводами. В просвете между деревьями что-то зачернело. Странное предчувствие укололо Николаю сердце.

Перед разведчиками, накренившись над окопом, стоял двухбашенный старый танк из званцовского сна. По вздутому борту шла надпись корявыми буквами: «Бронья крипка, и танки наши бистри».

Званцова это так удивило, что у него сразу вспотела вся спина, и он почувствовал, как гимнастерка облепила кожу.

И тут же в лес шла тропинка, которую он тоже помнил по снам.

Он откашлялся — у него сразу пересохло в горле — кивнул Абрамову, и они осторожно двинулись по этой тропинке.

Они не прошли и километра, как впереди раздалось резкое: «Стой! Руки вверх, не двигаться!» Из-за кустов с нацеленным автоматом в руке вышел человек.

Он был в черной шинели.

В матросской.

— Кто такие?

— Свои, — ответил Званцов из-за дерева. (Они успели оба отскочить за деревья.) — Пехотная разведка. А ваша что за часть?

— Руки! — раздался дряблый голос.

Разведчики оглянулись и увидели, что второй матрос стоит позади них с автоматом.

— А ну-ка давайте отсюда, ребята,— сказал первый матрос.— Наша часть секретная. В расположение хода нет. Не задерживайтесь. Петров, проводи.

Второй матрос довел их до опушки, и разведчики отправились в свою роту. Но еще прежде, чем они ушли, Званцов успел заметить за деревьями силуэт какой-то большой машины, прикрытой ветками.

Они вернулись в деревню уже затемно, причем Званцов шел в самой глубокой задумчивости.

По дороге уже ближе к роте Абрамов стал вспоминать свою собственную службу на флоте и гадать, что же за секретная часть это может быть. Но Званцов почти не слушал его, с ужасом думая, что сейчас не доверяет ни Абрамову, ни Петрищеву, никому из тех, с кем он ночевал на КП, и даже самому себе. Сон переходил в реальность, и Званцову начало казаться, что он сходит с ума.

До самого позднего вечера он не мог решить, нужно или не нужно рассказывать лейтенанту о своих снах, и, ничего не решив, совершенно замученный, улегся на своем месте на КП. В комнате было шумно. Петрищев удвоил боевое хранение, приходили связные из взводов, и телефонист держал постоянную связь с батальоном.

Званцов заснул лишь к середине ночи, и как только глаза его закрылись, так сразу ему представилось, что он глядится в какое-то мутное стекло, в запыленное зеркало, и в нем отражается лицо. Но снова не его, а чужое. Лицо!

Будто что-то ткнуло его в сознание. Он проснулся, мгновение соображал. Некая мысль озарила его. Он поспешно встал, взял свой полуавтомат и вышел из дому.

Эта новая ночь была ветрена. Поворачивало на непогоду, небо по западному краю затянуло тучами.

Званцов огляделся, подождал, пока глаза привыкнут к темноте, проверил в ножнах нож и спорой походкой пошел из деревни. Он знал, где сегодня стоят часовые, и, чтобы не наскочить на них, через огороды двинулся где ползком, а где короткими перебежками. Потом огороды остались позади, он вышел на тропинку, огибающую овраги. Сначала он шагал неуверенно, но затем перед ним легло подсолнуховое поле, и Званцов понял, что идет верно.

Он заторопился. Часто оглядываясь, почти побежал. На выходе из поля перед ним начала мелькать тень. Не теряя

ее из виду, он пошел за ней и в лесочке нагнал поближе. То был старик из погреба. Но теперь он выпрямился, походка его стала легкой и гибкой. Чтобы не шуметь, Званцов скинул сапоги. В какой-то миг ему послышались шаги сзади, он спрятался в кустах и увидел, как мимо него, бледный, озираясь, скользнул особист Удубченко.

Званцов так и думал, что он должен здесь появиться, пропустил его и пошел сзади.

Он миновал лесок, но на широкой просторной поляне увидел, что особист исчез и по траве идет один только старик. Званцов удвоил осторожность, обошел поляну краем и приблизился к старику, когда тот остановился, глядя в небо.

Званцов уже осторожно взялся за предохранитель автомата, чтобы спустить его, и оглянулся, прикидывая, как ему действовать на случай нападения сзади. Но тут под ногой его что-то хрустнуло.

Старик обернулся в его сторону, и было неясно, видит он Николая или нет.

Туча нашла на луну, потом освободила ее.

Званцов приготовился было шагнуть за куст.

Старик, глядя на Званцова, сказал что-то не по-русски. И вдруг Николай ощутил свирепейший удар по голове. В мозгу у него как что-то взорвалось. Он обернулся и увидел, что в шаге от него стоит глухонемая дочка старика, держа в руке продолговатый предмет.

У него стали отниматься руки и ноги, и он подумал: так умирают. Но в этот момент оглушительно, как может только пистолет «ТТ», грянул выстрел. Пуля слышимо пролетела мимо Званцова и ударила в старика, который охнул и согнулся. За спиной глухонемой девки появился особист Удубченко, на ходу одним махом сбил ее с ног и кинулся к старику.

Через две минуты все было кончено. Старик и девка, которая теперь уже не была глухонемой, а злобно ругалась по-немецки, связанные поясными ремнями, лежали на траве, а Удубченко, дрожа от возбуждения и даже как-то подхихикивая, говорил Званцову:

— Вот гады! Вот гады... Понимаешь, а я думал, ты вместе с ними. Чуть в тебя не выстрелил. Чуть тебя не срезал...

Николай, у которого начало проходить кружение в го-

лове, подобрал на траве продолговатый фонарь, выроненный девкой, и пошел на середину поляны.

Немецкий самолет уже гудел в высоте, и Званцов уже ему сигналил, когда на поляне, поднятые выстрелами, появились моряки в черных шинелях, которые в соседнем леске стояли с батареей гвардейских минометов, или «катюш», как их стали называть позже.

Званцов им все объяснил. А дальше события стали развиваться точно, как во сне Николая.

Самолет улетел. Некоторое время над поляной было тихо. Потом в небе возник огонек. Огромная черная птица бесшумно проплыла над верхушками деревьев. Планер, скрипя, снизился и побежал по поляне, срывая дерн своими шасси, обкрученными колючей проволокой.

Раскрылась дверца.

Но Званцов с Удубченко и моряки были наготове. Полетела граната, раздался залп. Фашистские десантники, захваченные врасплох, даже не пытались оказывать сопротивление. Весь их отряд был захвачен и, за исключением убитых, доставлен в роту Званцова.

А наутро фронт пришел в движение. Два батальона немцев при поддержке танков ударили на тщательно продуманную оборону лейтенанта Петрищева. Позади деревни начали выходить из окружения потрепанные дивизии 57-й армии и дивизион гвардейских минометов. А мрачный Петрищев сражался, обеспечивая их отход. Его рота была больше чем наполовину уничтожена, но выполнила приказ и ушла из деревни только на третью ночь, унося раненых и забрав с собой два оставшихся в целости орудия. Лейтенант Петрищев тоже катил пушку, вернее, держался за лафет. Он оглох, голова у него была туго забинтована. Но он продолжал давать приказы и руководящие указания. Только этих указаний никто не слушал.

Потому что он был в бреду.

Однако Николай Званцов именно в этих боях не принимал тогда участия и узнал о них позже по рассказам товарищей. Вместе с Удубченко, со стариком, бывшей глухонемой и оставшимися в живых немецкими десантниками его сразу направили в штаб дивизии, в Особый отдел армии. Выяснилось, что «старик» был крупным немецким разведчиком-диверсантом, а ложная глухонемая — его помощницей. Их специально оставили в тылу отступивших немецких частей, чтобы выкрасть у нас новое оружие —

одну из «катюш», значение и силу которых уже тогда понимала ставка Гитлера.

Фашистский диверсант обнаружил батарею и по рации, которая у него была спрятана в картошке в подвале, вызвал десант на лесную поляну. Но до того, как вызвать, он несколько раз продумывал всю операцию, вернее, почти постоянно думал о ней и представлял себе, как она пройдет, как он вывезет «катюшу» через фронт, даже как доставит ее в Германию и получит награду от Гитлера. Он мечтал и представлял себе все это по ночам, сидя в погребке под ротным КП, и все эти мечты и представления каким-то непостижимым образом транслировались Званцову и возникали в его снах. И Званцов во сне даже говорил по-немецки и по-польски, чем и вызвал подозрения Удубченко.

Возможно, что этот фашист мечтал как-то очень активно и страстно и возбуждал вокруг себя некое не известное нам еще электромагнитное поле. Но скорее всего дело было не в качестве его мечтаний, а в каких-то особых способностях, которые вдруг проявились в Званцове. Ведь над этим «стариком» на КП роты ночевало много народу, а сны снились только Николаю. Да и кроме того, раньше был еще тот случай с многоугольником.

В Особом отделе армии Званцов рассказал и о своих первых снах, о грузовике с бидонами и шофере. И немец показал, что это относилось к его воспоминаниям о 39-м годе в Польше, когда они еще летом стали тайно завозить оружие в немецкие поместья на территории польского государства и создавать там фашистскую «пятую колонну». Об одной такой истории, когда их чуть не выдал польский шофер, «старик» и вспоминал в ту ночь, когда Званцову снился парк и склеп, где прятали автоматы. (Тот маленький домик без окон был склеп).

В Особом отделе очень удивлялись способности Званцова чувствовать чужие мысли и даже хотели задержать его при штабе армии, чтобы ему снились мысли тех пленных немецких офицеров, которые были убежденными фашистами и отказывались давать нужные показания. Но Николаю уже ничего не снилось, он чувствовал себя неловко при штабе и стал просить, чтобы его отпустили в батальон, что в конце концов и было сделано.

А Удубченко остался служить при Особом отделе. Он

сдал туда пишущую машинку «Ундервуд» и ту папку с делами. Его назначили ординарцем при одном подполковнике, и он сразу радостно приступил к исполнению обязанностей...

Вот такая история приключилась с Николаем Званцовым, и он рассказывал нам ее долгими вечерами в феврале 43-го года, в Ленинграде на Загородном проспекте напротив Витебского вокзала. Одни сразу поверили ему, а другие выражали осторожное сомнение и говорили, что тут еще надо разобраться.

Действительно, тут еще не все ясно. Но, с другой стороны, мы и в самом деле не до конца знаем свой организм. Вот, скажем, друг рассказывал мне, что, когда он во время войны был в партизанах в районе Львова, в лесах, их часть наткнулась на одного танкиста. Этот парень бежал в 41-м году из плена, но ему не повезло, он не сумел присоединиться ни к одной из групп и целый год прожил в лесу один, пока не встретился с нашими. Так за это время у него, например, выработалось такое обоняние, что за пять километров он мог почуять дым и даже определить, что за печь топится — на хуторе или в деревне. Опасность он чувствовал тоже на очень большом расстоянии, и ночью, лежа где-нибудь во мху под деревом, просыпался, если даже в километре от него проходил человек. Кроме того, он мог еще идти через любое болото, даже такое, где никогда раньше не был. Каким-то чутьем он уверенно вставал под водой на те кочки, которые не проваливаются, и свободно обходил опасные места. В партизанском отряде он стал потом разведчиком и однажды вывел людей по совсем непроходимой трясине, когда они были с трех сторон окружены немецкими карателями.

Хотя, пожалуй, это уже другое...

Вообще в те времена, когда мы слушали Николая Званцова, вопрос о передаче мыслей на расстояние вовсе не затрагивался печатью. И позже долгое время почему-то об этом ничего не говорили, так же как, например, о кибернетике. Но в последние годы положение переменялось. Не так давно в журнале «Техника — молодежи» была целая дискуссия по этому поводу. Там же было напечатано, что когда в Москву приезжал Норберт Винер, прогрессивный зарубежный ученый, который написал книгу «Киберне-

тика», в Московском университете студенты его спрашивали, способен ли мозг давать электромагнитные волны такой мощности, чтобы их можно было принимать. Он ответил, что частота излучений мозга — та, которая пока известна, — настолько низкая, что для передачи и улавливания потребовалась бы антенна величиной с целый Советский Союз. Но тут же он добавил, что не исключено, что мозг способен излучать и излучает более высокочастотные ритмы.

А недавно в «Комсомолке» была заметка, где говорилось, что образы, например — не слова, а образы, — возможно, и могут передаваться, и рассказывалось об опыте двух американских ученых, из которых один сидел в лаборатории и представлял себе разные фигурки, а другой в это время был далеко на подводной лодке и кое-какие из этих фигурок принимал в мозг.

Конечно, было бы хорошо, если бы Коля Званцов мог прочесть эту заметку в «Комсомолке». Ему очень приятно было бы узнать, что наука уже подходит к объяснению того, что с ним случилось. Но, к сожалению, он не может прочесть «Комсомолку», поскольку он погиб на самом краю войны, в 1945 году.

Один парень, который позже служил вместе с ним, рассказал мне, что тогда, после здравбатальона, Званцов участвовал в освобождении Луги, снова был ранен и, выйдя из тылового госпиталя, попал на 4-й Украинский. А там благодаря одной из случайностей, столь частых на войне, в один прекрасный день вместе с группой бойцов пополнения предстал перед лейтенантом Петрищевым, с которым вместе встретил 22 июня 41-го года под Брестом.

С Петрищевым Званцов вошел в Венгрию, зацепил даже кусочек Румынии, освобождал Дебрецен, повернул потом на Мишкольц, перевалил Карпаты и взобрался на невысокие горы Бескиды — уже в Чехословакии. Он исправно нес солдатскую службу, грудь его украсилась многими медалями и орденами, и он возвысился уже до старшего сержанта. Но в зеленом месяце мае, когда их часть поддерживала танкистов генерала Рыбалко, в одной из схваток был ранен Петрищев. Званцов сам вынес с поля боя мрачного лейтенанта Петрищева, который, собственно говоря, был уже не лейтенантом, а капитаном и не мрачным, а, наоборот, веселым и радостным, так как война кончалась и семья его была освобождена войсками 2-го Украинского

фронта и он получил даже письмо, из которого понял, что жена его осталась жива и две маленькие девочки тоже остались живы и были уже не такими маленькими, поскольку подросли за четыре года войны и смогли даже написать ему кое-что в этом письме, но только печатными буквами. Званцов вынес капитана Петрищева и сам сдал его в санбат, и капитан записал ему свой адрес в далекой России, а Званцов положил эту бумажку с адресом в нагрудный карман гимнастерки. Потом он пошел в свою часть, но за это время обстановка переменялась. Батальон оказался отрезанным от санбата, и Званцову пришлось одному пробираться в направлении на Пршибрам. Он бодро пустился в путь, лесом обходя дороги, которые были заняты отступавшими фашистскими дивизиями, шел день, выпался ночью в лесу на поляне и утром увидел вдали городок, в котором рассчитывал найти своих. Но в долине внизу двигался большой отряд из «Ваффен СС» — все в черных рубашках со свастикой на рукаве и в петлицах, с автоматами в руках и кинжалами у пояса. А когда он поглядел направо, то увидел там дым и гарь догорающей деревни, а когда посмотрел налево, по пути движения отряда, то увидел, что в другой деревне бегут женщины и дети, крестьяне выгоняют скотину из сараев и услышал, что там стоит крик и стон.

Миг он смотрел на эту картину, потом кустами перебежал вперед, спустился пониже к дороге, выбрал местечко с хорошим сектором обстрела, прикинул, где он будет тут перебегать и маневрировать, снял автомат с плеча, лег, дождался, пока те в черных рубашках подойдут так, чтобы он мог видеть, какого цвета у них глаза, скомандовал сам себе и открыл огонь.

Но эсэсовцы тоже были, конечно, не лопухи. Для них война шла уже как-никак шестой год, они тоже все знали и понимали. Ни одной секунды паники они не допустили. Когда первые упали под выстрелами Званцова, другие тотчас залегли, рассредоточились, быстро сообразили, что он тут один и, подавляя его огнем своих автоматов, стали продвигаться вперед.

Званцов стрелял в них, и, когда его ранило первый раз, в ногу, сказал себе, что хорошо, что не в руку, например, но тут же подумал, что, пожалуй, это уже не имеет значения, потому что жить ему осталось не часы, а минуты, и пожалел чуть-чуть, что именно этой дорогой пошел отряд

«Ваффен СС» в черных рубашках, потому что и ему, конечно, лестно было бы вернуться в Ленинград и увидеть свою жену Нюту и с ней и с сынишкой пойти весенним воскресным утром в Летний сад при всех орденах и постоять у прудика, где написано «Лебедей не кормить», и посмотреть, как солнечные блики играют на аллеях. Но делать ему было нечего, и он продолжал стрелять до тех пор, пока с гор не сошел партизанский чешский отряд и не удзрил эсэсовцам во фланг, и они откатились и ушли, прогрызая себе путь на запад, чтобы сдаться в плен американским, а не советским войскам.

Чехи из чешского партизанского отряда подошли к Званцову и хотели сделать для него все самое хорошее. Но они уже ничего не могли для него сделать, поскольку Званцов лежал в луже крови и умирал. Они обратились к нему по-чешски, и он их почти понял, так как, двигаясь по Европе, изучил уже многие иностранные языки и, в частности, по-чешски знал слово «друг», которое на этом языке звучит, кстати, совершенно так же, как и по-русски.

Небо для него раскололось, запели невидимые трубы, дрогнули земли и государства, и Николай Званцов отдал богу душу.

Чехи из партизанского отряда подняли его, понесли на высокую гору и положили на маленькой красивой полянке в таком месте, где между больших камней, поросших травой, под соснами бьет сильный ручей с холодной кристальной водой.

И там Званцов и лежит до сих пор.
Но каменный уже.

Вышло, что в той чешской деревне был один чех по специальности скульптор. Из большой глыбы на той поляне он вырубил памятник. Из гранита сделана плита, а на ней упал на спину, запрокинув голову и раскинув руки, солдат. Вода из ручья бежит прямо по его груди, журчит и падает вниз.

Званцов лежит там один. Над ним качаются верхушки сосен, он смотрит в небо. Днем его освещает солнце, а ночью — луна, и всегда дует свежий горный ветер.

Один он лежит. Но внизу, метров на тридцать-тридцать

пять ниже есть такая поляна, побольше, где встречаются на свиданиях чешские девушки и парни, смеются, дразнят друг друга и плескаются из ручья.

А вода та все льется и льется из его бесконечного сердца.

Ну, что вы, ребята, загрустили и задумались? Кто там ближе, налейте еще по стопке, и будем разговаривать дальше и вспоминать товарищей и то, что было.

МОЖЕТ ЛИ ЭТО БЫТЬ?

Такой вопрос, наверное, задаст себе каждый, прочитав рассказ С. Гансовского. И в самом деле: есть ли здесь какая-нибудь доля истины или перед нами образец чистой (и следовательно, не научной) фантазии автора?

Вообще говоря, в принципе ничего невозможного в том, что произошло с Николаем Званцовым, нет. Обычно мы узнаем о том, что думает другой человек, либо посредством речи (устной или письменной), либо наблюдая за его действиями, поведением, поступками. В обоих случаях нами воспринимается, расшифровывается и осмысливается определенная информация о чужих мыслях и чувствах. Это, собственно, и позволяет одному человеку судить о том, что происходит в голове другого, позволяет людям понимать друг друга. Однако отсюда совсем не вытекает, будто известные способы передачи информации от мозга к мозгу являются единственно возможными и никаких иных способов в природе не существует.

Вполне вероятно, что в животном мире и в человеческом обществе есть какие-то необычные средства общения, о которых мы пока имеем смутное представление. Разгадать эту тайну пытается специальная наука — парапсихология, действующая в содружестве с биофизикой, кибернетикой и многими другими отраслями научного знания.

Парапсихология изучает телепатию (буквально «чувствование на расстоянии»), ясновидение и тому подобные явления. К телепатиче-

ским относятся такие события, когда один человек на расстоянии, иногда очень большом, каким-то образом узнает, что думает или чувствует в данный момент другой человек или что с ним происходит. При ясновидении же человек может (тоже пока еще не разгаданным способом) видеть реально существующие предметы или процессы, недоступные обычному зрению (например, очень удаленные или скрытые за непрозрачными средами). Нетрудно понять, что все происшедшее с Николаем Звановым в принципе относится к явлениям телепатического порядка.

Правда, находится еще немало людей, которые не признают подобного рода факты и считают, будто парапсихология — эголожнаука, мистическая дребедень и т. д. Но такая точка зрения основывается либо на недоразумении, либо на нежелании задуматься над необычными явлениями, либо просто на невежестве. Действительно, в зарубежной парапсихологии еще господствует идеализм, а парапсихологический научный материал наши идейные враги стремятся использовать для опровержения материализма. Но ведь проповедники религиозно-идеалистических взглядов паразитируют и на достижениях математики, физики, биологии и других наук, особенно если какой-нибудь научный вопрос еще не выяснен до конца. Никто в связи с этим не выкидывает за борт все естествознание. Неправильно было бы делать исключение и для парапсихологии. Здесь надо умело отделять научно установленные факты и данные от ошибочного, идеалистического их истолкования и материалистически объяснять любые, самые удивительные открытия. Заниматься зряшным отрицанием парапсихологии — значит выплескивать из ванны вместе с водой и ребенка.

Ученым известны многие и многие тысячи фактов так называемой спонтанной телепатии и ясновидения. Соответствующие события (в том числе и похожие на то, что описано в рассказе С. Гансовского) совершаются стихийно, неподконтрольно человеку. Некоторые случаи подобного рода приводятся в нашей научно-популярной литературе (см. книгу члена-корреспондента Академии медицинских наук профессора Л. Л. Васильева «Внушение на расстоянии», Госполитиздат, 1962 г. и «Таинственные явления человеческой психики», изд. 2-е, Госполитиздат, 1963 г.). Конечно, каждый такой факт сам по себе еще не является достаточно доказательным, ибо он может вызываться совсем не парапсихическими причинами (скажем, случайными совпадениями и т. д.). Поэтому для строго научного изучения телепатии и ясновидения нужны эксперименты. Их проводится немало и за границей и в нашей стране — в Ленинграде, Москве, Тбилиси, Киеве и других местах. И в ряде случаев экспериментаторам удается добиться того, чтобы одно подопытное лицо правильно отгадывало

что-либо, задуманное другим. Мысленно внушаются на расстоянии изображения различных фигур и предметов, разнообразные ощущения, действия и т. п. Все эти опыты повышают достоверность и спонтанных случаев.

Часто приходится слышать, будто при телепатии осуществляется передача мыслей на расстоянии. Это — суебно ошибочное мнение. Никому и ни в каком опыте не удавалось переслать другому человеку мысль или чувство. Не следует забывать, что мышление, сознание есть свойство человеческого — и только человеческого — мозга. А свойства нельзя отрывать от тех вещей, которым они принадлежат. Есть, например, шершавые предметы, но никому не приходит в голову искать шершавость как таковую, пребывающую самостоятельно где-то вне шершавых предметов и передающуюся на расстояние. Любое свойство любой вещи невозможно отделить от нее и куда-то перенести. То же относится к психическим процессам, включая и мыслительные. Мысль есть лишь в мыслящем мозге и нигде больше. Разговоры же о передаче мыслей при телепатии (или при обычном, словесном общении) представляют собой чистейший идеализм или связаны с небрежным, необдуманным употреблением терминов.

На самом деле и при телепатии и при словесном общении передаются не мысли и не психические состояния вообще, а информация о них, как уже отмечалось выше. Ясно, что мыслительный процесс и информация о нем совсем не одно и то же, подобно тому, как не тождественны, скажем, реальный стул и понятие «стул». Мысль никуда не передается и не может передаваться, а информация о чем угодно (в том числе о психических явлениях), может, и мы это каждодневно наблюдаем. Но здесь сразу возникает чрезвычайно важный и интересный вопрос: что же служит материальным носителем парапсихической информации, какова физическая природа телепатии?

При обычной речи информация передается с помощью звука (устная речь) или света (письменная речь). Очевидно, что носителем телепатической информации должно быть что-то другое. Но что именно? Наиболее распространена электромагнитная гипотеза, согласно которой телепатическую информацию переносят электромагнитные волны, излучаемые мозгом. Есть данные, как будто подтверждающие такую точку зрения (хотя сами эти волны пока еще не обнаружены экспериментально). И тем не менее все известные факты электромагнитная гипотеза объяснить не в состоянии. В ее рамки, например, не укладывается то обстоятельство, что материальный носитель телепатической информации, обладая совершенно ничтожной энергией, может действовать на очень большие расстояния (в опыте — до 186 12 тысяч километров). Электромагнитные волны в этих условиях

должны были бы «затухнуть». Таким образом, остается одно из двух: либо в области электромагнетизма существуют совершенно необычные явления, о которых мы пока ничего не знаем, либо носителем телепатической информации служит какое-то новое, совершенно неизвестное излучение или физическое поле, порождаемое мозгом и отличающееся весьма «странными» свойствами. Исследования идут в обоих направлениях, и каждое из них может привести к замечательным открытиям.

Можно предположить, например, что в мозгу действуют высоко-совершенные биологические системы типа молекулярных и атомных генераторов. Как известно, в технических системах такого рода роль миниатюрных радиостанций выполняют отдельные молекулы и атомы. С помощью молекулярных и атомных генераторов удается получать сверхтонкие электромагнитные лучи-иллы, которые при малой исходной мощности могут тем не менее проходить огромные расстояния и проникать сквозь довольно серьезные препятствия. Обнаружение чего-либо подобного в нервных клетках или тканях мозга позволило бы объяснить если не все, то по крайней мере некоторые парадоксы телепатии.

Вообще в парапсихологии есть немало увлекательных проблем. Разработка любой из них даст рано или поздно существенно важные результаты. Даже если окажется, что многое, принимаемое в парапсихологии сегодня, является ошибочным, исследование побочных (по отношению к основной теме) вопросов с лихвой окупит все неудачи. И совершенно безусловно, что то или иное разрешение проблем телепатии и ясновидения будет иметь огромное практическое значение и для техники, и для медицины, и для педагогики.

Сейчас резко увеличивается количество информации, обращающейся в человеческом обществе. Производительность же человеческого мозга в области приема и переработки этой информации явно отстает от требований жизни — и чем дальше, тем больше. Выходы из положения могут быть разные, и их усиленно ищут. Но самым радикальным путем является интенсификация деятельности человеческого мозга по приему и переработке информации. Если к существующим каналам передачи информации от человека к человеку прибавится нечто вроде «телепатического канала», задача будет в значительной степени решена. А это, в свою очередь, значительно ускорит общественный прогресс.

Е. ФАДДЕЕВ, научный консультант
журнала «Вопросы философии»,

СИРЕНЕВАЯ ПЛАНЕТА

— Вряд ли есть смысл продолжать раскопки. Сбранного материала вполне достаточно для суждения о том, что здесь произошло. Даю вам десять суток на подготовку экспонатов к транспортировке. Старт грузовой ракеты и «Метеора» назначаю через двадцать дней. Надеюсь, возражений нет?

— Есть.

Командир досадливо нахмурился.

— Все те же сомнения?

— Да.

— Мне кажется, что мы уже достаточно спорили по этому поводу. В конце концов, история планеты не так уж необычна. Длительная эволюция, закончившаяся появлением разумных существ, достигших высокой степени развития, внезапное вторжение космических завоевателей, поработивших хозяев планеты, период упадка культуры, гибель пришельцев, не сумевших до конца приспособиться к непривычным условиям существования, эпоха возрождения и, наконец, неизбежная старость планеты, вызвавшая переселение в другую часть Галактики. Что же вас смущает в этой, совершенно очевидной, цепи фактов?

— Меня смущает то, что все это не соответствует действительности. Чем больше вы пытаетесь связать все факты воедино, тем очевиднее становится их несоответствие.

— Ну, что ж! Готов выслушать ваши сомнения еще раз. Несколько минут Доктор молчал, собираясь с мыслями.

— Хорошо. Начну по порядку. Во-первых, к моменту предполагаемого вторжения пришельцев население планеты стояло на очень высоком уровне развития. Им было уже

известно применение ядерной энергии, они располагали общественным производством и единым языком для всей планеты. Судя по всему, никаких внутренних раздоров на планете не существовало. Неужели вы думаете, что они смогли бы так просто покориться пришельцам? Вместе с тем нигде мы не обнаружили никаких следов сражений, неизбежных в таких случаях.

Во-вторых, если пришельцы могли совершать космические перелеты, то они неизбежно должны были принести на планету какие-то элементы своей, специфической культуры. Однако эпоха порабощения характеризуется только деградацией культуры хозяев планеты. Ничего, кроме слепой жажды разрушения, распада моральных устоев общества и каннибализма, не несли с собой эти двуногие крысы.

В-третьих, эпоха порабощения продолжалась несколько столетий. За это время на планете сменилось не менее двадцати поколений пришельцев. Почему же именно последние поколения оказались неприспособленными к новым условиям существования?

И, наконец, почему все раскопки, относящиеся к этой эпохе, не обнаруживают никаких следов хозяев планеты? Попадают только скелеты крыс. Если допустить, что полчища пришельцев уничтожили людей, то спрашивается, откуда же они не только снова появились на планете, но и в сравнительно короткий срок сумели восстановить то, что было ими потеряно?

В рабочем зале станции наступило молчание. В тишине было слышно только тяжелое дыхание Доктора и постукивание пальцев Командира о подлокотник кресла.

— Мне хотелось бы услышать ваше мнение, Геолог.

Геолог встал со стула и подошел к витрине с двумя хрустальными саркофагами. Они хранили в себе результат колоссального труда экспедиции. Потребовалось свыше года раскопок, скрупулезного сопоставления тысяч находок и тщательного анализа возникающих гипотез, чтобы воссоздать облик бывших обитателей планеты.

В одном из саркофагов во весь рост стояло искусно вылепленное изображение юноши. Даже по земным понятиям, он был очень красив, несмотря на лиловый цвет кожи и непропорционально большую голову. Это был, несомненно, продукт многовековой высокоразвитой культуры

Другой саркофаг хранил мерзкое существо, некогда

передвигавшееся на двух ногах, покрытое серой глянцеви-
той кожей. Жирное туловище, снабженное парой рук
с длинными, как у обезьяны, пальцами, венчалось головой,
очень похожей на крысиную. В облике крысочеловека было
что-то вызывающее страх и омерзение.

— Я хотел бы знать ваше мнение.

Геолог невольно вздрогнул, настолько неожиданным был
переход от занимавших его мыслей к действительности.

— Раньше, чем отвечать, я хочу задать вопрос Док-
тору.

— Пожалуйста.

— Какие есть основания считать, что крысолюди —
выходцы из космоса, а не коренные обитатели планеты?

— У них совершенно особая структура клеток. Они
представляют собой как бы переходную ступень от угле-
водородных белковых структур к кремнийорганическим.
Ничего похожего я не мог обнаружить в сохранившихся
останках животного мира планеты. Таких жизненных
форм на планете, кроме них, не существовало. Наконец, вы
прекрасно знаете, что в раскопках, относящихся к перио-
дам до начала эры упадка, крысолюди не попадаются.

Геолог еще раз взглянул на витрину и подошел к Коман-
диру.

— Я согласен с Доктором. Ваша теория ничего не объяс-
няет.

— Хорошо. Отлет на Землю откладывается на шесть
месяцев. Прошу через два дня представить мне план
дальнейших работ. С завтрашнего дня мы переходим на
уменьшенный рацион...

Вездеход медленно пробирался сквозь сиреневые дюны
пыли. Миллионы лет назад здесь был город, погребенный
теперь под многометровыми слоями микроскопических
ракушек.

Отряд проворных землеройных машин заканчивал
очистку большого здания, сложенного из розовых камней.

Вездеход обогнул угол здания и начал осторожный спуск
в котлован, на дне которого высилось странное сооруже-
ние, отлитое из золотистого металла. Огромный диск
звездолета, устремленный в небо. Еще одна загадка. Кос-
мические корабли хозяев планеты выглядели совершенно
иначе. Все попытки найти на планете хотя бы следы метал-

ла, из которого отлит памятник, ни к чему не привели. Неужели это громадное сооружение — дело рук крысоловцев? И что может означать странный барельеф на пьедестале из чередующихся октаэдров и шаров? Нигде в раскопках этот мотив не повторяется.

Размышления Доктора были прерваны скрежетом гусениц. Вездеход наклонился набок. Доктор попытался открыть дверцу, но она оказалась прижатой к подножию памятника.

Ничего не оставалось другого, как выбираться наружу через верхний люк вездехода.

Оказалось, что правая гусеница целиком ушла в глубокий провал серого грунта. Полузасыпанные сиреневой пылью ступени подземного хода терялись во мраке подземелья...

— Не понимаю, что творится с Доктором, — сказал Геолог, заколачивая гвоздями ящик с минералами. — Почему он нас избегает?

— Обычная история. Он чувствует себя виноватым в задержке полета, но ничего не может сделать в доказательство своей правоты. Мы зря потратили сто двадцать дней. Теперь, по его милости, мы должны пожертвовать всеми добытыми экспонатами. Полет сейчас потребует значительно больше горючего, чем три месяца назад. Придется использовать для «Метеора» топливо грузовой ракеты. Не могу простить себе, что так легко поддался на ваши уговоры!

— Может быть, все-таки поговорить с ним?

— Не стоит. Хочет жить один в своей лаборатории, пусть живет. Скоро одумается. Кстати, вот он, кажется, идет с повинной.

Автоматические двери станции мягко раскрылись и вновь захлопнулись за спиной Доктора.

— Вы были правы, Командир, — сказал он со смущенной улыбкой. — Все было так, как вы предполагали. Именно вторжение из космоса.

— Очень рад, что вам понадобилось сто двадцать дней, чтобы разобраться в этом, а не все шесть месяцев. Что же вас в конце концов убедило?

— Пойдемте к памятнику. Я вам все покажу...

— Вот здесь, — сказал Доктор, открывая бронирован-

ные двери подземелья,— некогда разыгралась одна из величайших битв во Вселенной, битва за спасение древнейшей цивилизации космоса. А вот то, что удалось восстановить из истории этой битвы.

В небольшом стеклянном ящике прыгало маленькое мерзкое существо, покрытое глянцевиной кожей. Жирное туловище венчалось головой, очень похожей на крысиную. Это была уменьшенная копия экспоната, хранившегося в хрустальном саркофаге, но передвигающаяся на четырех ногах. Сверкающие красные глазки со злобой глядели на вошедших.

— Где вы его раздобыли?

Голос Командира был непривычно хриплым.

— Привез с Земли. Еще недавно оно было обыкновенной морской свинкой, пока я не заразил его найденным здесь вирусом.

Доктор подошел к столу и показал на один из запаянных стеклянных сосудов.

— Вирус, имеющий форму октаэдра. Я его исследовал самым тщательным образом. Попав в организм, он меняет все: структуру клеток, внешний облик и, наконец, психику. Он заставляет организм перестраиваться по образу, зашифрованному в цепочке нуклеиновых кислот, хранящихся в этом октаэдре. Кто знает, из каких глубин космоса попала сюда эта мерзость?! Теперь нужно уничтожить содержимое колб заодно с этим зверьком.

— Вы считаете, что вся история деградации хозяев планеты была попросту эпидемическим заболеванием? — спросил Геолог, не отрывая взгляда от ящика.

— Безусловно. Вероятно, не больше чем за два поколения окончательно сформировался тип крысолюдей.

— Кто же тогда их вылечил?

— Те, кто построил памятник, неизвестные пришельцы из космоса. Здесь, в подземелье, тайком от крысолюдей, потерявших все человеческое, каждую минуту рискуя заразиться, они искали способ победить эпидемию, и это им удалось. Может быть, изображения шаров на пьедестале памятника, чередующиеся с октаэдрами, это и есть символы разработанного ими антивируса. К сожалению, никаких следов его обнаружить здесь мне не удалось.

— Что же было дальше?

— Об этом можно только строить догадки. Может быть, 192 было то, о чем говорил Командир. Неизбежная старости

планеты вызвала переселение возрожденного человечества в другую часть Галактики.

— Я перед вами очень виноват,— сказал Командир, подходя к Доктору.— Надеюсь, что вы меня простите. А сейчас за работу. Через три дня — старт на Землю.

Протянутая рука Командира повисла в воздухе.

— Старт будет через два месяца, как условлено,— сказал Доктор, пряча руку за спину.— Два месяца карантина, пока выяснится, что я не заразился этой штукой. А пока ко мне нельзя прикасаться.

ЛОВУШКА

Он висел, прижатый чудовищной тяжестью к борту корабля. Слева он видел ногу Геолога и перевернутое вниз головой туловище Доктора.

«Мы как мухи на стене,— подумал он, стараясь набрать воздух в легкие,— раздавленные мухи на стене...»

Сломанные ребра превращали каждый вздох в пытку, от которой мутилось сознание. Он очень осторожно, одной диафрагмой пытался создать хоть какое-то подобие дыхания. Нужно было дышать, чтобы не потерять сознания. Иначе он не мог бы думать, а от этого зависело все.

Необходимо понять, что же случилось.

Он уже давно чувствовал неладное, еще тогда, когда приборы впервые зарегистрировали неизвестно откуда взявшееся ускорение. Сначала он думал, что корабль отклоняется мощным гравитационным полем, но радиотелескоп не обнаруживал в этой части космоса никаких скоплений материи.

Потом началась чехарда с созвездиями. Они менялись местами, налезали друг на друга, становились то багрово-красными, то мертвенно-синими. И вдруг внезапный удар, выбросивший его из кресла пилота, и неизвестно откуда взявшаяся тяжесть.

Корабль шел по замкнутой траектории. Он это сразу понял, когда первый раз к нему вернулось сознание.

Теперь он хорошо знал, что будет дальше.

Он внимательно смотрел на кровь, вытекшую из рта Доктора. Сейчас все пойдет, как в фильме, пущенном

назад. Так было уже много раз. Сначала кровь потечет обратно в сжатые губы. Потом сам он с умопомрачительной скоростью, кувыркаясь через голову, полетит в пилотское кресло, немедленно вылетит обратно, ударится о доску аварийного пульта и со сломанными ребрами и раздробленной левой рукой прилипнет к борту корабля. Затем будет беспамятство, боль и возможность думать о том, что произошло, пока не начнется все сначала.

«...Время тоже движется по замкнутой кривой в этой ловушке,— подумал он.— Бесконечно циркулирующее Время, вроде выродившегося бледного света в иллюминаторе. Даже Время не может отсюда вырваться...»

...Он снова пришел в себя после очередного удара о пульт. Опять нужно было беречь дыхание, чтобы сохранить мысль

«...Водоворот Времени и Пространства. Вот, значит, что такое ад: замкнутое пространство, где Время поймало себя за хвост, вечно повторяющаяся пытка и бледный свет, движущийся по замкнутому пути — мир, где все кружится на месте, и только человеческая мысль пытается пробить стену, перед которой бессильно даже Время...»

Невозможно было понять, который раз это происходит. Он смотрел на струйку крови, вытекающую из губ Доктора. «...Этот, по крайней мере, жив. У мертвых не течет кровь. Глаза закрыты — значит, он все время в беспамятстве. Для него это лучше. Неизвестно, что с Физиком. Он сидел на диване. Очевидно, его швырнет туда, когда все начнется сначала...»

Опять стремительный полет, хруст костей, беспамятство и мысль, беспомощно бьющаяся, как муха на стекле.

«...Интервалы времени непрерывно сокращаются. Мы входим в эту ловушку по спирали. Еще немного, и корабль попадает в мешок, где нет ничего, кроме бледного света. Мешок, где Время и Пространство сплелись в плотный клубок, где вечность неотличима от мгновения. Двигатели выключены, и наша траектория определяется накопленным количеством движения и кривизной пространства. Может быть, если включить двигатели, спираль начнет раскручиваться. Нужно нажать пусковую кнопку на аварийном пульте, но это невозможно. Что может сделать раздавленная муха на стене?..»

194 С каждым витком спирали убыстрялось вращение Времени. Сейчас в его распоряжении были короткие перерывы,

когда можно было думать. Больше всего он боялся, что измученный пыткой мозг отдаст команду сердцу остановиться.

«...Можно ли окончательно умереть в мире, где все приходит в начальное состояние бесконечное число раз? Это будет вечное чередование жизни и смерти во все убыстряющемся темпе. Что происходит на дне этого мешка? Нужно нажать кнопку на аварийном пульте в то мгновение, когда меня выбрасывает из кресла. Нажать, пока кости не сломаны ударом о пульт».

Теперь он приходил в сознание уже тогда, когда струйка крови исчезала во рту Доктора.

«...Я ударяюсь левым боком о панель пульта. Расстояние от плеча до кнопки около двадцати сантиметров. Если выставить локоть, то он ударит по кнопке...»

Дальше все слилось в непрекращающийся кошмар из стремительных полетов, треска костей, боли, беспомощности и упрямых попыток найти нужное положение локтя.

Кресло, пульт, стена, кресло, пульт, стена, кресло, пульт, стена...

Было похоже на то, что обезумевшее Время играет человеком в мяч.

Казалось, прошла вечность, прежде чем он почувствовал невыносимую боль в локте левой руки.

Он пронес эту боль сквозь беспомощность, как мечту о жизни.

...Раньше, чем он открыл глаза, его поразило блаженное чувство невесомости. Потом он увидел лицо склонившегося над ним Доктора и знакомые очертания созвездий в иллюминаторе.

Тогда он заплакал, поняв, что победил Время и Пространство.

Все остальное сделали автоматы. Они вывели корабль на заданный курс и выключили уже ненужные двигатели.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Привычную тишину кают-компаний неожиданно нарушил голос Геолога:

— НЕ ПОРА ЛИ НАМ ПОГОВОРИТЬ, КОМАНДИР?

«Ни к черту не годится сердце,— подумал Командир,— бьется, как у напроказившего мальчишки. Я ведь ждал этого разговора. Только мне почему-то казалось, что начнет его не Геолог, а Доктор. Странно, что он сидит с таким видом, будто все это его не касается. Терпеть не могу его дурацкой манеры чертить вилкой узоры на скатерти. Вообще он здорово опустился. Что ж, если говорить правду, мы все оказались не на высоте. Все, кроме Физика...»

— ...ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО Я НЕ НОВИЧОК В КОСМОСЕ...

«Да, это правда. Он участвовал в трех экспедициях. Залежи урана на Венере и еще что-то в этом роде. Доктор тоже два раза летал на Марс. Председатель отборочной комиссии считал их обоих наиболее пригодными для Большого Космоса. Ни черта они не понимают в этих комиссиях. Подумаешь: высокая пластичность нервной системы! Идеальный вестибулярный аппарат! Гроша ломаного все это не стоит. Я тоже не представлял себе, что такое Большой Космос. Абсолютно пустое пространство. Годами летишь с сумасшедшей скоростью, а кажется, что висишь на месте. Потеря чувства времени. Пространственные галлюцинации. Доктор мог бы написать отличную диссертацию о космических психозах. Вначале все шло нормально, пока не включили фотонный ускоритель. Пожалуй, один только Физик ничего не чувствовал. Он слишком был поглощен работой. Интересно, что именно Физика не хотели включать в состав экспедиции. Неустойчивое кровяное давление. Ну и болваны же сидят в этих комиссиях!»

— ...МНЕ ИЗВЕСТНО, ЧТО УСТАВ КОСМИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ЗАПРЕЩАЕТ ЧЛЕНАМ ЭКИПАЖА ОБСУЖДАТЬ ДЕЙСТВИЯ КОМАНДИРА...

«...Ваше счастье, что вы не знаете всей правды. Плевать бы вы оба тогда хотели на Устав. Физик тоже говорил об Уставе перед тем, как я его убил. Никогда не думал, что я способен так хладнокровно это проделать. Теперь меня будут судить. Эти двое уже осудили. Остался суд на Земле. Там придется дать ответ за все: и за провал экспедиции и за убийство Физика. Интересно, существует ли сейчас на Земле закон о давности преступлений? Ведь с момента смерти Физика по земному времени прошло не менее тысячи лет. Тысяча лет, как мы потеряли связь с Землей. Тысячу лет мы висели в пустом пространстве,

двигаясь со скоростью, недоступной воображению. За это время мы прожили в ракете всего несколько лет...»

— ...И ВСЕ ЖЕ Я ПОЗВОЛЮ СЕБЕ НАРУШИТЬ УСТАВ И СКАЗАТЬ ТО, ЧТО Я ДУМАЮ...

«...Мы не знаем ни своего, ни земного времени. Не зная времени, ничего нельзя сделать в Космосе. Чтобы определить пройденный путь, нужно дважды проинтегрировать ускорение по времени. Можно определить скорость по эффекту Доплера, но спектрограф разрушен. Как глупо было сосредоточивать самое ценное оборудование в носовом отсеке. Кто бы мог подумать, что подведут кобальтовые часы! Всегда считалось, что скорость радиоактивного распада — самый надежный эталон времени. Когда началась эта чертовщина с часами, мы были уверены, что имеем дело с влиянием скорости на время. Совершенно неожиданно кобальтовый датчик взорвался, разрушив все в переднем отсеке. Потом Физик мне все объяснил. Оказывается, количество заряженных частиц в пространстве в десятки раз превысило предполагаемое. При субсветовой скорости корабля они создавали мощнейший поток жесткого излучения, вызвавшего цепную реакцию в радиоактивном кобальте. Почти одновременно автомат выключил главный реактор: там тоже начиналась цепная реакция. Счастье, что биологическая защита кабины задержала это излучение».

— ...Я ЗНАЮ, ЧТО КОСМОС ПРИНОСИТ РАЗОЧАРОВАНИЕ ТЕМ, КТО ЖДЕТ ОТ НЕГО СЛИШКОМ МНОГО...

«...Тебя и Доктора еще не постигло самое страшное разочарование. Вы все еще думаете, что возвращаетесь на Землю. Не могу же я вам сказать, что на возвращение всего один шанс из миллиона. Я сам не понимаю, как мне удалось выйти к Солнечной системе. Теперь я не знаю своей скорости. Хватит ли вспомогательных реакторов для торможения? Самое большое, на что можно надеяться, — это выйти на постоянную орбиту вокруг Солнца. Но для этого нужно знать скорость. Один шанс из миллиона на то, что это удастся. Если бы хоть работал главный реактор. Теперь он никогда не заработает. Физик переставил в нем стержни. Не могу же я об этом вам говорить. Потеря надежды — это самое страшное, что есть в Космосе».

— ...НО САМОЕ ТЯЖЕЛОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ, КОТОРОЕ Я ПЕРЕЖИЛ...

«Сколько я пережил разочарований? Я был первым на Марсе. Безжизненная, холодная пустыня сразу выбила из головы юношеские бредни о синеоких красавицах далеких миров и фантастических чудовищах, которыми мне предстояло украсить зоологический музей. Ни разу мне не удалось встретить в космосе ничего похожего на то, чем я упивался в фантастических рассказах. Ничего, кроме чахлах лишайников и дрожжевых грибков. А неудачная посадка на Венере? Разве она не была полна разочарований и уязвленного самолюбия? Но тогда были миллионы людей, сутками не отходящих от радиоприемников, жадно ловящих каждое мое сообщение, слова одобрения с родной Земли и друзья, пришедшие на помощь. А что сейчас? Экспедиция провалилась. Даже если случится чудо, что я могу доставить на Землю? Покаянный рассказ об убийстве Физика и жалкие сведения о Большом Космосе, ставшие уже давно известными за десять столетий, прошедших на Земле с момента нашего отлета. Мы будем напоминать первобытных людей, явившихся в двадцатом веке с сенсационным сообщением о том, что если тереть два куска дерева друг о друга, то можно добыть огонь. Не знаю, принимали ли мои сообщения на Земле. Единственное, что у нас осталось,— это квантовый передатчик на световых частотах. Что толку, что он непрерывно передает один и тот же сигнал: «Земля, Земля, я Метеор». Наши приемники не работают. Где-то в эфире блуждают мои сообщения. Кто помнит сейчас на Земле, что тысячу лет назад был отправлен в космос какой-то «Метеор»...

— ...ЭТО ТО, ЧТО В КОСМОС ОТКРЫТ ПУТЬ ТАКИМ ТРУСАМ И УБИЙЦАМ, КАК ВЫ, КОМАНДИР...

«Я убил Физика. После того, как автомат выключил главный реактор, он засел за расчеты. Однажды он пришел ко мне в рубку, когда Геолог и Доктор спали. В руках у него были две толстые тетради.

— Плохо дело, Командир,— сказал он, садясь на диван.— В реакторах началась цепная реакция, и автоматы их выключили. Получается нечто вроде заколдованного круга: пока мы не погасим скорость, нельзя включить реакторы. Этот поток жесткого излучения, перевернувший все вверх ногами, является результатом нашей скорости. Погасить скорость мы не можем, не включив главный

реактор. Мне придется изменить расположение стержней в нем.

Я понимал, что это значит.

— Хорошо,— сказал я,— дайте мне схему, и я это сделаю. Навигационные расчеты вы сумеете произвести без меня.

— Вы забыли Устав, командир,— сказал он, похлопав меня по плечу.— Вспомните: «Ни при каких условиях командир не имеет права покидать кабину во время полета».

— Чепуха! — ответил я. — Бывают обстоятельства, когда...

— Вот именно, обстоятельства,— перебил он меня.— Я еще не все вам сказал. После того, как я изменю расположение стержней в реакторе, он будет работать только до тех пор, пока вы не погасите скорость настолько, что перестанет сказываться влияние жесткого излучения. После этого он перестанет работать навсегда. Я не могу точно сказать, при какой скорости это произойдет. В вашем распоряжении останутся только вспомогательные реакторы, не имеющие фотонных ускорителей. Не знаю, что вы с ними сумеете сделать. Кроме того, у вас нет эталона времени. Большая часть автоматических устройств разрушена. В этих условиях вернуться на Землю практически невозможно. Может быть, есть один шанс из миллиона, и этот шанс называется чутьем космонавта. Теперь вы понимаете, почему вам нельзя лезть в реактор?

Тогда мы с ним обо всем договорились. Мы оба понимали, что, побывав в реакторе, он уже не сможет вернуться в кабину. Я ведь отвечал за жизнь Геолога и Доктора. Было бы безумием взять умирать в кабину этот сгусток радиоактивного излучения.

Мы договорились, что я сожгу его в струе плазмы.

— Вот и отлично! — сказал он, улыбаясь.— Я, по крайней мере, смогу сам убедиться, что реактор заработал.

Мне казалось, что он провел целую вечность в этом реакторе. Я увидел его на экране кормового телевизора, когда он выбрался наружу через дюзу. Он улыбался мне сквозь стекло скафандра и махнул рукой, показывая, что все в порядке. Тогда я нажал кнопку.

Когда Геолог и Доктор спросили меня, где Физик, я им сказал, что произошел несчастный случай: я послал его проверить состояние фотонного ускорителя и нечаянно

включил реактор. Я им не мог сказать правду. С тех пор, как мы попали в эту ловушку, с нами начало твориться что-то странное. Они не должны были знать, в каком безнадёжном положении мы находимся. Тогда они замолчали. Может быть, наедине они и говорили друг с другом, но я на протяжении нескольких лет не слышал от них ни слова. Тысячу земных лет я не слышал человеческой речи. Потом я заметил, что они прикладываются к запасам спирта, хранившегося у Доктора. Когда я отобрал спирт, Доктор придумал этот дьявольский фокус с шариком. Что-то в стиле индийских йогов. Они приводили себя в бесчувственное состояние, фиксируя взгляд на стеклянном шарике. Космический психоз овладевал ими с каждым днем все сильнее. Нужно было что-то придумать. Не мог же я дать им сойти с ума! Тогда я их обоих избил. Я их лупил, пока не увидел в их взгляде страх. Теперь мне, по крайней мере, удастся заставлять их регулярно делать зарядку и являться к столу».

— ...МОЖЕТ БЫТЬ, ПЕРЕД ВОЗВРАЩЕНИЕМ НА ЗЕМЛЮ ВЫ ПОПЫТАЕТЕСЬ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НАС, КАК ИЗБАВИЛИСЬ ОТ ФИЗИКА, НО ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ХОТЬ БУДЕТЕ ЗНАТЬ, ЧТО МЫ ВАС РАСКУСИЛИ, КОМАНДИР!

«...один шанс из миллиона, но я обязан выйти на постоянную орбиту, хотя бы для того, чтобы попытаться спасти этих двоих».

— ЗА СВОИ ДЕЙСТВИЯ,— сказал Командир,— Я ОТВЕЧУ НА ЗЕМЛЕ, А СЕЙЧАС ПРИКАЗЫВАЮ НАДЕТЬ ПРОТИВОПЕРЕГРУЗОЧНЫЕ КОСТЮМЫ И ЛЕЧЬ. ТОРМОЖЕНИЕ БУДЕТ ОЧЕНЬ РЕЗКИМ.

ВНУК

Они сидели в столовой, а я лежал на диване, в кабинете у дедушки и слушал, о чем они говорят.

Дедушка рассказывал им всякие истории, и это было очень интересно.

У меня замечательный дедушка, и все ребята немножко завидуют мне, что я его внук. Его все называют Старым Космонавтом. Он был первым из людей, побывавших на Марсе, и он первый открыл дорогу в Большой Космос.

Сейчас дедушка уже очень старый и больше не может летать, но все молодые космонавты приходят с ним советоваться. Он главный консультант Комитета по астронавтике.

Я очень люблю смотреть на дедушкино лицо. Оно все покрыто шрамами и рубцами от ожогов. Он пережил массу приключений там, в космосе. Про него написана целая куча книг, и все они у нас есть.

Я страшно боюсь, что дедушка может вдруг умереть, ведь он такой старый.

Мой папа тоже в космосе. Дедушка говорит, что он вернется, когда я уже буду совсем большим.

Папа не знает, что мама умерла, потому, что тем, кто в космосе, нельзя сообщать печальные вести.

Теперь мы живем вдвоем с дедушкой. Он мне часто рассказывает, как он был молодым, и про космос.

У него на столе стоит фотография членов экипажа «Метеорита». Там они все совсем молодые: и дедушка, и Физик, и Геолог, и Доктор.

Дедушка очень любил Физика. Когда мы идем гулять, он всегда ведет меня к памятнику Физику, на котором написано:

люди — герои космоса

Геолога и Доктора дедушка тоже очень любил. Он говорит, что сначала они не понимали друг друга, а потом подружились на всю жизнь и много лет летали вместе. Сейчас их уже нет в живых.

Вообще из дедушкиных товарищей остались только Конструктор и Диспетчер. Они часто приходят к нам и говорят об очень интересных вещах.

Вот и тогда они сидели в столовой и дедушка рассказывал им, как их ждали на Земле через тысячу лет, но «Метеор» попал в Ловушку, где с Временем происходят странные вещи, и потому они прилетели назад гораздо раньше, когда их никто не ждал, а Конструктор с ним спорил и говорил, что таких вещей с Временем не бывает, а я лежал в кабинете на диване и слушал, о чем они говорят.

А потом они ушли; и я заплакал оттого, что я еще такой маленький и ничего не могу.

Дедушка услышал, как я плачу, и пришел меня утешить. Он говорил, что скоро я вырасту большой и полечу в космос, что к этому времени построят такие корабли, которые будут переносить нас быстрее мысли в глубины Вселенной, и что я открою новые замечательные миры.

Он меня утешал, а я все плакал и плакал, потому что не мог ему сказать, что больше всего люблю нашу Землю и что очень хочу побыстрее вырасти, чтобы сделать на ней что-нибудь замечательное.

Я буду врачом и сделаю так, что никто не будет умирать, пока сам не захочет.

СУС

Председатель. ...разрешите предоставить слово докладчику.

Тема доклада... э... э... «Защита машины от дурака».

Докладчик (шепотом). Машина для защиты дурака.

Председатель. Простите, тема доклада... э... э... защита... э...

Докладчик (шепотом). Машина...

Председатель. Машина... э... э... для защиты дурака.

Докладчик. Многоуважаемые коллеги!

Небольшая путаница с названием моего доклада не является случайной. Она происходит от глубоко вкоренившегося в сознание людей представления о возможности создания дуракоупорных конструкций машин, представления, я бы сказал, в корне ошибочного.

Ни современные средства автоматике, ни наличие аварийно-предупредительной сигнализации, ни автоблокировка не могут гарантировать нормальную эксплуатацию любой машины, попавшей в руки дурака, ибо никто не в состоянии предусмотреть, как будет поступать дурак в той или иной ситуации.

Проблема, которой я занимаюсь, преследует совершенно иную цель: защиту дурака от постоянных обвинений в глупости. Для того чтобы она стала понятной, необходимо тщательно рассмотреть, что собой представляет дурак.

Существует неверное мнение, будто гений отличается от всех прочих людей необычайной продуктивностью мыслей, а дурак, наоборот, почти полным отсутствием таковых. На самом же деле количество мыслей и предположений, высказываемых дураком, ничуть не меньше, чем так называемым гением или просто умным человеком. Все дело в том, что гений или умный человек обладают свойством селективности, позволяющим им отсеивать глупые мысли и высказывать только умные. Дурак же, по своей глупости, болтает все, что придет ему в голову.

Изобретенная мною машина — Селектор Умственных Способностей, или, сокращенно, СУС, позволяет отсеивать у любого человека глупые мысли и оставлять только то, что представляет несомненную ценность для общества.

Г о л о с   и з   з а л а. Как же она это делает? Не заимствована ли ваша идея у Свифта?

Д о к л а д ч и к. Я ждал этого вопроса. СУС работает совсем по иному принципу, чем знаменитая машина лапутян, описанная Свифтом в «Путешествии Гулливера». Речь идет не о поисках скрытых идей в случайных словообразованиях. Абсурдность такой машины уже давно доказана. Мое изобретение отличается также от Усилителя Умственных Способностей, предложенного Эшби, где идея Свифта дополнена алгоритмом поиска здравого смысла. СУС — не усилитель, а селектор, машина с весьма совершенной логической схемой. Все высказываемые человеком мысли она делит на три категории: вначале она отсеивает те, которые не имеют логической связи. Затем она бракует мысли, логически связанные, но настолько банальные, что иначе, как глупостью, они названы быть не могут. В результате через выходной блок проходит только то, что свежо, оригинально и безукоризненно с точки зрения логики.

Г о л о с   и з   з а л а. Забавно!

Д о к л а д ч и к. Не только забавно, но и весьма полезно. Отныне десять так называемых дураков могут сделать гораздо больше полезного, чем один умный, потому что суммироваться у них будет не глупость, а ум.

Г о л о с   и з   з а л а. А как это проверить?

Д о к л а д ч и к. Чрезвычайно просто! Сегодняшние прения по моему докладу будут анализироваться СУСом. Надеюсь, что это поможет нам выработать единую правильную точку зрения по поставленной проблеме.

Председатель. Вы кончили? Кто хочет высказаться? (*Молчание в зале*). Есть ли желающие выступить? (*Молчание*).

Голос из зала. Пропустите-ка раньше через СУС тезисы своего доклада.

Докладчик. Охотно! Давайте начнем с этого. (*Вкладывает рукопись в машину*). Прошу следить за машиной. Зажглась зеленая лампочка, СУС приступил к анализу. На счетчике справа—количество проведенных логических операций, сейчас их число уже достигло двух тысяч. Желтый свет на табло показывает, что машина закончила анализ, результаты его она объявит, когда я нажму эту кнопку. (*Нажимает кнопку, из машины ползет белая лента*). Так, посмотрим. Гм... Прошу подождать одну минуту, я проверю схему выходного каскада... Странно, схема в порядке.

Голос из зала. Каков же результат анализа?

Докладчик. Машина почему-то выдала только наименование доклада. Все остальное бесследно исчезло... Гм... По-видимому, здесь налицо досадная неисправность. Придется окончательно проверить СУС во время прений.

Председатель. Кто хочет высказаться? (*Молчание в зале*). Желающих нет? (*Молчание*). Тогда разрешите поблагодарить докладчика за интересное сообщение. Мне кажется, что демонстрация машины, была... э... весьма убедительной.

ДИКТАТОР

Было три часа семнадцать минут по астрономическому времени системы Синих Солнц, когда Люпус Эст, гроза двенадцати планет, появился в отсеке управления звездолетом.

Через три минуты, бросив удовлетворенный взгляд на командира, лежавшего с раздробленным черепом, он направился в кабину помочь двум своим товарищам, добивавшим экипаж и пассажиров.

Еще через час Службой Космического Оповещения было объявлено о потере связи со звездолетом ХВ-381,

а объединенное полицейское управление двенадцати планет сообщило о дерзком побеге трех преступников, приговоренных Верховным судом к смертной казни.

В это время уже освобожденный от лишнего груза корабль взял курс на созвездие Лебедя.

— Отлично проведенная операция! — сказал Прох Хиндей, откупоривая вторую бутылку.

Люпус Эст самодовольно заржал.

— Неплохо, мальчики, но не нужно забывать, что это только начало. Основная работенка нам предстоит на Галатее.

— А какое у них оружие? — спросил Пинта Виски, самый осторожный из трех друзей.

— Планета населена слюнтяями, не умеющими отличить квантовый деструктор от обычного лучевого пистолета. Я там был десять лет назад, когда служил вторым штурманом на трампе. Не планета, а конфетка! Роскошный климат, двадцать шесть процентов кислорода в атмосфере, богатейшие запасы золота, а девочки такие, что пальчики оближешь. Словом, Галатея специально создана для таких парней, как мы, и взять ее можно голыми руками.

За третьей бутылкой были окончательно распределены роли:

Люпус Эст — диктатор,

Пинта Виски — начальник полиции и штурмовых отрядов,

Прох Хиндей — глава церкви.

План, предложенный Люпусом Эстом, основывался на тонком понимании человеческой психики.

— Нынешнее правительство Галатей, — сказал он, ковыряя в зубах, — должно быть обвинено в попытке продать планету чужеземцам, арестовано и расстреляно без суда. Взамен него будет создано новое марионеточное правительство из элементов, недовольных своим положением в обществе. На этой стадии переворота нам придется оставаться в тени.

— А потом они пошлют нас к черту? — спросил туповатый Прох.

— Потом мы их пошлем к черту, но к этому времени Пинта должен закончить подпольное формирование штурмовых отрядов, а ты, Прох, довести религиозный психоз до предела.

— А как это делается?

— Начни крестовый поход против рыжих или тех, у кого больше пяти детей. Объяви их слугами дьявола. Нужно устроить заваруху, неважно какую, чтобы дать возможность отрядам Пинты вмешаться для наведения порядка.

— Здорово! Вот это работенка по мне! — заорал Пинта, глядя влюбленными глазами на Эста. — У тебя, Люпус, не башка, а бочка с идеями!

— Подожди вопить раньше времени, — усмехнулся Эст, — поорешь от радости, когда золотые запасы планеты окажутся в наших руках, а лучшие девчонки Галатеи будут за неделю записываться в очередь к нам на прием.

— Хип, хип, ура!

— Да здравствует диктатор Галатеи Люпус Эст!

— И его ближайшие друзья и соратники Прох Хиндей и Пинта Виски, — скромно поддержал тост Люпус.

— Так ты решительно отказываешься мне помочь? — спросил Люпус, стараясь сохранять спокойствие.

Галатеец вежливо улыбнулся.

— Видите ли, я химик, а не врач, но кое-что могу сделать. Брат моей жены очень хороший психиатр, и если вы согласитесь с ним поговорить, то он, вероятно, подберет лечение.

Эст заскрипел зубами.

— Пристукни его, Люпус, — сказал Прох.

— Пойми, — продолжал Эст, — что ты предаешь свой народ. Ваши правители тайком распродают планету иноземцам, а ты не хочешь возглавить правительство национального освобождения. Какой же ты после этого патриот?

— Я не понимаю, о чем вы говорите. У нас нет никаких правителей.

Люпус вытер пот со лба.

— А что же у вас есть?

— Два координационных центра с электронными машинами. Если вы можете внести какие-то предложения по усовершенствованию этих машин, то Совет Кибернетиков вас охотно выслушает.

— Дай, я с ним поговорю, — взмолился Пинта. У него давно чесались руки.

— Подожди, Пинта.

Люпус задумался.

— Перестань валять дурака! — внезапно заорал он. — Мне говорили, что твой проект, над которым ты работал пять лет, забраковали и что ты этим очень недоволен. Кем же ты, черт тебя дери, недоволен?! Машинами, что ли?

— Конечно, я недоволен. Сам собой недоволен. Было очень глупо зря потратить пять лет.

Люпус взял галатейца за шею и повел к выходу.

— Проваливай отсюда и держи язык за зубами. Помни, что мы тебя не прикончили только потому, что неохота возиться с падалью, но если ты проболтаешься, о чем с тобой говорили, то...

Выразительный жест Люпуса был понятнее всяких слов.

Галатеец вышел.

Прох укоризненно покачал головой, затоптал окурок и пошел к двери.

— Назад!

Прох неохотно остановился и сунул пистолет в карман.

— Мне кажется, Люпус, что так было бы спокойней. У них нет полиции, и если бы я бросил труп в канал...

— Забудь о своей профессии, болван! Теперь ты политик. Один труп не решает вопроса и только зря привлечет к нам внимание. Нам нужны миллионы трупов, без этого невозможна настоящая власть. Научи их стрелять друг в друга. Довольно вы тут побездельничали! Завтра принимайтесь с Пинтой за работу.

— А как же правительство?

— Пока придется подождать. Ты же видишь, что сейчас ни черта не получается.

Первая проповедь Проха имела сенсационный успех. Институт Общественного Мнения зарегистрировал свыше двадцати миллионов галатейцев, собравшихся у телеэкранов и радиоприемников.

Хиндей выглядел очень эффектно в желтом клетчатом костюме и зеленом галстуке.

— Братья! — начал он, солидно высморкавшись в красный платок. — Покайтесь, братья и сестры, ибо десница божья уже поднята для разящего удара.

Велик ваш грех перед господом нашим. Мерзкие отродья дьявола бродят по Галатее, оскверняя образ божий, по

которому он создал нас с вами. Я, ребята, имею в виду рыжих. Разве этот богомерзкий цвет волос был у наших прародителей, некогда изгнанных из рая? Нет, и тысячу раз нет! — ответит каждый ревностный христианин. Рыжий цвет пошел от дьяволицы Лилит, в блуд с которой был свергнут Адам по наущению Сатаны.

Чем опасен для нас рыжий человек, если только можно применить это слово к подобным выродкам? Рыжий постоянно думает о том, что он рыжий, и душа его полна злобы на все человечество.

Мне могут возразить, что, мол, рыжих у нас на планете не больше двух процентов и потому они не представляют большой опасности. Пагубное заблуждение! Рыжие тем и опасны, что их мало. Оттого и бросают на них похотливые взгляды ваши жены и дочери, что рыжий им в диковинку.

Придет час, и рыжие настолько расплодятся на Галатее, что каждый, кто имел несчастье родиться брюнетом, блондином, шатеном или лысым (ораторская пауза, чтобы дать возможность слушателям оценить остроту), или лысым (небольшая пауза для смеха), лишится своей порции воздуха на планете.

Побивайте рыжих камнями, распинайте на крестах, сжигайте их жилища, ибо этим вы сделаете богоугодное дело.

За каждого убитого рыжего вам будут отпущены грехи, за двух рыжих бог обещает спасение, за трех рыжих — вечное блаженство. Рыжие дети до десяти лет идут по три штуки за одного взрослого.

— Молодчина, Прох! — сказал Эст после окончания проповеди. — Я и не знал, что ты родился оратором.

Люпус Эст в бешенстве ходил по комнате. Друзья трусливо опускали глаза, когда он поворачивался к ним лицом. Они хорошо знали характер диктатора.

Дела шли из рук вон плохо.

Вторая проповедь Проха собрала всего двоих слушателей. Один из них — глухой старичок, не разобравший прошлый раз ни одного слова, пришел с новым слуховым аппаратом, но в момент наивысшего накала ораторских способностей Хиндея поднялся с места и ушел. Второй (психиатр, брат жены того самого галатейца) просидел до конца, но, судя по многочисленным заметкам, которые он

делал в блокноте, и попытке после окончания проповеди проверить способность Проха запоминать многозначные числа, руководствовался чисто профессиональным интересом к проповеднику.

Не лучше подвигалось дело у Пинты. Ему удалось было сколотить штурмовой отряд из десяти галатейцев, но когда выяснилось, что речь идет не о штурме одной из горных вершин, а о каких-то других делах, о которых Пинта говорил весьма загадочно, отряд распался.

Люпус подошел к своим помощникам. Те поспешно встали.

— Дальше так действовать нельзя, — сказал он, сверля их взглядом. — Еще неделя, и мы станем посмешищем всей планеты. Необходимо менять тактику. Сегодня ночью мы захватим золотой запас Галатеи.

Было пять часов утра — самое темное время на Галатее.

Отряд продвигался к складу, сохраняя полную тишину.

Шедший первым Люпус сделал знак своим помощникам подойти к нему вплотную.

— Стрельбы не открывать, — сказал он шепотом, — охрану снимем ножами. Пинта останется охранять вход, а мы с Прохом займемся сейфами.

— Далеко до склада? — спросил прерывающимся шепотом Прох. Он очень устал тащить на себе квантовый вскрыватель сейфов.

— Вот ворота. Я иду первым. Стойте здесь. Когда будет снят часовой, я свистну.

Люпус исчез во мраке. В ночной тишине было слышно только тяжелое дыхание Хиндея.

Внезапно на складе вспыхнул свет.

— Тревога! Пожалуй, Прох, нам лучше смыться, — прошептал Пинта. — Я так и знал, что у них там автоматика!

— Прох! Пинта! — Люпус показался в освещенных воротах. — Склад не охраняется. Золото в слитках — прямо на земле. Жмите сюда!

Прошло трое суток со дня захвата склада. Пока галатейцы не проявляли по этому поводу никакого беспокойства.

Друзья сидели на слитках золота, не спуская глаз с закрытых ворот, готовые отразить любое нападение. Рядом с ними лежали лучевые пистолеты.

Прошли еще сутки, и постоянное напряжение начало утомлять. Чтобы скоротать время, Люпус предложил сыграть в покер. Играли на слитки.

...Шли шестые сутки с начала операции.

— Двести,— сказал Прох.

— Пасс,— ответил Пинта.

— Еще сто,— поднял ставку Люпус.

— И еще сто пятьдесят,— добавил Прох.

— Откройся.

— Каре королей!

Люпус тихо выругался. Уже больше двух третей золотого запаса перешли к Проху. Такая концентрация капитала и духовной власти в одних руках создавала реальную угрозу положению диктатора. Эст небрежно бросил карты. Одна из них упала на землю. Прох нагнулся, чтобы ее поднять.

Люпус был мастером своего дела. Когда затылок Проха поравнялся со стволом пистолета, ослепительный луч прошел насквозь голову новоиспеченного финансового магната.

— Зачем ты это сделал? — спросил бледный Пинта.— Что же теперь будет?

— Придется воссоединить церковь с полицией,— небрежно ответил Люпус,— поработаешь, Пинта, за двоих.

Прошло еще семь дней. Галатейцы не появлялись. Казалось, они совершенно не интересовались своим золотом.

Моросил дождь. Пинта, как мокрый воробей, сидел, втянув голову в плечи. Наученный опытом, он вежливо отклонял все предложения Эста сыграть в карты.

Кончились запасы продовольствия.

— Знаешь, Люпус,— мечтательно сказал Пинта,— в центральной тюрьме двенадцати планет все-таки было лучше, чем здесь. Кислорода, правда, там поменьше, но зато крыша над головой, горячая пища, а на прогулках можно перекинуться несколькими словами с приятелями и всегда узнать что-нибудь новенькое.

210 Люпус презрительно посмотрел на него.

— Может быть, ты рассчитываешь, что твои подвиги при захвате звездолета заставят присяжных заменить тебе смертный приговор на общественное порицание?

Пинта опустил голову.

— Конечно, Люпус, Синих Солнц нам не видеть больше, как своих ушей, но чего мы добьемся, сидя здесь на этих слитках? По-видимому, это золото им просто не нужно. Валяется на складе без всякой охраны. Никакой власти оно нам не даст. Зря мы только мокнем под дождем.

— Подождем еще денек. Золото — это всегда золото. Не может быть, чтобы они про него забыли.

Люпус был прав. К вечеру у ворот появился парламентар — старичок со слуховым аппаратом, один из слушателей второй проповеди Проха.

— Откройте ворота! — крикнул он, стараясь разглядеть через ажурную решетку лица экспроприаторов. — Сейчас придут машины за золотом!

Люпус с пистолетом в руках подошел к воротам.

— Как бы не так! Золото теперь наше, и всякий, кто попробует сюда сунуться, живым назад не уйдет!

— Это мое золото! — завизжал старичок. — Вы не имеете права захватывать чужое золото, это беспрецедентный случай!

Положение прояснилось. Наконец-то вместо таинственной, безликой массы галатейцев перед Люпусом был реальный обладатель богатств Галатей. В таких ситуациях он чувствовал себя как рыба в воде.

— Послушай! — В голосе Эста появились добродушные нотки. — Золото теперь наше, но я не хочу, чтобы новый порядок на вашей планете начался с нарушения права частной собственности. Номинально ты останешься владельцем золота, а распоряжаться им будем мы. С сегодняшнего дня все слитки поступают в фонд Промышленно-финансового банка, а ты назначаешься его директором. Думаю, что десять процентов акций тебе хватит.

— Отдайте мое золото! — продолжал кричать старичок. — Если для ваших опытов нужно золото, то я вам приготовлю несколько тонн, но не раньше, чем через неделю, а это золото я сегодня должен превратить в свинец. Вы не имеете права задерживать пробный пуск моей установки!

— В свинец? В какой свинец?! — Люпусу показалось, что он ослышался.

— В обыкновенный свинец для защиты реакторов. Я руководитель лаборатории алфизики и синтезирую тяжелые металлы из кварцевого песка. На первой установке мы не могли подняться выше золота. Эти слитки — полуфабрикат для второго каскада, превращающего золото в свинец. Отдайте мне мое золото!

— Открой ему ворота, Пинта.

Старичок вбежал в склад, быстро пересчитал слитки, и подпрыгивающей походкой направился к выходу.

— Через недельку я пришлю несколько тонн золота для ваших опытов, — крикнул он Эсту на ходу.

Люпус сплюнул и пошел к воротам.

— Куда ты, Люпус?

— Просить у этих ангелов горячее для звездолета. Решил отправиться в Страну Голубых Обезьян.

— Но они же голозады, лазают по деревьям и жрут какие-то корни.

— Ничего не поделаешь, не так уж много осталось мест в Галактике, где еще можно стать диктатором.

— А как же я? — жалобно спросил Пинта.

— Ты полетишь со мной, — ответил великодушный Эст. — Жаль, что нет Проха, он бы мне там тоже пригодился.

МОЛЕКУЛЯРНОЕ КАФЕ

Указатель Электронного Калькулятора Мишкиного поведения целую неделю стоял на отметке «отлично», и мы решили отпраздновать это событие.

Люля предложила пойти на концерт Внушаемых Ощущений, я сказал, что можно посетить Музей Запахов Алкогольных Напитков, а Мишка потребовал, чтобы мы отправились в Молекулярное Кафе.

Конечно, мы поехали в кафе, потому что ведь это Мишка вел себя хорошо и было бы несправедливо лишать его права выбора.

Мы быстро домчались туда в мыслелете. По дороге нас только один раз тряхнуло, когда я подумал, что хорошо бы заскочить на минутку в музей. К счастью, этого никто не заметил.

В кафе мы направились к красному столику, но Люля сказала, что ей больше нравится еда, синтезированная из светлой нефти, чем из темной.

Я напомнил ей, что в газетах писали, будто они совершенно равноценны.

Люля ответила, что, может быть, это и прихоть, но когда делаешь что-нибудь для своего удовольствия, то почему же не считаться и с прихотями?

Мы не стали с ней спорить, потому что мы очень любим нашу Люлю, и нам хотелось, чтобы она получила как можно больше удовольствия от посещения кафе.

Когда мы уселись за белый столик, на экране телевизора появилось изображение Робота в белой шапочке и белом халате. Улыбающийся Робот объяснил нам, что в Кафе Молекулярного Синтеза имеется триста шестьдесят блюд. Для того чтобы получить выбранное блюдо, необходимо набрать его номер на тарелках. Еще он сказал, что если мы хотим чего-нибудь, чего нет в меню, то нужно надеть на голову антенну и представить себе это блюдо. Тогда автомат выполнит наш заказ.

Я посмотрел на Мишку и понял, что мы хотим только того, чего нет в меню.

Люля заказала себе тарелку оладий, а я псевдобифштекс. Он был румяный и очень аппетитный на вид, и Люля сказала, что ей не съесть столько оладий и пусть я возьму у нее половину. Так мы и сделали, а я ей отдал половину бифштекса.

Пока мы этим занимались, Мишка уныло ковырял вилкой в изобретенном им блюде, состоящем из соленых огурцов, селедки, манной каши и малинового джема, пытаясь понять, почему иногда сочетание самого лучшего бывает такой гадостью.

Я сжалился над ним и поставил его тарелку в деструктор, а Люля сказала ему, что когда придумываешь какую-нибудь еду, нужно больше сосредоточиваться.

Тогда Мишка начал синтезировать пирожное, похожее на космический корабль, а я тем временем пытался представить себе, какой вкус имел бы приготавливающийся для меня напиток. если бы в него добавить капельку коньяку. Мне это почти удалось, но вдруг зажегся красный сигнал, и появившийся на экране Робот сказал, что у них в кафе таких вещей делать нельзя.

Люля погладила мне руку и сказала, что я бедненький и что из кафе она с Мишкой поедет домой, а я могу поехать в музей. Люля всегда заботится о других больше, чем о себе. Я ведь знал, что ей хочется на концерт Ощущений, и сказал, что я поеду домой с Мишкой, а она пусть едет на концерт. Тогда она сказала, что лучше всего, если бы мы все отправились домой и провели вечер в спокойной обстановке.

Мне захотелось сделать ей приятное, и я придумал для нее плод, напоминающий формой апельсин, вкусом мороженное, а запахом ее любимые духи. Она улыбнулась и храбро откусила большой кусок.

Мне всегда нравится, когда Люля улыбается, потому что я тогда люблю ее еще больше.

Когда мы садились в мыслелет, чтобы ехать домой, Люля сказала, что эти старинные Молекулярные Кафе — очень милая вещь, и еда в них гораздо вкуснее той, которая синтезируется у нас дома с центральной станции.

Я подумал, что это, наверное, оттого, что при синтезе еды по проводам в нее лезут разные помехи.

А вечером вдруг Люля расплакалась. Она сказала, что синтетическая пища — это гадость, что она ненавидит кибернетику и хочет жить на лоне природы, ходить пешком, доить козу и пить настоящее молоко с вкусным ржаным хлебом. И еще она сказала, что Внушаемые Ощущения это пародия на человеческие чувства.

Мишка тоже разревелся и заявил, что Калькулятор Поведения — подлая выдумка, что живший в древности мальчик по имени Том Сойер, которого он высоко ценит, прекрасно обходился без Калькулятора. Потом он сказал, что записался в кружок электроники только затем, чтобы научиться обманывать Калькулятор, и что если это ему не удастся, то он смастерит рогатку и расстреляет из нее дурацкий автомат.

Я успокаивал их, как мог, хотя я тоже подумал, что, может быть, Музей Запахов не такое уж замечательное изобретение, и еще насчет псевдобифштексов. В общем, вероятно, мы все просто утомились, заказывая себе пищу.

Потом мы легли спать.

Ночью мне снилось, что я вступил в единоборство с медведем и что мы все сидели у костра и ели вкусное медвежье мясо, пахнущее кровью и дымом.

Мишка засовывал в рот огромные куски, а Люля улыбалась мне своей чудесной, немного смущенной улыбкой.

Трудно представить себе, как я был счастлив во сне, потому что, не помню, говорил ли я об этом, я очень люблю Люлю и Мишку.

А когда я проснулся, то оказалось, что вся эта ерунда про кафе мне просто приснилась, и тогда я написал этот рассказ, потому что мне кажется, что если каждому кибернетику во всем давать полную волю, то результат может быть не очень хороший.

Нужно, чтобы все люди за ними немножко присматривали.

ФАНТАСТИКА РЕЯ БРЕДБЕРИ

Серые глаза, смотрящие очень серьезно, прямой нос, крепко стиснутый рот, красиво посаженная голова с коротко остриженными волосами. Лицо это кажется олицетворением ясности, воли и силы, и трудно поверить, что этот человек может быть и бесконечно нежным, и страстным, и одновременно жестоким и мрачным до ужаса. Простым, как трава, цветы и деревья, и колеблющимся и раздвоенным, словно в его теле живут две души, борющиеся друг с другом.

Таков портрет американского писателя Рея Дугласа Бредбери.

Его называют «надеждой и славой Америки», и в то же время фашистские организации посылают ему анонимные смертные приговоры с угрозами привести их в действие, если он не изменит своей общественной позиции. Что ж, в этом нет ничего удивительного: он живет в мире, раздираемом противоречиями, и это не могло не отразиться на его творчестве.

По всем американским нормам он настоящий счастливчик. Ему только что исполнилось сорок два года, но за его плечами уже двадцать один год литературного стажа, а по его мнению, даже больше: с двенадцати лет он начал писать научно-фантастические рассказы на игрушечной пишущей машинке. Им написано девять книг — семь сборников научно-фантастических рассказов, один роман-утопия и повесть о детстве «Вино из одуванчиков». Его пьеса «Лука» идет во многих американских театрах, а по его сценарию поставлен один из лучших в мире фильмов «Моби Дик», где роль капитана Ахава играет прославленный Грегори Пек.

Дважды он получал премию имени О. Генри — честь, которой даже однократно удостоились не многие писатели, и в четвертый раз американское Общество научно-фантастических писателей избирает его своим президентом. Он живет в чудесном светлом доме в Лос-Анжелосе вместе с молодой женой и пятью маленькими дочерьми. Счастье? Да, человеческое счастье, но этого мало для писателя, чья совесть мучительно раздираема противоречиями нашего ве-

ликолепного и яростного, разобщенного, но стремящегося к единству мира.

Американский писатель Ирвинг Стоун, недавно приезжавший в СССР, на встрече с московскими писателями сказал, что после смерти всех «великих» в Соединенных Штатах есть только два писателя, которых он назвал «почти гениальными», — Сэллинджер и Бредбери. Это сближение не случайно: оно говорит о том, что Бредбери нужно рассматривать не в общем потоке американской научной фантастики, а рядом с самыми высокими образцами литературы, с давно или недавно ушедшими Томасом Вулфом, Уильямом Фолкнером и Эрнестом Хемингуэем.

Это не личная точка зрения Ирвинга Стоуна. Американская критика не очень часто причисляет творчество Рея Бредбери к жанру научно-фантастической литературы. Чаще всего его именуют «моралистом», называют его произведения «моральными и социальными фантазиями», подчеркивая, что фантастическая сторона событий интересует его больше, чем научная.

Писатель и сам не очень это скрывает. «Техническая сторона научной фантастики, — говорит он, — интересовала меня неизмеримо меньше, чем связанные с ней моральные и социальные вопросы — влияние техники на отношения между людьми. Поэтому в моих книгах малыши то и дело находят научные ляпсусы. Сейчас я ищу способ отделаться от малышей...»

Но ему никогда не отделаться от темы молодости, от темы детства. Какие чистые и светлые просторы открываются нам в его повести «Вино из одуванчиков», где описано ничем не омраченное детство мальчика! Это мир, пронизанный запахом света, прелестью только что законченного детского сновидения, страна нежного и мужественного труда, неотделимого от бесконечной, как музыка, игры: трава должна расти, потому что это ее работа, деревья должны раскидывать ветки, бросающие прохладные тени, потому что это — их ремесло. Свет должен струиться сквозь облака и листья, как песок из горсти утекает между пальцами, — ведь он сам Время, а Время не может умереть.

Сколько в «машине счастья», которую выдумал мальчик, герой повести, непоколебимой веры в победу добра над злом! И кажется, что свет падает на наши лица, когда мы раскрываем эту книгу и перелистываем ее страницы!

И рядом с этим рассказ «Детская площадка». Это жестокий мир зла, боли, насилия, несправедливости, бессмысленной, никому не нужной борьбы. Это модель капиталистического общества, ад экзистенциалистов — Сартра, Камю и Феллини, где человек обречен лишь на одну свободу — быть одиноким!

Мальчик-герой рассказа «Здравствуй-прощай» не хочет становиться взрослым: ведь взрослыми создан в его стране тот ад, который является единственным для него миром. И вот случается чудо: герой навеки остается мальчиком, но он вынужден бродить по стране, чтобы никто не узнал о его волшебном даре. Побыв в одном городе, он идет в другой, чтобы, постучав в незнакомую дверь, увидеть добрых людей, которые дадут ему стакан холодного молока, ломоть теплого ржаного хлеба и предложат ему ночлег. Нет, человечество не может всегда остаться таким, каким было в золотой век, оно должно развиваться, иначе ему суждена вечная участь Атасфера — такова грустная мысль писателя.

Нет, Бредбери не страшится технического прогресса, как наивно можно подумать. Он только скорбит о том, что в его стране прогресс технический не сопровождается прогрессом социальным. А это неизбежно поведет к одичанию и вырождению человека, к жестокой тирании, войнам и истреблению человечества, покончившего самоуправством в припадке социального безумия.

Центральным произведением Бредбери, где он наиболее остро и наиболее художественно ярко выразил свои опасения, является пессимистическая утопия, или, вернее, роман-предостережение «451 градус по Фаренгейту», вышедший десять лет назад.

Конечно, Герберт Уэллс, до последней своей минуты яростно беривший в социализм и написавший первый в мире роман о будущем коммунистическом обществе «Люди-боги», никак не мог думать, что его «Машина времени» является изображением реального будущего. Это был роман-памфлет о том, к чему может привести распад общества на антагонистические классы, когда социальные категории будут превращаться в биологические закономерности. Это было повествование об ужасном «существовании» классов, к которому в те годы призывали буржуазные реформаторы, прикрывая это стыдливым лозунгом «мир в промышленности».

Подобно Уэллсу, Бредбери рисует проекцию американского общества на фоне близкого будущего. Жестокий сумрачный мир открывается перед нами, и, кажется, сами страницы книги лишь при одном прикосновении к ним вызывают леденящий ужас. Казалось бы, перед человечеством открылась эра безмятежного счастья: все за людей делают машины — готовят, стирают, убирают дома. Нет и производства — оно передано совершенным роботам. Все навеки стабилизировалось. Но вместе с трудом, с поиском исчез и человеческий интеллект. Все стены комнат превращены в гигантские телевизоры, которые грохотом и лязгом оглушают людей, сводя их мысли к нескольким несложным формулам, а ночью их одуряет наркотический сон. Сожжение книг, с которого Гитлер начал свою государ-

ственную деятельность, превратилось в одну из почетнейших профессий: по первому сигналу, что где-то обнаружена книга, «пожарники» мчатся на место преступления и сжигают дом, поливая его из огнетушителей. В стабилизированном обществе нет места свободной мысли, иначе нарушилось бы равновесие: ведь даже клочок исписанной бумаги — это реализация человеческой мысли. Отсюда и заглавие книги: бумага загорается при 451 градусе по Фаренгейту...

Но и в этом мертвящем мире, сохраняющем неустойчивое равновесие на грани истребительной термоядерной войны, где-то подспудно бьется человеческая мысль. Группы бродяг, бежавших из городов, собравшись где-нибудь у костра на обочине дороги, делятся друг с другом крупными сокровищами человеческой культуры, которые им удалось сохранить. Каждый из них вызубрил наизусть какую-нибудь книгу. «Я — Шекспир», говорит один. «А я — Фауст», — отвечает испитой голодный бродяга в лохмотьях, «А я — хижина дяди Тома»..

Так глубоко оптимистически заканчивает книгу писатель: человека можно убить, можно уничтожить, но победить его нельзя, как нельзя истребить его бессмертную мысль.

Трудно в небольшой заметке рассказать обо всем разнообразии творчества этого замечательного писателя, а тем более показать его на фоне всей научной фантастики Соединенных Штатов. Литература этого рода существует в Америке в разных «этажах» — в дорогих, хорошо изданных книгах, выходящих на равных правах с лучшими книгами других писателей, в дешевых книгах в мягких обложках, рассчитанных на менее притязательных читателей, и в грошовых журнальчиках для ватного чтения, которые можно купить за медяк. Но книги Бредбери живут одновременно во многих этажах, выходят тиражом в 150—175 тысяч экземпляров и многократно переиздаются.

Секрет успеха произведений Рея Бредбери не в дешевых сенсационных приключениях, которых нет в его книгах. Литературные снобы высоко ценят его необычайный стиль, своеобразно неповторимый, где в одной фразе сталкиваются как будто несовместимые слова, ценят его парадоксальные философские идеи. Но простым людям Америки и всего мира он дорог верой в новое Возрождение, как он называет ясный и светлый будущий мир, дорог тревогой за судьбу людей, своих современников — ведь только о них он и пишет, — и всего человечества. «Люди, еще не поздно одуматься, — говорит он, — Будьте бдительны, еще есть время, еще не поздно!»

В этом сборнике научно-фантастических произведений представлены разные рассказы Бредбери, не издававшиеся в Советском Союзе. «И грянул гром» из сборника «Золотые яблоки Солнца» — образец фантастики Бредбери. В нем есть и машина времени, и охота на дино-

завров, но главное здесь — большая философская мысль о взаимосвязанности всего в природе — идея, над которой сейчас бьются ученые многих специальностей, так как она имеет огромное практическое значение при вторжении человека в хозяйство природы.

Остальные рассказы взяты из сборника «Марсианские хроники». Книга эта представляет собой нечто вроде связанного вместе цикла рассказов. В одном из завершающих рассказов книги «Будет ласковый дождь» Бредбери повторяет частые пророчества американских газет о гибели всей земной цивилизации. Но из других рассказов мы узнаем, что человечество не погибло: лучшие переселились на Марс. Это любимые герои Бредбери — космонавты, строители, шиферы, садоводы — простые, скромные, но великие духом творцы, подобные герою великолепного рассказа «Зеленое утро».

Рей Бредбери ищет перемен, поэтому с непоколебимым оптимизмом он обращается к тем, кто не боится этих перемен: к смелой и беспокойной молодости. «В наше время радость существования, — пишет он, — заключается в том, чтобы помогать юношам отыскивать пути к Новым рубежам, в том, чтобы начать у нас свое собственное Возрождение. Если я когда-нибудь утрачу это ощущение, эту потребность, я навсегда откажусь от научной фантастики».

И ГРЯНУЛ ГРОМ

Объявление на стене расплылось, словно его затянуло пленкой скользящей теплой воды. Экельс почувствовал, как веки, смыкаясь, на долю секунды прикрыли зрачки, но и в мгновенном мраке горели буквы:

A-0

САФАРИ ВО ВРЕМЕНИ

ОРГАНИЗУЕМ САФАРИ В ЛЮБОЙ ГОД ПРОШЛОГО.

Вы выбираете добычу.

Мы доставляем Вас на место.

ВЫ УБИВАЕТЕ ЕЕ.

В глотке Экельса скопилась теплая слизь; он судорожно глотнул. Мускулы вокруг рта растянули губы в улыбку, когда он медленно поднял руку, в которой покачивался чек на десять тысяч долларов, предназначенный для человека за конторкой.

— Вы гарантируете, что я вернусь из сафари * живым?

— Мы ничего не гарантируем,— ответил служащий,— кроме динозавров.— Он повернулся.— Вот мистер Тревис,

---

* Са ф а р и — охотничья экспедиция. (Прим перев)

он будет вашим проводником в Прошлое. Он скажет вам, где и когда стрелять. Если скажет «не стрелять», значит — не стрелять. Не выполните его распоряжения, по возвращении заплатите штраф — еще десять тысяч, кроме того, ждите неприятностей от правительства.

В дальнем конце огромного помещения конторы Экельс видел нечто причудливое и неопределенное, извивающееся и гудящее переплетение проводов и стальных кожухов, переливающийся яркий ореол — то оранжевый, то серебристый, то голубой. Гул был такой, словно само Время горело на могучем костре, словно все годы, все даты летописей, все дни свалили в одну кучу и подожгли.

Одно прикосновение руки — и тотчас это горение послушно даст задний ход. Экельс помнил каждое слово объявления. Из пепла и праха, из пыли и золы восстанут, будто золотистые саламандры, старые годы, зеленые годы, розы усадят воздух, седые волосы станут черными, исчезнут морщины и складки, все и вся повернет вспять и станет семенем, от смерти ринется к своему истоку, солнца будут всходить на западе и погружаться в зарево востока, луны будут убывать с другого конца, все и вся уподобится цыпленку, прячущемуся в яйцо, кроликам, ныряющим в шляпу фокусника, все и вся познает новую смерть, смерть семени, зеленую смерть, возвращение в пору, предшествующую зачатию. И это будет сделано одним лишь движением руки...

— Черт возьми, — выдохнул Экельс; на его худом лице мелькали блики света от Машины. — Настоящая Машина времени! — Он покачал головой. — Подумать только! Закончись выборы вчера иначе, и я сегодня, быть может, пришел бы сюда спастись бегством. Слава богу, что победил Кейт. У Соединенных Штатов будет хороший президент.

— Вот именно, — отозвался человек за конторкой. — Нам повезло. Если бы выбрали Дойчера, не миновать нам жесточайшей диктатуры. Этот тип против всего на свете — против мира, против веры, против человечности, против разума. Люди звонили нам и спрашивались — шутя, конечно, а впрочем... Дескать, если Дойчер будет президентом, нельзя ли перебраться в 1492 год. Да только не наше это дело — побеги устраивать. Мы организуем сафари. Так или иначе, Кейт — президент, и у вас теперь одна забота...

— ...убить моего динозавра,— закончил фразу Экельс.
— *Tyrannosaurus rex*. Громогласный Ящер, отвратительнейшее чудовище в истории планеты. Подпишите вот это. Что бы с вами ни произошло, мы не отвечаем. У этих динозавров зверский аппетит.

Экельс вспыхнул от возмущения.

— Вы пытаетесь испугать меня?

— По чести говоря, да. Мы вовсе не желаем отправлять в прошлое таких, что при первом же выстреле ударяются в панику. В том году погибло шесть руководителей и дюжина охотников. Мы предоставляем вам случай испытать самое чертовское приключение, о каком только может мечтать *настоящий* охотник. Путешествие на шестьдесят миллионов лет назад и величайшая добыча всех времен! Вот ваш чек. Порвите его.

Мистер Экельс долго смотрел на чек. Пальцы его дрожали.

— Ни пуха, ни пера,— сказал человек за конторкой.— Мистер Тревис, займитесь клиентом.

Неся ружья в руках, они молча прошли через комнату к Машине, к серебристому металлу и рокошущему свету.

Сперва день, затем ночь, опять день, опять ночь; потом — день — ночь — день — ночь — день. Неделя, месяц, год, десятилетие! 2055 год. 2019 год. 1999! 1957! Мимо! Машина редела.

Они надели кислородные шлемы, проверили наушники.

Экельс качался на мягком сиденье — бледный, зубы стиснуты. Он ощутил судорожную дрожь в руках, посмотрел вниз и увидел, как его пальцы сжали новое ружье. В Машине было еще четверо. Тревис — руководитель сафари, его помощник — Лесперанс и два охотника — Биллинг и Крэмер. Они сидели, глядя друг на друга, а мимо, точно вспышки молний, проносились годы.

— Это ружье может убить динозавра? — вымолвили губы Экельса.

— Если верно попадешь,— ответил в наушниках Тревис.— У некоторых динозавров два мозга: один в голове, другой ниже по позвоночнику. Таких мы не трогаем. Лучше не злоупотреблять своей счастливой звездой. Первые две пули в глаза, если сумеете, конечно. Ослепили, тогда бейте в мозг.

Машина взвыла. Время было словно кинолента, пущенная обратным ходом Солнца летели вспять, за ними мчались десятки миллионов лун.

— Господи,— произнес Экедьс.— Все охотники, когда-либо жившие на свете, позавидовали бы нам сегодня. Тут тебе сама Африка покажется Иллинойсом.

Машина замедлила ход, вой сменился ровным гулом. Машина остановилась.

Солнце остановилось на небе.

Мгла, окружавшая Машину, рассеялась, они были в древности, глубокой-глубокой древности, три охотника и два руководителя, у каждого на коленях ружье — голубой вороненый ствол.

— Христос еще не родился,— сказал Тревис.— Моисей не ходил еще на гору беседовать с богом. Пирамиды лежат в земле, камни для них еще не обтесаны и не сложены. *Помните об этом.* Александр, Цезарь, Наполеон, Гитлер — никого из них нет.

Они кивнули.

— Вот,— мистер Тревис указал пальцем,— вот джунгли за шестьдесят миллионов две тысячи пятьдесят пять лет до президента Кейта.

Он показал на металлическую тропу, которая через распаренное болото уходила в зеленые заросли, извиваясь между огромными папоротниками и пальмами.

— А это,— объяснил он,— Тропа, проложенная здесь для охотников Компанией. Она парит над землей на высоте шести дюймов. Не задевает ни одного дерева, ни одного цветка, ни одной травинки. Сделана из антигравитационного металла. Ее назначение — изолировать вас от этого мира прошлого, чтобы вы ничего не коснулись. Держитесь Тропы. Не сходите с нее. Повторяю: *не сходите с нее. Ни при каких обстоятельствах!* Если свалитесь с нее — штраф. И не стреляйте ничего без нашего разрешения.

— Почему? — спросил Экедьс.

Они сидели среди древних зарослей. Ветер нес далекие крики птиц, нес запах смолы и древнего соленого моря, запах влажной травы и кроваво-красных цветов.

— Мы не хотим изменять Будущее. Здесь, в Прошлом, мы незваные гости. Правительство *не одобряет* наши экскурсии. Приходится платить немалые взятки, чтобы нас не лишили концессии. Машина времени — дело щекотли-

вое. Сами того не зная, мы можем убить какое-нибудь бажное животное, пичугу, жука, раздавить цветок и уничтожить важное звено в развитии вида.

— Я что-то не понимаю,— сказал Экельс.

— Ну, так слушайте,— продолжал Тревис.— Допустим, мы случайно убили здесь мышь. Это значит, что всех будущих потомков этой мыши уже не будет — верно?

— Да.

— Не будет потомков от потомков от всех ее потомков! Значит, неосторожно ступив ногой, вы уничтожаете не одну, и не десяток, и не тысячу, а миллион — *миллиард* мышей!

— Хорошо, они сдохли,— согласился Экельс.— Ну и что?

— Что? — Тревис презрительно фыркнул.— А как с лисами, для питания которых нужны были именно эти мыши? Не хватит десяти мышей — умрет одна лиса. Десятью лисами меньше — подохнет от голода лев. Одним львом меньше — погибнут всевозможные насекомые и стервятники, сгинет неисчислимое множество форм жизни. И вот итог: через пятьдесят девять миллионов лет пещерный человек, один из дюжины, населяющей *весь мир*, гонимый голодом выходит на охоту за кабаном или саблезубым тигром. Но вы, друг мой, раздавив *одну мышь*, тем самым раздавили *всех* тигров в этих местах. И пещерный человек умирает от голода. А этот человек, заметьте себе,— не просто *один человек*, нет! *Это целый будущий народ*. Из его чресел вышло бы десять сыновей. От них произошло бы сто — и так далее, и возникла бы целая цивилизация. Уничтожьте одного человека — и вы уничтожите целое племя, народ, историческую эпоху. Это все равно что убиить одного из внуков Адама. Раздавите ногой мышь — это будет равносильно землетрясению, которое исказит облик всей земли, в корне изменит наши судьбы. Гибель одного пещерного человека — смерть миллиарда его потомков, задушенных во чреве. Может быть, Рим не появится на своих семи холмах. Европа навсегда останется глухим лесом, только в Азии расцветет пышная жизнь. Наступите на мышь — и вы сокрушите пирамиды. Наступите на мышь — и вы оставите на Вечности вмятину величиной с Великий Каньон. Не будет королевы Елизаветы, Вашингтон не перейдет Делавер. Соединенные Штаты

вообще не появятся. Так что будьте осторожны. Держитесь Тропы. *Никогда* не сходите с нее!

— Понимаю,— сказал Экельс.— Но тогда, выходит, опасно касаться даже *травы*?

— Совершенно верно. Нельзя предсказать, к чему приведет гибель того или иного растения. Малейшее отклонение сейчас неизмеримо возрастет за шестьдесят миллионов лет. Разумеется, не исключено, что наша теория ошибочна. Быть может, мы не в состоянии повлиять на Время. А если и в состоянии, то очень незначительно. Скажем, мертвая мышь ведет к небольшому отклонению в мире насекомых, дальше — к угнетению вида, еще дальше — к неурожаю, депрессии, голоду, наконец к изменениям социальным. А может быть, итог будет совсем незаметным — легкое дуновение, шепот, волосок, пылинка в воздухе, такое, что сразу не увидишь. Кто знает? Кто возьмется предугадать? Мы не знаем — только гадаем. И покуда нам не известно совершенно точно, что наши вылазки во Времени для истории — гром или легкий шорох, надо быть чертовски осторожным. Эта Машина, эта Тропа, ваша одежда, вы сами, как вам известно,— все обеззаражено. И назначение этих кислородных шлемов — помешать нам внести в древний воздух наши бактерии.

— Но откуда мы знаем, каких зверей убивать?

— Они помечены красной краской,— ответил Тревис.— Сегодня, перед нашей отправкой, мы послали сюда на Машине Лесперанса. Он побывал как раз в этом Времени и проследил за некоторыми животными.

— Изучал их?

— Вот именно,— отозвался Лесперанс.— Я прослеживаю всю их жизнь и отмечаю, какие особи живут долго. Таких очень мало. Сколько раз они спариваются? Редко... Жизнь коротка. Найдя зверя, которого подстерегает смерть под упавшим деревом или в асфальтовом озере, я отмечаю час, минуту, секунду, когда он гибнет. Затем стреляю красящей пулей. Она оставляет на коже красную метку. И когда экспедиция отбывает в Прошлое, я рассчитываю все так, чтобы мы явились минуты за две до того, как животное все равно погибнет. Так что мы убиваем только те особи, у которых нет будущего, которым и без того уже не спариваться. Видите, насколько мы осторожны?

— Но если вы утром побывали здесь,— взволнованно заговорил Экельс,— то должны были встретить нас, нашу экспедицию! Как она прошла? Успешно? Все остались живы?

Тревис и Лесперанс переглянулись.

— Это было бы парадоксом,— сказал Лесперанс.— Такой путаницы, чтобы человек встретил самого себя. Время не допускает. Если возникает такая опасность, Время делает шаг в сторону. Вроде того, как самолет проваливается в воздушную яму. Вы заметили, как Машину тряхнуло перед самой нашей остановкой? Это мы миновали самих себя по пути обратно в Будущее. Но мы не видели ничего. Поэтому невозможно сказать, удалась ли наша экспедиция, уложили ли мы зверя, вернулись ли мы, вернее, вы, мистер Экельс, обратно живые.

Экельс бледно улыбнулся.

— Ну, все,— отрезал Тревис.— Встали?

Пора было выходить из Машины.

Джунгли были высокие, и джунгли были широкие, и джунгли были навеки всем миром. Воздух наполняли звуки, словно музыка, словно паруса бились в воздухе — это летели, будто исполинские летучие мыши из кошмара, из бреда, махая огромными, как пещерный свод, серыми крыльями, птеродактили. Экельс, стоя на узкой Тропе, шутя прицелился.

— Эй, бросьте! — скомандовал Тревис.— Даже в шутку не целитесь, черт бы вас побрал! Вдруг выстрелит...

Экельс покраснел.

— Где же наш Tugannosaurus?

Лесперанс взглянул на свои часы.

— На подходе. Мы встретимся ровно через шестьдесят секунд. И ради бога — не прозевайте красное пятно. Пока не скажем, не стрелять. И не сходите с Тропы. Не сходите с Тропы!!

Они шли навстречу утреннему ветерку.

— Странно,— пробормотал Экельс.— Перед нами — шестьдесят миллионов лет. Выборы прошли. Кейт стал президентом. Все празднуют победу. А мы — здесь, все эти миллионы лет словно ветром сдуло, их нет. Всего того, что заботило нас на протяжении нашей жизни, еще нет и в помине, даже в проекте.

— Приготовиться! — скомандовал Тревис. — Первый выстрел ваш, Экельс. Биллингс — второй номер. За ним — Крэмер.

— Я охотился на тигров, кабанов, буйволов, слонов, но видит бог: это совсем другое дело, — произнес Экельс. — Я дрожу, как мальчишка.

— Тихо, — сказал Тревис.

Все остановились.

Тревис поднял руку.

— Впереди, — прошептал он. — В тумане. Он там. Встречайте Его Королевское Величество.

Безбрежные джунгли были полны щебета, шороха, бормотанья, вздохов.

Вдруг все смолкло, точно кто затворил дверь.

Тишина.

Раскат грома.

Из мглы ярдах в ста впереди появился *Tyrannosaurus* гех.

— Силы небесные! — пролепетал Экельс.

— Тсс!

Оно шло на огромных, лоснящихся, пружинящих, мягко ступающих ногах.

Оно на тридцать футов возвышалось над лесом — великий бог зла, прижавший хрупкие руки часовщика к маслянистой груди рептилии. Ноги — могучие поршни, тысяча фунтов белой кости, оплетенные тугими канатами мышц под блестящей морщинистой кожей, подобной кольчуге грозного воина. Каждое бедро — тонна мяса, слоновой кости и кольчужной стали. А из громадной вздымающейся грудной клетки торчали две тонкие руки, руки с пальцами, которые могли подобрать и исследовать человека, будто игрушку. Извивающаяся змеяная шея легко вздымала к небу тысячекилограммовый каменный монолит головы. Разверстая пасть обнажала частокол зубов-кинжалов. Вращались глаза — страусовые яйца, не выражая ничего, кроме голода. Оно сомкнуло челюсти в злобном оскале. Оно побежало, и задние ноги смяли кусты и деревья, и когти вспороли сырую землю, оставляя следы шестидюймовой глубины. Оно бежало скольльзящим балетным шагом, неправдоподобно уверенно и легко для десятитонной машины. Оно настороженно вышло на залитую солн-

цем прогалину и пощупало воздух своими красивыми чешуйчатыми руками.

— Господи! — Губы Экельса дрожали. — Да оно, если вытянется, луну достать может.

— Тсс! — сердито зашипел Тревис. — Оно еще не заметило нас.

— Его нельзя убить. — Экельс произнес это спокойно, словно заранее отметил все возражения. Он взвесил показания очевидцев и вынес окончательное решение. Ружье в его руках было словно пугач. — Идиоты, и что нас сюда принесло... Это же невозможно.

— Молчать! — рявкнул Тревис.

— Кошмар...

— Кругом! — скомандовал Тревис. — Спокойно возвращайтесь в Машину. Половина суммы будет вам возвращена.

— Я не ждал, что оно окажется таким огромным, — сказал Экельс. — Одним словом, просчитался. Нет, я участвовать не буду.

— Оно заметило нас!

— Вон красное пятно на груди!

Громогласный Ящер выпрямился. Его бронированная плоть сверкала, словно тысяча зеленых монет. Монеты покрывала жаркая слизь. В слизи копошились мелкие козявки, и все тело переливалось, будто по нему пробегали волны, даже когда чудовище стояло неподвижно. Оно глуходохнуло. Над поляной повис запах сырого мяса.

— Помогите мне уйти, — сказал Экельс. — Раньше все было иначе. Я всегда знал, что останусь жив. Были надежные проводники, удачные сафари, никакой опасности. На сей раз я просчитался. Это мне не по силам. Признаюсь. Орешек не по моим зубам.

— Не бегите, — сказал Лесперанс. — Поверните кругом. Спрячьтесь в Машине.

— Да. — Казалось, Экельс окаменел. Он поглядел на свои ноги, словно пытался заставить их двигаться. Он застонал от бессилия.

— Экельс!

Он сделал шаг-другой, зажмурившись, волоча ноги.

— *Иде в ту сторону!*

Едва он двинулся с места, как чудовище с ужасающим воем ринулось вперед. Сто ярдов оно покрыло за четыре

секунды. Ружья взметнулись вверх и дали залп. Из пасти зверя вырвался ураган, обдав людей запахом слизи и крови. Чудовище взревело, его зубы сверкали на солнце.

Не оглядываясь, Экельс слепо шагнул к краю Тропы, сошел с нее и, сам того не сознавая, направился в джунгли; ружье бесполезно болталось в руках. Ступни тонули в зеленом мху, ноги влекли его прочь, он чувствовал себя одиноким и далеким от того, что происходило за его спиной.

Снова затрещали ружья. Выстрелы потонули в громовом реве ящера. Могучий хвост рептилии дернулся, точно кончик бича, и деревья взорвались облаками листьев и веток. Чудовище протянуло вниз свои руки ювелира — погладить людей, разорвать их пополам, раздавить, как ягоды, и сунуть в пасть, в ревушую глотку! Глыбы глаз очутились возле людей. Они увидели свое отражение. Они открыли огонь по металлическим векам и пылающим черным зрачкам.

Словно каменный идол, словно горный обвал рухнул Туганпосаугус. Рыча, он цеплялся за деревья и валил их. Зацепил и смял металлическую Тропу. Люди бросились назад, отступая. Десять тонн холодного мяса, как утес, грохнулись о землю. Ружья дали еще залп. Чудовище ударило бронированным хвостом, щелкнуло змеящими челюстями и затихло. Из горла фонтаном била кровь. Где-то внутри лопнул бурдюк с жидкостью, и зловонный поток захлестнул охотников. Они стояли неподвижно, облитые чем-то блестящим, красным.

Гром смолк.

В джунглях воцарилась тишина. После обвала — зеленый покой. После кошмара — утро.

Биллингс и Крэмер сидели на Тропе; им было плохо. Тревис и Лесперанс стояли рядом, держа дымящиеся ружья и чертыхаясь.

Экельс, весь дрожа, лежал ничком в Машине времени. Каким-то образом он выбрался обратно на Тропу и добрал до Машины.

Подошел Тревис, глянул на Экельса, достал из ящика марлю и вернулся к тем, что сидели на Тропе.

— Оботритесь.

Они стерли со шлемов кровь. И тоже принялись чертыхаться. Чудовище лежало неподвижно. Гора мяса, из недр

которой доносилось бульканье, вздохи — это умирали клетки, органы переставали действовать, и соки последний раз текли по своим ходам, все отключалось, навсегда выходя из строя. Точно вы стояли возле разбитого паровоза или закончившего рабочий день парового катка — все клапаны открыты или плотно зажаты. Затрещали кости: вес мышц, ничем не управляемый, мертвый вес раздавил тонкие руки, притиснутые к земле. Колыхаясь, мясо приняло покойное положение.

Вдруг снова грохот. Высоко над ними сломался исполнский сук. С гулом он обрушился на безжизненное чудовище, как бы окончательно утверждая его гибель.

— Так. — Лесперанс поглядел на часы. — Минута в минуту. Это тот самый сук, который должен был его убить. — Он обратился к двум охотникам. — Фотография трофея вам нужна?

— Что?

— Мы не можем увозить добычу в Будущее. Туша должна лежать здесь, на своем месте, чтобы ею могли питаться насекомые, птицы, бактерии. Равновесие нарушать нельзя. Поэтому добычу оставляют. Но мы можем сфотографировать вас возле нее.

Охотники сделали над собой усилие, пытаясь думать, но сдались, тряся головой.

Они послушно дали отвести себя в Машину. Устало опустились на сиденья. Тупо оглянулись на поверженное чудовище — немой курган. На остывающей броне уже копошились золотистые насекомые, сидели причудливые птицеядщеры.

Внезапный шум заставил охотников оцепенеть: на полу Машины, дрожа, сидел Экельс.

— Простите меня, — сказал он.

— Встаньте! — рявкнул Тревис.

Экельс встал.

— Ступайте на Тропу, — скомандовал Тревис. Он поднял ружье. — Вы не вернетесь с Машиной. Вы останетесь здесь!

Лесперанс перехватил руку Тревиса.

— Постой...

— А ты не суйся! — Тревис стряхнул его руку. — Из-за этого подонка мы все чуть не погибли. Но главное даже не это. Нет, черт возьми, ты погляди на его башмаки! Гляди! Он соскочил с Тропы. Понимаешь, чем это нам

грозит? Один бог знает, какой штраф нам прилепят! Десятки тысяч долларов! Мы гарантируем, что никто не сойдет с Тропы. Он сошел. Идиот чертов! Я обязан доложить правительству. И нас могут лишить концессии на эти сафари. А какие последствия будут для Времени, для Истории!?

— Успокойся, он набрал на подошвы немного грязи — только и всего.

— Откуда мы можем *знать*? — крикнул Тревис. — Мы ничего не знаем! Это же все сплошная загадка! Шагом марш, Экельс!

Экельс полез в карман.

— Я заплачу сколько угодно. Сто тысяч долларов!

Тревис покосился на чековую книжку и плюнул.

— Ступайте! Чудовище лежит возле Тропы. Суньте ему руки по локоть в пасть. Потом можете вернуться к нам.

— Это несправедливо!

— Зверь мертв, ублюдок несчастный. Пули! Пули не должны оставаться здесь, в Прошлом. Они могут повлиять на развитие. Вот вам нож. Вырежьте их!

Джунгли опять пробудились к жизни и наполнились древними шорохами, птичьими голосами. Экельс медленно повернулся и остановил взгляд на доисторической падали, горе кошмаров и ужасов. Наконец, словно лунатик, побрел по Тропе.

Пять минут спустя он, дрожа всем телом, вернулся к Машине; его руки были по локоть красными от крови. Он протянул вперед обе ладони. На них блестели стальные пули. Потом он упал. Он лежал там, где упал, недвижимый.

— Напрасно ты его заставил это делать, — сказал Лесперанс.

— Напрасно? Об этом рано судить. — Тревис толкнул неподвижное тело. — Не помрет. Больше его не потянет за такой добычей. А теперь, — он сделал вялый жест рукой, — включай. Двигаемся домой.

1492. 1776. 1812.

Они умыли лицо и руки. Они сняли заскорузлые от крови рубахи, брюки и надели все чистое. Экельс пришел в себя, но сидел молча. Тревис добрых десять минут в упор смотрел на него.

— Не глядите на меня,— вырвалось у Экельса.— Я ничего не сделал.

— Кто знает...

— Я только соскочил с Тропы и вымазал башмаки глиной. Чего вы от меня хотите? Чтобы я вас на коленях умолял?

— Это не исключено. Предупреждаю вас, Экельс, может еще случиться, что я вас убью. Ружье заряжено.

— Я не виноват. Я ничего не сделал!

1999. 2000. 2055.

Машина остановилась.

— Выходите,— скомандовал Тревис.

Комната была такая же, как прежде. Хотя, нет, не совсем такая же... Тот же человек сидел за той же конторкой. Нет, не совсем тот же человек, и конторка не та же.

Тревис быстро обвел помещение взглядом.

— Все в порядке? — буркнул он.

— Конечно. С благополучным возвращением!

Но настороженность не покидала Тревиса. Казалось, он проверяет каждый атом воздуха, придирчиво исследует свет солнца, падающий из высокого окна.

— О-кей, Экельс, выходите. И больше никогда не попадитесь мне на глаза.

Экельс будто окаменел.

— Ну? — поторопил его Тревис.— Что вы там такое увидели?

Экельс медленно вдыхал воздух — с воздухом что-то произошло, какое-то химическое изменение, настолько незначительное, неуловимое, что лишь слабый голос подсознания говорил Экельсу о перемене. И краски — белая, серая, синяя, оранжевая, на стенах, мебели, в небе за окном — они... они... да что с ними случилось? А тут еще это ощущение. По коже бежали мурашки. Руки дергались. Всеми порами тела он улавливал нечто странное, чужеродное. Будто где-то кто-то свистнул в свисток, который слышат только собаки. И его тело беззвучно откликнулось. За окном, за стенами этого помещения, за спиной человека (который был не тем человеком) у перегородки (которая была не той перегородкой) — целый мир улиц и людей. Но как отсюда определить, что это за мир теперь, что за люди? Он буквально чувствовал, как они движутся там, за стенами,— словно шахматные фигурки, влекомые сухим ветром...

Зато сразу бросалось в глаза объявление на стене. Объявление, которое он уже читал сегодня, когда впервые вошел сюда.

Что-то в нем было не так.

A-O

САФАРИ ВО ВРЕМЕНИ

АРГАНИЗУЕМ СОФАРИ ВЛЮБОЙ ГОД ПРОШЛОВО.

**Вы выбираете дабычу.
Мы даставляем Вас наместо.**

ВЫ УБЕВАЕТЕ ЕЕ.

Экельс почувствовал, что опускается на стул. Он стал лихорадочно скрести грязь на башмаках. Его дрожащая рука подняла липкий ком.

— Нет, не может быть! Из-за такой малости... Нет!

На комке было отливающее зеленью, золотом и чернью пятно — бабочка, очень красивая... мертвая.

— Из-за такой малости! Из-за бабочки? — закричал Экельс.

Она упала на пол — изящное маленькое создание, способное нарушить равновесие, повалить маленькие костяшки домино... большие костяшки... огромные костяшки, соединенные цепью неисчислимых лет, составляющих Время. Мысли Экельса смешались. *Не может быть, чтобы она что-то изменила.* Мертвая бабочка — и такие последствия? Невозможно!

Его лицо похолодело. Непослушными губами он вымолвил:

— Кто... кто вчера победил на выборах?

Человек за конторкой хихикнул.

— Шутите? Будто не знаете! Дойчер, разумеется. Кто же еще? Уж не этот ли хлюпик, Кейт? Теперь у власти железный человек! — Служащий опешил. — Что это с вами?

Экельс застонал. Он упал на колени. Дрожащие пальцы протянулись к золотистой бабочке.

— Неужели нельзя,— молил он весь мир, себя, служащего, Машину,— вернуть ее туда, оживить ее? Неужели нельзя начать все сначала? Может быть...

Он лежал неподвижно. Лежал, закрыв глаза, дрожа, и ждал. Он отчетливо слышал тяжелое дыхание Тревиса, слышал, как Тревис поднимает ружье и нажимает курок.

И грянул гром.

БУДЕТ ЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

В гостиной говорящие часы пропели: *Тик-так, семь часов, семь утра, вставать пора!* — словно боясь, что их никто не послушает. Объятый утренней тишиной, дом был пуст. Часы продолжали тикать и твердили, твердили свое в пустоту: *Девять минут восьмого, к завтраку все готово, девять минут восьмого!*

На кухне печь сипло вздохнула и исторгла из своего жаркого чрева восемь безупречно поджаренных тостов, восемь глазуний, шестнадцать ломтиков бекона, две чашки кофе и два стакана холодного молока.

— Сегодня в городе Эллендейле, в Калифорнии, четвертое августа две тысячи двадцать шестого года,— произнес другой голос, с потолка кухни. Он трижды повторил число, чтобы запомнили.— Сегодня день рождения мистера Фезерстоуна. Годовщина свадьбы Тилиты. Подошел срок страхового взноса, пора платить за воду, газ, свет.

Где-то в стенах щелкали реле, перед электрическими глазами скользили ленты-памятки.

Восемь одна, тик-так, восемь одна, в школу пора, на работу пора, живо, живо, восемь одна! Но не хлопали двери, и не было мягкой поступи калош по коврам.

На улице шел дождь. Метеокоробка на наружной двери тихо пела: «Дождик, дождик целый день, плащ, галоши ты надень...»

Дождь барабанил по пустому дому.

Во дворе зазвонил гараж, поднимая дверь, за которой стояла наготове автомашина. Подождав, дверь опустилась на место.

В восемь тридцать яичница сморщилась, а тосты стали каменными. Алюминиевая лопаточка сбросила их в раковину, оттуда струя горячей воды увлекла их в металлическую горловину, которая все растворяла и отправляла дальше через канализацию в море. Грязные тарелки нырнули в горячую мойку и вымырнули из нее, сверкая сухим блеском.

Девять пятнадцать, — пропели часы, — *надо уборкой заняться*.

Из нор в стене высыпали крохотные роботы-мыши. Во всех помещениях кишели маленькие суетливые уборщики из металла и резины. Они стукались о кресла, взмахивая косматыми усиками, ерошили ковровый ворс, тихо высасывая скрытые пылинки. Затем исчезли, словно неведомые пришельцы, — юркнули в свои убежища. Их розовые электрические глаза потухли. Дом был чист.

Десять часов. Выглянуло солнце, тесня завесу дождя. Дом стоял одиноко среди развалин и пепла. Во всем городе он один уцелел. Ночью разрушенный город излучал красное радиоактивное сияние, видимое на много миль вокруг.

Десять пятнадцать. Распылители в саду извергли золотистые фонтаны, наполнив ласковый утренний воздух волнами сверкающих водяных бусинок. Вода струилась по оконным стеклам, стекала по обугленной западной стене, на которой совсем не осталось белой краски. Вся западная стена была совершенно черной, если не считать пяти пятен. Тут краска обозначила фигуру мужчины, катящего травяную косилку. Там, точно на фотографии, женщина нагнулась за цветком. Дальше — еще силуэты, выжженные на дереве в один титанический миг... Мальчишка вскинул вверх руки, над ним застыло изображение подброшенного мяча; напротив мальчишки — девочка, ее руки подняты, ловят мяч, который так и не опустился.

Только пять пятен краски — мужчина, женщина, дети, мяч. Все остальное — тонкий слой древесного угля.

Тихий дождь из распылителя наполнил сад падающим светом...

Сколь надежно оберегал дом свой покой вплоть до этого дня! Как осторожно он спрашивал: «Кто там? Пароль!» И не получая нужного ответа от одиноких лис и жалобно мяукающих котов, затворял окна и опускал занавески со щепетильностью старой девы. Самосохранение, граница-

щее с психозом, если у механизмов может быть мания преследования.

Дом вздрагивал от каждого звука. Стоило воробью задеть окно крылом, как тотчас громко щелкала занавеска, и перепуганная птица летела прочь. Никто — даже птица — не смел прикасаться к дому!

Дом был алтарем, перед которым десятки тысяч прихожан, больших и маленьких, хором молились и пели славу. Но боги исчезли, и ритуал продолжался без смысла, без толку.

Двенадцать.

На крыльце у наружной двери заскулил продрогший пес.

Дверь сразу узнала собачий голос и отворилась. Пес, некогда здоровенный, сытый, а теперь кожа да кости, весь в парше, вбежал в дом, печатавая грязные следы. За ним сустились сердитые мыши — сердитые, что их потревожили, что надо снова убирать!

Ведь стоило малейшей былинке проникнуть внутрь сквозь щель под дверью, как стенные панели мигом приподнимались и выскакивали маленькие возмущенные уборщицы. Клочок бумаги, пылинки или волосок, вызвавшие тревогу, исчезали в стенах, пойманные крохотными стальными челюстями. Оттуда по трубам мусор спускался в подвал, в гудящее чрево мусоросжигателя, который злобным демоном притаился в темном углу.

Пес побежал вверх, истерически лая перед каждой дверью, пока не понял — как это уже давно понял дом, — что никого нет, есть только мертвая тишина.

Он принюхался и поскреб кухонную дверь, потом лег возле нее, продолжая нюхать. Там, за дверью, печь пекла блины, от которых по всему дому шел сытный дух и заманчивый запах кленовой патоки.

Собачья пасть наполнилась пеной, в глазах вспыхнуло пламя. Пес вскочил, заметался, кусая себя за хвост, бешено завертелся и умер. Почти час пролежал он в гостинной.

Два часа, — пропел голос.

Учуяв едва приметный запах разложения, с жужжанием выпорхнул из нор полк мышей, легко и стремительно, словно сухие листья перед электрическим веером.

Два пятнадцать.

Пес исчез.

Вдруг ожила печь в подвале, и через дымоход вихрем промчался сноп искр.

Два тридцать пять.

Из стен внутреннего дворика выскочили карточные столы. Игральные карты, мелькая очками, разлетелись по местам. На дубовом прилавке возникли коктейли и сэндвичи с яйцом. Заиграла музыка.

Но столы хранили молчание, и никто не брал карт.

В четыре часа столы, словно огромные бабочки, сложились и вновь ушли в стены.

Половина пятого.

Стены детской комнаты засветились.

Стали появляться животные; желтые жирафы, голубые львы, розовые антилопы, лиловые пантеры скакали в хрустальной толще. Стены были зеркальные, восприимчивые к краскам и игре воображения. Скрытые киноленты заскользили по зубцам с бобины на бобину, и стены ожили. Пол детской колыбался, напоминая волнуемое ветром поле, и по нему бегали алюминиевые тараканы и железные сверчки, а в жарком неподвижном воздухе, в остром запахе звериных следов, порхали бабочки из тончайшей розовой ткани! Слышался звук, как от огромного, копошащегося в черной пустоте кузнечных мехов роя пчел: ленивое мурлыканье сытого льва. Слышался цокот копыт окапи и шум освежающего лесного дождя, шуршащего по хрупким стеблям жухлой травы. Вот стены растаяли, растворились, ушли в необозримые просторы опаленных солнцем лугов и бездонного жаркого неба. Животные рассеялись по колючим зарослям и водоемам.

Время детской передачи.

Пять часов. Ванна наполнилась прозрачной горячей водой.

Шесть, семь, восемь часов. Обеденный сервиз проделал удивительные фокусы, потом что-то щелкнуло в кабинете, и на металлическом штативе возле камина, в котором загорелось уютное пламя, вдруг возникла курящаяся сигара с шапочкой мягкого серого пепла.

Девять часов. Невидимые провода согрели простыни — здесь было холодно по ночам.

Девять ноль пять. В кабинете с потолка донесся голос:

— Миссис Маклеллан, какое стихотворение хотите вы услышать сегодня?

Дом молчал.

Наконец голос сказал:

— Поскольку вы не выразили никакого желания, я беру что-нибудь наудачу.

Зазвучал тихий музыкальный аккомпанемент.

— Сара Тисдейл. Ваше любимое, если не ошибаюсь...

Будет ласковый дождь, будет запах земли,
Щебет юрких стрижей от зари до зари,

И ночные рулады лягушек в прудах,
И цветение слив в белопестинных садах;

Огнерудный комочек слетит на забор,
И малиновки трель выткет звонкий узор,

И никто, и никто не вспомнит войну:
Пережито-забыто, ворошить ни к чему.

И ни птица, ни ива слезы не прольет,
Если сгинет с Земли человеческий род.

И Весна... И Весна встретит новый рассвет,
Не заметив, что нас уже нет.

В камине трепетало, угасая, пламя, сигара осыпалась кучкой немого пепла. Между безмолвных стен стояли одно против другого пустые кресла, играла музыка.

В десять часов наступила агония.

Подул ветер. Сломанный сук, падая с дерева, высадил кухонное окно. Бутылка пятновыводителя разбилась вдребезги о печь. Миг — и вся кухня охвачена огнем!

— Пожар! — слышался крик. Лампы замигали, с потолка, нагнетаемые насосами, хлынули струи воды. Но горячая жидкость растекалась по линолеуму, она просочилась, нырнула под дверь, и уже целый хор подхватил:

— Пожар! Пожар! Пожар!

Дом принял меры, чтобы спастись. Двери плотно затворились, но оконные стекла полопались от жары, и ветер раздувал огонь.

Под натиском огня, десятка миллиардов сердитых искр, которые с яростной непринужденностью летели из комнаты в комнату и неслись вверх по лестнице, дом начал отступать.

Еще из стен, семена, выбегали суетливые водяные крысы, выстреливали водой и возвращались за новым запасом. И стенные огнетушители извергали каскады механического

дождя. Поздно. Где-то с тяжелым вздохом замер, передернув плечами, насос. Прекратился дождь-огнеборец. Иссекла вода в баках, которые много-много дней наполняли ванны и посудомойки.

Огонь скрипел ступеньками. В коридорах вверх он, словно гурман, смаковал картины Пикассо и Матисса, снимая маслянистую шелуху и бережно скручивая холсты черной стружкой.

Он уже добрался до кроватей, скачет по подоконникам, меняет цвет гардин!

Но тут появилось подкрепление.

Из чердачных люков вниз утаивались незрячие лица роботов, изрыгая кранами-ртами зеленые химикалии.

Огонь попятился; даже слон пятится при виде мертвой змеи. А тут по полу хлестало двадцать змей, умерщвляя огонь холодным чистым ядом зеленой пены.

Но огонь был хитер, он послал языки пламени по наружной стене вверх, на чердак, где укрылись насосы. Взрыв! Электронный мозг, управлявший насосами, ослепительной шрапнелью вонзился в балки.

Огонь метнулся назад и обошел все чуланы, щупая висющую там одежду.

Дом содрогнулся, стуча дубовыми костями, его оголенный скелет скорчился от жары, его проволочные нервы обнажились, словно некий хирург снял кожу, чтобы красные сосуды и капилляры трепетали в раскаленном воздухе. Караул, караул! Пожар! Бегите, спасайтесь! Огонь крошил зеркала, как хрупкий зимний лед. А голоса причитали: «Пожар, пожар, бегите, спасайтесь!» Словно печальная детская песенка, которую в двенадцать голосов, кто громче, кто тише, пели умирающие дети, брошенные в глухом лесу. Но голоса один за другим умолкали по мере того, как лопалась, подобно жареным каштанам, изоляция на проводах. Два, три, четыре — пять голосов заглохли.

В детской комнате пламя объяло джунгли. Рычали голубые львы, скакали пурпурные жирафы. Пантеры метались по кругу, поминутно меняя окраску; десять миллионов животных, спасаясь от огня, бежали к кипящей реке вдали...

Еще десяток голосов умер. В последний миг сквозь гул огневой лавины можно было различить хор других, дотоле молчавших голосов, объявлялось время, играла музыка, металась по газону телеуправляемые косилки, обезумевший

зонт прыгал взад-вперед через порог наружной двери, которая непрерывно то затворялась, то отворялась, — одновременно происходила тысяча вещей, как в часовой мастерской, когда множество часов лихорадочно вразнобой отбивают время, царил невообразимый хаос, спаянный в некое единство; крича, распевая, последние мыши-мусорщики храбро выскакивали из нор — расчистить, убрать этот ужасный, отвратительный пепел! А один голос с великолепным пренебрежением к происходящему громко декламировал стихи в пылающей рабочей комнате, пока не сгорели все пленки, не расплавились провода, не рассыпались все схемы.

И наконец пламя взорвало дом, и он рухнул плашмя, разметав каскады дыма и искр.

На кухне за мгновение до огненного ливня можно было видеть, как печь с сумасшедшей скоростью готовила завтраки: десять десятков яиц, шесть жареных буханок, двести ломтей бекона — и все, все пожирал огонь, понуждая задышающуюся печь истерически стряпать еще и еще.

Грохот. Чердак провалился на кухню и в гостиную, гостиная — в цокольный этаж, цокольный этаж — в подвал. Холодильники, кресла, магнитоленты, кровати, провода рухнули вниз обугленными скелетами.

Дым и тишина. Огромные клубы дыма.

На востоке медленно занимался рассвет. Только одна стена осталась стоять среди развалин. Из этой стены говорил последний одинокий голос; солнце уже осветило дымящиеся обломки, а он все твердил:

— Сегодня 5 августа 2026 года, сегодня 5 августа 2026 года, сегодня...

НОЧНАЯ ВСТРЕЧА

Прежде чем ехать дальше в голубые горы, Томас Гомес остановился возле уединенной бензоколонки.

— Не одиноко тебе здесь, папаша? — спросил Томас.

Старик протер тряпкой ветровое стекло небольшого грузовика.

— Ничего.

— А как тебе Марс нравится, старина?

— Здорово. Всегда что-нибудь новое. Когда я в прош-

лом году попал сюда, то первым делом сказал себе: вперед не загадывать, ничего не требовать, ничему не удивляться. Землю забыть, все, что было, забыть. Мы должны привыкнуть к здешним условиям, понимать, что здесь все не так. Да одна только здешняя погода — это же настоящий цирк. Это марсианская погода. Днем жарища адская, ночью адский холод. А сколько удовольствия я получаю от необычных цветов, необычного дождя! Я ведь сюда приехал на покой, задумал дожить жизнь в таком месте, где все иначе. Это же очень важно старому человеку, переменить обстановку. Молодежи с ним говорить недосуг, другие старики ему осточертели. Вот я и смекнул, что самое подходящее для меня — такое необычное место, что только не ленись смотреть, все тебе развлечения тут. Устроился вот на этой бензоколонке. Станет чересчур хлопотно, снимусь отсюда и переберусь на какое-нибудь старое шоссе, не такое оживленное, чтобы зарабатывать достаточно на жизнь, и еще оставалось бы время примечать, до чего же здесь все не так.

— Верно смекнул, папаша, — сказал Томас; его смуглые руки лежали, отдыхая, на баранке. У него было отличное настроение. Десять дней кряду он работал в одном из новых поселений, теперь получил два выходных и ехал на праздник.

— Я больше ничему, никогда не удивляюсь, — продолжал старик. — Гляжу, и только. Наблюдаю, и все тут. Если тебе Марс, как он есть, не в жилу, отправляйся лучше обратно на Землю. Здесь все шиворот-навыворот: почва, воздух, каналы, туземцы (я еще ни одного не видел, но говорят, они тут где-то бродят), часы. Мои часы — и те чудят. Здесь даже время шиворот-навыворот. Иной раз мне сдается, что я один-одинешенек, на всей этой проклятой планете больше ни души. Хоть об заклад бейся. А иногда чувствую себя восьмилетним мальчишкой, сам махонький, а все кругом здоровенно! Видит бог, самое подходящее место для старого человека. Я все время бодр и все время счастлив. Знаешь, что такое Марс? Он смахивает на вещь, которую мне подарили на рождество семьдесят лет назад. Не знаю, держал ли ты в руках такую штуку: их калейдоскопами называют, внутри осколки хрусталя, лоскутки, бусинки, всякая мишура... А поглядишь сквозь нее на солнце — дух захватывает! Сколько узоров! Так вот, это и есть Марс. Наслаждайся им и не требуй от него,

чтобы он был другим. Господи, да знаешь ли ты, что вот это самое шоссе проложено марсианами больше шестнадцати веков назад,— а в полном порядке! Гони доллар и пятьдесят центов, спасибо, спокойной ночи.

Томас покатил по древнему шоссе, тихонько посмеиваясь.

Это был долгий путь через горы, сквозь тьму, и он держал баранку, иногда опуская руку в корзинку с припасами и доставая оттуда леденец. Прошло уже больше часа непрерывной езды, и ни одной встречной машины, ни одного стонка, только лента дороги внизу, гул и рокот мотора, и Марс кругом, тихий, безмолвный. Марс всегда был тихим, но в эту ночь тише, чем когда-либо. Мимо Томага скользили пустыни и высохшие моря и устремленные к звездам вершины.

Нынче ночью в воздухе пахло Временем. Он улыбнулся, оценивая этот образ. В самом деле: чем пахнет Время? Пылью, часами, человеком. А хочешь знать, какое оно — Время то есть — на слух, так оно вроде воды, струящейся в темной пещере, вроде зовущих голосов, вроде шороха земли, что сыплется на крышку пустого ящика, вроде дождя. Пойдем еще дальше, спросим, как *выглядит* Время? Оно точно снег, бесшумно ныряющий в черный колодезь, или старинный немой фильм, в котором сто миллиардов лиц, как новогодние шары, падают вниз, падают в ничто. Вот, чем пахнет Время, и вот какое оно на вид и на слух. А нынче ночью — Томас высунул руку в боковое окошко — нынче так и кажется, что его можно даже *пощупать*.

Он вел грузовик в горах Времени. Что-то кольнуло шею, и Томас выпрямился, внимательно глядя вперед.

Он въехал в маленький мертвый марсианский городок, выключил мотор и окунулся в окружающее его безмолвие. Затаив дыхание, он смотрел из кабины на залитые луной белые здания, в которых уже много веков никто не жил. Великолепные, безупречные здания, пусть разрушенные, но все равно великолепные.

Включив мотор, Томас проехал еще милю-другую, потом снова остановился, вылез, захватив свою корзину, и прошел на бугор, откуда можно было окинуть взглядом занесенный пылью город. Открыл термос и налил себе чашечку кофе. Мимо пролетела ночная птица. На душе у него было хорошо и спокойно.

Минут пять спустя Томас услышал какой-то звук. Вверху, там, где древнее шоссе терялось за поворотом, он приметил какое-то движение, тусклый свет, затем донесся слабый рокот.

Томас медленно повернулся, держа чашку в руке.

С гор опускалось нечто удивительное.

Это была машина, с виду — желто-зеленое насекомое богомол, который плавно рассекал холодный воздух, весь в мерцающих зеленых бриллиантах, с многофасетными глазами переливающихся красных рубинов. Шесть ног «богомолы» ступали по древнему шоссе тихо, как моросящий дождь, а со спины машины на Томаса глазами цвета расплавленного золота глядел марсианин, глядел, будто в колодезь.

Томас поднял руку и мысленно уже крикнул: «Привет!» — но губы его не раскрылись. Потому что это действительно был марсианин. Но Томас плавал на Земле в голубых реках, вдоль которых шли незнакомые люди, вместе с чужими людьми ел в чужих домах, и всегда его лучшим оружием была улыбка. Он не носил с собой пистолета. И сейчас Томас не чувствовал в нем нужды, хотя по спине бежали мурашки.

У марсианина тоже ничего не было в руках. Секунду они смотрели друг на друга сквозь прохладный воздух.

Первым решился Томас.

— Привет! — сказал он.

— Привет! — сказал марсианин на своем языке.

Они не поняли друг друга.

— Вы сказали «здравствуйте»? — спросили оба одновременно.

— Что вы сказали? — продолжали они, каждый на своем языке.

Оба нахмурились.

— Вы кто? — спросил Томас по-английски.

— Что вы здесь делаете? — произнесли губы чужака по-марсиански.

— Куда вы едете? — спросили оба с озадаченным видом.

— Меня зовут Томас Гомес.

— Меня зовут Мью Ка.

Ни один не понял другого, но, говоря, каждый коснулся пальцем своей груди, и смысл стал обоим ясен.

Вдруг марсианин рассмеялся.

— Подождите!

Томас ощутил, как что-то коснулось его головы, а ведь никакая рука его не трогала.

— Вот так! — сказал марсианин по-английски. — Теперь дело пойдет лучше!

— Вы так быстро выучили мой язык!?

— Ну что вы, пустяки!

И оба, не зная, что говорить, посмотрели на чашку с горячим кофе в руке Томаса.

— Что-нибудь не так? — спросил марсианин, глядя на него и на кофе. Что он подразумевал?

— Выпете чашечку? — предложил Томас.

— Большое спасибо.

Марсианин соскользнул со своей машины.

Вторая чашка наполнилась горячим кофе. Томас подал ее марсианину.

Их руки встретились и, точно туман, вошли одна в другую.

— Господи Иисусе! — воскликнул Томас и выронил чашку.

— Силы небесные! — сказал марсианин на своем языке.

— Видели, что произошло? — прошептали они.

Оба похолодели от испуга.

Марсианин нагнулся за чашкой, но никак не мог ее взять.

— Господи! — ахнул Томас.

— Ну и ну! — марсианин пытался снова и снова. Ничего не получалось. Он выпрямился, подумал, затем отстегнул от пояса нож.

— Эй! — крикнул Томас.

— Вы не поняли, ловите! — сказал марсианин и бросил нож. Томас подставил сложенные вместе ладони. Нож упал сквозь руки на землю. Томас хотел его поднять, но не мог ухватить и, вздрогнув, отпрянул.

Он поглядел на марсианина, стоящего на фоне неба.

— Звезды! — сказал Томас.

— Звезды! — отозвался марсианин, глядя на Томаса.

Сквозь тело марсианина яркие, белые, светили звезды, его плоть была словно расшита ими — так искрятся светящиеся крупинки в фосфоресцирующей оболочке студенистой глубоководной рыбы. Звезды мерцали, точно фиоле-

товые глаза, в груди и в животе марсианина, блистали драгоценностями на его запястьях.

— Я вижу сквозь вас! — сказал Томас.

— И я сквозь вас! — отвечал марсианин, отступая на шаг.

Томас ощутил живое тепло собственного тела и успокоился. «Все в порядке,— подумал он,— я существую».

Марсианин коснулся рукой своего носа, губ.

— Я не бесплотный,— негромко сказал он.— Живой!

Томас озадаченно глядел на него.

— Но если я существую, значит *вы* — мертвый.

— Нет, вы!

— Привидение!

— Призрак!

Они показывали пальцем друг на друга, и звездный свет в их конечностях сверкал и переливался, как острие кинжала, как ледяные сосульки, как светлячки. Они снова проверили свои ощущения, и каждый убедился, что он здоров и охвачен волнением, трепетом, жаром, недоумением, а вот тот, другой, ну, конечно же, тот нереален, тот призрачная призма, ловящая и излучающая свет далеких миров...

«Я пьян,— сказал себе Томас.— Пожалуй, лучше завтра никому не рассказывать про это, ни слова!»

Они стояли на древнем шоссе, и оба не шевелились.

— Откуда вы? — спросил наконец марсианин.

— С Земли.

— Что это такое?

— Там.— Томас кивком указал на небо.

— Давно?

— Мы с год назад прилетели, вы разве не помните?

— Нет.

— А вы все вымерли, почти все. Вас очень мало осталось. Разве вы этого не знаете?

— Это неправда.

— Я вам говорю, вымерли. Я сам видел трупы. Почерневшие тела в комнатах, во всех домах, и все мертвые. Тысячи тел.

— Что за вздор, мы живы!

— Мистер, вы заражены. Странно, что вам это неизвестно. Вы каким-то образом спаслись.

— Я не спасаю, не от чего было спастись. Что вы подразумеваете? Я еду на праздник у канала возле Эниаль-

ских гор. И прошлую ночь был там. Вы разве не видите город? — Марсианин вытянул руку, показывая.

Томас посмотрел и увидел развалины.

— Но ведь этот город мертв уже много тысяч лет!

Марсианин рассмеялся.

— Мертв? Я ночевал там вчера!

— А я его проезжал на той неделе, и на позапрошлой неделе, и вот только что, там одни развалины! Видите разбитые колонны?

— Разбитые? Я их отлично вижу в свете луны. Прямые, стройные колонны.

— На улицах ничего, кроме пыли, — сказал Томас.

— Улицы чистые!

— Каналы давно высохли, они пусты.

— Каналы полны лавандовой воды!

— Город мертв.

— Город жив! — возразил марсианин, смеясь еще громче. — Вы решительно ошибаетесь. Видите, сколько карнавальных огней? Чудесные лодки — стройные, как женщины; красивые женщины — стройные, как лодки; женщины цвета песка, женщины с огненными цветками в руках. Я их вижу, вижу, как они бегают вон там, по улицам, такие маленькие отсюда. И я туда еду, на праздник, мы будем всю ночь кататься на лодках, будем петь, пить, любить. Неужели вы не видите?

— Мистер, этот город мертв, как высохшая ящерица. Спросите любого из наших. Что до меня, то я еду в Грин Сити — новое поселение на Иллинойском шоссе, мы его совсем недавно заложили. А вы что-то напутали. Мы доставили сюда миллион квадратных футов досок, лучшего орегонского леса, несколько десятков тонн добрых стальных гвоздей и отгрохали два поселка — глаз не оторвешь. Как раз сегодня spryskivaem один из них. С Земли прилетает несколько ракет с нашими женами и невестами. Будут народные пляски, виски...

Марсианин встревожился.

— Вы говорите — в той стороне?

— А вон и ракеты. — Томас подвел его к краю бугра и показал вниз. — Видите?

— Нет.

— Да вон же, вон, черт возьми! Такие длинные, серебристые штуки.

— Не вижу.

Теперь рассмеялся Томас.

— Да вы ослепли!

— У меня отличное зрение. Это вы не видите.

— Ну хорошо, а новый поселок вы видите? Или тоже нет?

— Ничего не вижу, кроме океана — и как раз сейчас отлив.

— Уважаемый, этот океан испарился сорок веков тому назад.

— Ну знаете, это уж чересчур.

— Но это правда, уверяю вас!

Лицо марсианина стало очень серьезным.

— Пойдите. Вы в самом деле не видите города, как я его вам описал? Белые-белые колонны, изящные лодки, праздничные огни — я их так отчетливо вижу! Вслушайтесь! Я даже слышу, как там поют. Не такое уж большое расстояние.

Томас прислушался и покачал головой.

— Нет.

— А я,— продолжал марсианин,— не вижу того, что описываете вы. Н-да...

Они снова зябко вздрогнули, точно их плоть пронизало ледяными иглами.

— А может быть?..

— Что?

— Вы сказали «с неба»?

— С Земли.

— Земля, название, пустой звук...— произнес марсианин.— Но... час назад, когда я ехал через перевал...— Он коснулся своей шеи сзади.— Я ощутил...

— Холод?

— Да.

— И теперь?

— Да, снова холод. Странно. Что-то было со светом, с горами, с дорогой — что-то необычное. И свет, и дорога словно не те, и у меня на мгновение появилось такое чувство, будто я последний из живущих во Вселенной...

— И со мной так было! — воскликнул Томас горячо, как если бы поверял свои мысли близкому старому другу, все больше увлекаясь темой разговора.

Марсианин закрыл глаза, снова открыл их.

248 — Тут может быть только одно объяснение. Все дело во Времени. Да-да. Вы — создание Прошлого!

— Нет, это вы из Прошлого, — сказал землянин, поразмыслив.

— Как вы *уверены*? Вы можете доказать, кто из Прошлого, а кто из Будущего? Какой сейчас год?

— Две тысячи второй!

— Что это говорит *мне*?

Томас подумал и пожал плечами.

— Ничего.

— Все равно что я бы вам сказал, что сейчас 4 462 853 год — какой зры? Слова — ничто, меньше, чем ничто! Где часы, по которым мы бы определили положение звезд?

— Но развалины — доказательство! Они доказывают, что я — Будущее, я жив, а вы мертвы!

— Все мое существо отвергает такую возможность. Мое сердце бьется, желудок требует пищи, рот жаждет воды. Нет, никто из нас ни жив, ни мертв. Впрочем, скорее жив, чем мертв. А еще вернее, мы как бы посередине. Вот: два странника, которые встретились ночью в пути. Два незнакомца, у каждого своя дорога. Вы говорите, развалины?

— Да. Вам страшно?

— Кому захочется увидеть Будущее? И кто его увидит? Человек может лицезреть Прошое, но чтобы... Так вы говорите, колонны *обвалились*? И море высохло, каналы пусты, девушки умерли, цветы завяли? — Марсианин помолчал, но затем снова посмотрел на город. — Но вон же они! Я их вижу. И мне этого достаточно. Они ждут меня, что бы вы ни говорили.

Точно так же ждали Томаса ракеты, и поселок, и женщины с Земли.

— Мы никогда не согласимся друг с другом, — сказал он.

— Согласимся не соглашаться, — предложил марсианин. — Прошое, Будущее — не все ли равно, лишь бы мы оба жили, ведь чему суждено быть, то будет, завтра или через десять тысяч лет. Откуда вы знаете, что эти дворцы — не памятники вашей цивилизации через сто веков? Не знаете. Ну так и не спрашивайте. Однако ночь коротка. Вон рассыпался в небе праздничный фейерверк, взлетели птицы.

Томас протянул руку вперед. Марсианин повторил его жест. Их руки не соприкоснулись — они растворились одна в другой.

— Мы еще встретимся?

— Кто знает? Возможно, когда-нибудь.

— Хотелось бы мне побывать с вами на вашем празднике.

— А мне — попасть в ваш новый поселок, увидеть корабль, о котором вы говорили, увидеть людей, услышать обо всем, что случилось.

— До свидания, — сказал Томас.

— Доброй ночи.

Марсианин молча исчез в горах на своем зеленом металлическом экипаже, землянин развернул свой грузовик и безмолвно повел его в противоположном направлении.

— Господи, что за сон, — вздохнул Томас, держа руки на баранке и думая о ракетах, о женщинах, о крепком виски, о вирджинских плясках, о предстоящем веселье.

«Какое странное видение», — мысленно произнес марсианин, прибавляя скорость и думая о празднике, каналах, лодках, золотоглазых женщинах, песнях...

Ночь была темная. Луна зашла. Лишь звезды мерцали над пустым шоссе. Ни звука, ни машины, ни единого живого существа, ничего. И так было до конца этой прохладной темной ночи.

ЗЕЛЕНое УТРО

Когда солнце зашло, он присел возле тропы и приготовил нехитрый ужин; потом, кладя в рот еду и задумчиво жуя, слушал, как потрескивает огонь. День был похож на тридцать других: с утра пораньше вырыть побольше аккуратных ямок, потом сыпать в них семена и носить воду из грозных каналов. Сейчас, скованный свинцовой усталостью, он лежал, глядя, как в небе один оттенок темноты сменяется другим.

Его звали Бенджамен Дрисколл, ему был тридцать один год. Он мечтал о том, чтобы весь Марс зазеленел, покрылся высокими деревьями с густой листвой, рождающей воздух, больше воздуха; пусть растут во все времена года, освежают города в душное лето, не пускают зимние ветры. Дерево, чего-чего только оно не может... Оно красит при-

роду, простирает тень, роняет плоды. Или становится царством детских игр — целый небесный мир, где можно лазить, играть, висеть на руках... Средоточие пицци и радости — вот что такое дерево. Но большинство деревьев — это живительный холодок для легких и ласковый шелест для уха, который ночью, когда лежишь в снежно-белой постели, баюкает тебя.

Он лежал и слушал, как темная почва собирается с силами, ожидая солнца, ожидая дождей, которых все нет и нет... Приложив ухо к земле, он слышал поступь грядущих годов и видел — видел, как посаженные сегодня семена брызжут зеленью, как ветка за веткой рвутся к небу, цепляются за него и тянутся ввысь, и весь Марс становится солнечным лесом, светлым фруктовым садом.

Рано утром, едва маленькое бледное солнце всплывет над складками холмов, он встанет, живо проглотит завтрак с дымком, затопчет головешки и выйдет в путь с рюкзаком, выбирая места, копая, сажая семена или саженцы, осторожно уминая землю, поливая — и дальше, насвистывая и глядя в ясное небо, а оно к полудню все ярче и жарче...

— Тебе нужен воздух, — сказал он своему костру. Костер — живой румяный товарищ, который шутливо кусает тебе пальцы, а в прохладные ночи, теплый, дремлет рядом, жуя сонные розовые глаза... — Нам всем нужен воздух. Здесь, на Марсе, воздух редкий. Чуть что, и устал. Все равно, что в Андах, в Южной Америке. Вдохнул и не чувствуешь. Никак не надышишься.

Он тронул грудную клетку. Как она расширилась за тридцать дней! Да, им нужно развивать легкие, чтобы вдохнуть побольше воздуха. Или сажать еще деревья.

— Понял, зачем я здесь? — сказал он. Огонь стрельнул. — В школе нам рассказывали про Джонни Эпилсида. Как он шел через Америку и сажал яблони. А ведь мое дело поважнее. Я сажаю дубы, вязы и клены. Всякие деревья: осины, каштаны и кедры. Я делаю не просто плоды для желудка, а воздух для легких. Только подумать: когда все эти деревья наконец вырастут, сколько-сколько от них будет кислорода!

Вспомнилось прибытие на Марс. Подобно тысяче других, он всматривался в тихое марсианское утро и думал: «Как-то я здесь освоюсь? Что буду делать? Найдется ли работа по мне?»

И потерял сознание.

Кто-то сунул ему под нос пузырек с нашатырным спиртом, он закашлялся и пришел в себя.

— Ничего, оправитесь, — сказал врач.

— А что со мной было?

— Здесь очень редкий воздух. Одни его переносят. А вам, мне кажется, лучше возвратиться на Землю.

— Нет! — Он сел. В тот же миг в глазах у него потемнело, и Марс сделал два оборота у него под ногами. Ноздри расширились, он прииудил легкие пить ничто. — Я свыкнусь. Я останусь здесь!

Его оставили в покое; он лежал, дыша, словно рыба на песке, и думал: «Воздух, воздух, воздух. Они хотят меня отослать из-за воздуха». И он повернула голову, чтобы видеть холмы и равнины Марса. Присмотрелся и сразу заметил: куда ни глянь, сколько ни смотри — ни одного дерева, ни единого. Волнами уходит вдаль черный перегной, а на нем — ничего, ни одной травинки. «Воздух, — думал он, шумно вдыхая бесцветное нечто. — Воздух, воздух...» И на верхушках холмов, на тенистых склонах, даже возле ручья — ни дерева, ни травинки.

Ну конечно!

Ответ родился не в сознании, а в горле, в легких. И мысль, словно глоток чистого кислорода, сразу его взбодрила. Деревья и трава. Он поглядел на свои руки и повернул их ладонями вверх. Он будет сажать траву и деревья. Вот его работа: бороться против того самого, что может ему помешать остаться здесь. Он поведет свою частную, «садовую» войну с Марсом. Древняя марсианская почва... Ее собственные растения прожили столько тысячелетий, что вконец одряхлели. А если посадить новые виды? Земные деревья — ветвистые мимозы, плакучие ивы, магнолии, величественные эвкалипты. Что тогда? Можно лишь гадать, какие минеральные богатства таятся в здешней почве — нетронутые, потому что древние папоротники, цветы, кусты, деревья погибли от изнеможения.

— Я должен встать! — крикнул он. — Мне надо видеть Координатора!

Полдня он и Координатор говорили о том, что растет в зеленом уборе. Пройдут месяцы, если не годы, прежде чем начнутся планомерные посадки. Пока что продовольствие доставляют с Земли замороженным, в летающих

сосульках; лишь несколько общественных садов зеленеют хлореллой.

— Так что пока,— сказал Координатор,— действуйте сами. Добудем семян, сколько можно, кое-какое снаряжение. Сейчас в ракетах плохо с местом. Боюсь, поскольку первые поселения связаны с рудниками, ваш проект зеленых посадок не будет пользоваться успехом...

— Но вы мне разрешите?

Ему разрешили. Выдали мотоцикл, он наполнил багажник семенами и саженцами, выезжал в пустынные долины, оставлял машину и шел пешком, работая.

Это началось тридцать дней назад, и он ни разу не оглянулся. Оглянуться — значит пасть духом: стояла необычно сухая погода, и вряд ли хоть одно семечко проросло. Может быть, битва проиграна? Четыре недели труда — впустую? И он смотрел только вперед, шел вперед по широкой солнечной долине, все дальше от Первого Города, и ждал — ждал, когда же пойдет дождь.

...Он натянул одеяло на плечи; над сухими холмами пухли тучи. Марс непостоянен, как время. Пропеченные солнцем холмы подернулись ночным инеем, а он думал о богатой черной почве — такой черной и блестящей, что она чуть ли не шевелилась в горсти, о жирной почве, из которой могли бы расти могучие, исполинские стебли фасоли, и спелые стручки будут ронять огромные, невообразимые зерна, сотрясающие землю.

Сонный костер укутался пеплом. Воздух дрогнул: вдали прокатилась телега. Гром. Неожиданный запах влаги. «Сегодня ночью,— подумал он и вытянул руку, прощупать, идет ли дождь.— Сегодня ночью».

Что-то тронуло его бровь, и он проснулся.

По носу на губу скатилась влага. Вторая капля ударила в глаз и на миг его затуманила. Третья разбилась о щеку.

Дождь.

Прохладный, ласковый, легкий, он моросил с высокого неба — волшебный эликсир, пахнувший чарами, звездами, воздухом; и он нес с собой острую на вкус пыль, рождая во рту то же ощущение, что старый херес.

Дождь.

Он сел. Одеяло съехало, и по голубой рубашке забегали темные пятна: капли становились крупнее и крупнее. Костер выглядел так, будто по нему, топча огонь, плясал невидимый зверь; и вот остался только сердитый дым. Шел

дождь. Огромный черный свод вдруг треснул, и шесть аспидно-голубых осколков полетели вниз. Он увидел десять миллиардов дождевых кристаллов, они замерли в воздухе ровно на столько времени, сколько было необходимо, чтобы их запечатлел электрический фотограф. И — мрак, вода.

Он промок до костей, но сидел и смеялся, подняв лицо, и капли стучали по векам. Он хлопнул в ладоши, вскочил на ноги и прошелся вокруг своего маленького лагеря; был час ночи.

Дождь лил непрерывно два часа, потом прекратился. Высыпали чисто вымытые звезды, яркие, как никогда.

Бенджамен Дрисколл достал из целлофановой сумки сухую одежду, переоделся, лег и, счастливый, уснул.

Солнце медленно взошло между холмами. Лучи вырвались за ограду, тихо скользнули по земле и разбудили Дрисколла.

Он чуть помешкал, прежде чем встать. Целый месяц, долгий жаркий месяц он работал и ждал, ждал и работал... Но вот он поднялся и впервые стал лицом в ту сторону, откуда пришел.

Утро было зеленое.

Насколько хватал глаз, к небу поднимались деревья. Не одно, не два, не десяток, а все те тысячи, что он посадил, опуская в землю семена и саженцы. И не мелочь какая-нибудь, нет, не поросль, не хрупкие деревца, а мощные стволы, могучие деревья. высотой с дом, зеленые-зеленые, огромные, пышные деревья с отливающей серебром листвой, шелестящие на ветру, длинные ряды деревьев на склонах холмов, лимонные деревья и липы, секвойи и мимозы, дубы и вязы, осины, вишни, клены, ясени, яблони, апельсиновые деревья, эвкалипты — подстегнутые буйным дождем, вскормленные чужой волшебной почвой. На его глазах тянулись новые ветви, лопались новые почки.

— Невероятно! — воскликнул Бенджамен Дрисколл.

Но долина и утро были зеленые.

А воздух!

Отовсюду, словно живой поток, словно горная река, струился свежий воздух, кислород, источаемый зелеными деревьями. Присмотрись, и увидишь, как он переливается в небе хрустальными волнами. Кислород — свежий, чистый, зеленый, прохладный кислород превратил долину в дельту

реки. Еще мгновение, и в поселке распахнутся двери, люди выбегут навстречу чуду, будут его глотать, вдыхать полной грудью, щеки порозовеют, носы озябнут, легкие заново оживут, сердца забьются чаще, и усталые тела полетят в танце.

Бенджамен Дрисколл глубоко-глубоко вдохнул влажный зеленый воздух и потерял сознание.

Прежде чем он очнулся, навстречу золотистому солнцу поднялось еще пять тысяч деревьев.

Е. БРАНДИС,
Вл. ДМИТРЕВСКИЙ

Век нынешний и век грядущий

(Заметки о советской научной фантастике 1962 г.)

1

Года два назад, разговорившись с писателем Д. Граниным, мы были обрадованы, узнав, что он не только интересуется научной фантастикой, но и собирается сам в недалеком будущем выступить в этом жанре. В то время он работал над новым романом. Когда в «Знамени» был опубликован роман «Иду на грозу», герои которого, ученые-физики, пытаются обуздать атмосферное электричество и поставить его на службу людям, мы, по правде сказать, решили, что это и есть то самое обещанное Граниным фантастическое произведение.

В самом деле, если бы мы исходили из печально известных установок фантастики «ближнего прицела», то «Иду на грозу», вещь, отмеченная печатью настоящего литературного таланта и свидетельствующая о научной эрудиции автора, смело могла бы быть названа научно-фантастической. Герои романа живут и действуют в наши дни и решают научную проблему, которая еще недавно показалась бы, пожалуй, не менее фантастической, чем запуск ракеты к Марсу или создание так называемого «игольчатого луча» — квантового генератора.

Однако мы ошиблись. «Иду на грозу» Д. Гранин вовсе

не считает научно-фантастической книгой. И когда один из нас позвонил ему по телефону и задал вопрос:

— А как же, Даниил Александрович, с научно-фантастическим романом? Вы о нем думаете?

— Нет, ответил Гранин, — я его пишу.

На столе перед нами лежит рукопись новой повести другого известного писателя — Геннадия Гора. Она называется «Гости с Уазы». Вы можете подумать, что гости приехали из департамента Сены и Уазы, что находится неподалеку от Парижа? Ничего подобного! Уаза — обитаемая планета с высокой цивилизацией, затерявшаяся в глубине Галактики, и гости, которых ждет Земля, уже приближаются к нашей солнечной системе.

«Гости с Уазы» — третье научно-фантастическое произведение Г. Гора, написанное после повестей «Докучливый собеседник» и «Странник и время». Но ведь еще совсем недавно мы знали Геннадия Гора как автора своеобразных по этнографическому колориту произведений о людях Советского Севера. Мы знали также его как писателя, страстно увлекающегося биологией и физикой и заставляющего героев «Университетской набережной» и «Ошибки профессора Орочева» спорить о самых общих проблемах современной науки.

Почему же Геннадий Гор и другие писатели, которые до недавнего времени относились к научной фантастике, как к литературе «второго сорта», предназначенной лишь для развлечения и просвещения юношества, сами сейчас активно проявляют себя в этом жанре?

Дело в том, что научная фантастика доказала свои поистине неограниченные возможности. Этот вид литературы, а говоря шире — искусства вообще, — избравший своим предметом искания науки, ее преобразующую роль в развитии общества и личности, как нельзя лучше отвечает духовным запросам миллионов, научившихся думать о грядущих судьбах нашей страны и всей планеты.

К этой мысли пришли не только советские, но и прогрессивно мыслящие зарубежные писатели. Известный английский ученый и литератор Артур Кларк при вручении ему в Дели премии Калинги, присуждаемой за лучшие работы в области популяризации науки, заявил: «Научная фантастика содействует распространению космического представления о мире... Такая литература — это прежде всего описание изменений, а изменения — это единственное,

е чем мы можем быть уверены сейчас, в век идущей столь быстрыми темпами научной революции... Она исходит из того, что будущее должно коренным образом отличаться от прошлого, хотя и не пытаются, как часто считают, предсказывать это будущее во всех деталях... Намечая возможные черты будущего наряду с многими невозможными, автор научно-фантастических книг может оказать большую услугу обществу. Он развивает у своих читателей гибкость ума, готовность принять новое и даже приветствовать его».

Нет необходимости снова поднимать набивший оскомину вопрос о пресловутой «специфике жанра». Ясно одно, что писатель-фантаст обязан владеть не только всей палитрой изобразительных средств, то есть быть писателем без скидок, но и свободно ориентироваться в интересующей его научной области. И сама наука в ее непостижимо стремительном развитии подсказывает писателю на каждом шагу «сверхфантастические сюжеты».

«Пройдет совсем немного времени,— пишет в «Литературной газете» член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Сифоров,— и мы сможем установить радиосвязь с обитателями других населенных планет, находящихся в системе дальних звезд. Сможем принять сигналы иных цивилизаций нашими радиотелескопами, сможем вести беседы с неведомыми разумными существами и поддерживать связь с нашими космическими кораблями, пользуясь квантовыми генераторами-лазерами — устройствами, созданными по новому принципу, создающими концентрированные пучки световых волн огромной энергии».

Обратите внимание: «пройдет совсем немного времени...» Ведь это говорит не писатель-фантаст, а ученый, работающий в области точных наук!

Произведения последнего времени позволяют утверждать, что наша научная фантастика «повзрослела», стала более серьезной и широкой по диапазону. Разве проникнутые философской мыслью повести Геннадия Гора, остроумные и парадоксальные рассказы И. Варшавского, по-новому ставящие моральные проблемы последние повести А. Стругацкого и Б. Стругацкого, острые политические памфлеты Л. Лагина и С. Розвала, ошеломляющие воображение кибернетические рассказы А. Днепровца, последователя самых «крайних идей» академика Колмогорова? Разве

еще недавно такие произведения могли бы уместиться на прокрустовом ложе привычных представлений о научной фантастике, как развлекательной литературе для детей?

2

Недавно в Ленинграде гостил известный польский писатель Станислав Лем. Мы с ним много разговаривали о научно-фантастической литературе. Споры велись главным образом о ее назначении и возможностях.

— На мой взгляд,— сказал Лем,— в фантастике существуют три главных направления: роман-мечта, роман-предостережение и социальный роман. Это относится, понятно, не только к романам, но и к произведениям других видов.

— А какое из этих главных направлений вы предпочитаете?

— Самым важным и нужным жанром фантастики, по-моему, является социальный роман, так как наиболее интересны общественные отношения. Причем в выборе сюжета писатель совершенно не ограничен. Это может быть судьба какого-то большого технического открытия, включения людей в космосе или еще что-нибудь. Важно не это. Важно показать моральные или нравственные последствия того или иного действия, осветить вопросы философского и этического характера, сделать попытку разобраться в том, по какому пути идет развитие человеческого общества.

— Это правильно,— сказал один из нас.— Но вот что интересно. Кибернетическая фантастика сильно потеснила космическую. Она, можно сказать, вошла в моду. Вот у вас эмоциональный робот влюбляется в своего создателя. У Геннадия Гора кибернетическая машина ведет философские диспуты. Проблема «человек и машина» поглощает внимание Анатолия Днепрова, Ильи Варшавского. Об американской фантастике и говорить не приходится. Достаточно вспомнить Азимова.

— Лично меня,— ответил Лем,— очень интересует проблема «человек и техника». Хотя слово «раб» — плохое, я бы предпочел в будущем видеть робота-раба, а не робота-брата.

— До сих пор еще многие полагают, что основная задача научной фантастики — предвидеть будущее с возможно большей приближенностью. Мы оба, занимаясь в качестве критиков научной фантастикой, не раз писали в наших статьях, что предвидение в научной фантастике — только частный случай. Ведь точно угадать то, что будет в науке через пятьдесят или сто лет, труднее, чем найти иголку в стоге сена. Иное дело пробудить воображение и заставить мысль работать в нужном направлении. Именно так и говорил Циолковский о романах Жюль Верна. Мы очень ценим «Туманность Андромеды» Ефремова, но вовсе не считаем, да и сам он не считает, что общество будущего будет слепком с Эры Великого Кольца.

— Я согласен с вами, — сказал Лем. — По-моему, незачем пытаться точно предсказывать развитие науки. Это просто невозможно. Мы можем определить лишь общее направление этого движения. Можно сказать, например, что через тысячу лет человечество наверняка станет галактическим фактором, решающим судьбу звездных систем. Но так можно говорить только о наиболее общих закономерностях. О более конкретных вещах, о развитии науки на ближайшие сто-двести лет делать какие-то предсказания совершенно бессмысленно. Разве мог кто-нибудь предвидеть сто или даже пятьдесят лет тому назад появление кибернетики в том виде, в каком она существует сегодня? А сколько еще таких неожиданностей на пути человека! Фантаст не может серьезно говорить о точном облике будущего. По законам общественного развития меняются язык, нравы, отношения между людьми. То, что сегодня мы считаем серьезным и значительным, в будущем может оказаться просто смешным, и наоборот. Максимум, чего можно достичь, — это какого-то отблеска будущих процессов, проложить в будущее очень узкую тропку, и — все. Но это и неважно. Фантаст пишет для современников, людей сегодняшнего дня. И сам он живет сегодня. Призма будущего позволяет с особенной остротой увидеть настоящее, заставляет людей понять свою ответственность и за завтрашний день, и за все дальнейшее развитие человечества. Кстати, я очень люблю гротеск и, как вы знаете, часто пользуюсь этим художественным приемом.

— Но ведь в «Магеллановом облаке» нет даже намека на гротеск?!

— Да, так это не входило в мои задачи. «Магелланово облако» — роман социальный. Я пытался в нем представить себе моральный облик людей будущего, а также показать, какие сложности могут возникнуть при контакте цивилизаций разных звездных систем...

Беседа с Лемом лишней раз утвердила нас в мысли, что современная научная фантастика — явление достаточно сложное и многообразное. Подходить к ней сейчас со старыми мерками нельзя.

3

Человек и машина... Сразу вспоминаются «кибернетические» рассказы Анатолия Днепров «Суэма» и «Крабы идут по острову». Видимо, им было суждено открыть новую страницу в истории советской научной фантастики. Роботы встречались и раньше, но это были скорее заводные куклы, сделанные искусными механиками. Стремительное развитие кибернетики выдвинуло перед писателями-фантастами совершенно новые проблемы. А. Днепров откликнулся на них первым, словно проиллюстрировав тезис Винера о том, какую опасность могут представить самоорганизующиеся машины, если они вырвутся из-под власти человека.

Хотя Днепров продолжает настаивать, что в известных случаях можно создавать художественные произведения с главным героем-машиной или героем-идеей, он в своих последних рассказах основное внимание направил все же на человека, разрабатывал научную тему в психологическом или памфлетном плане («Пятое состояние», «Мир, в котором я исчез»). Очевидно, с ростом писательского мастерства и неизбежным расширением тематики Днепрову становится тесно в бездушном мире кибернетических устройств. Мы не отрицаем, конечно, что иногда «умная» машина может взять на себя функции литературного героя и даже «лирического Я», но частое повторение такого приема ограничивает диапазон и художественные возможности писателя, как бы он ни был талантлив.

Придя в литературу из науки, А. Днепров выдвигает на первый план самые узловые и перспективные вопросы,

находящиеся на стыках физики, кибернетики и биологии. В последних его рассказах преобладает биологическая тема («Фактор времени», «Красная мумия»).

4

Совсем новое имя в научной фантастике — Илья Варшавский. О нем стоит поговорить более подробно. Опытный инженер, работающий на одном из ленинградских заводов, он писал свои короткие фантастические новеллы лишь для «семейного употребления» и рассматривал свое сочинительство как своеобразный «активный отдых» после напряженного рабочего дня. Случилось так, что с рассказами Варшавского познакомились литераторы, после чего несколько рассказов появилось в печати, а «Индекс-Е81», опубликованный в журнале «Техника — молодежи», получил третью премию на Международном конкурсе писателей-фантастов стран социалистического лагеря.

Несмотря на свою литературную молодость, И. Варшавский — писатель, имеющий отчетливо выраженную авторскую индивидуальность. Проявляется она прежде всего в афористичности изложения и иронических интонациях. Каждый рассказ — своеобразная логическая конструкция, доказывающая или опровергающая ту или иную гипотезу. И. Варшавский очень скуп в выборе изобразительных средств, лаконичен, избегает стилистических украшений. Беря за основу какой-то научный тезис, он доводит его до логического конца со всеми последствиями, которые могут показаться даже абсурдными. Так, например, в рассказе «Гомункулус» взбунтовавшийся робот громит магазины, выламывает железные прутья из балюстрады, вносящая окружающим страх и ужас. На робота организуется облава, но когда конструктор в сопровождении милиции врывается в комнату, чтобы обезвредить чудовище, он застаёт своего робота за мирным занятием: мурлыча меланхолическую песенку, он создает из металлических деталей свое подобие. Оказывается, напуганный разговорами с неизбежности смерти, он поспешил заняться «деторождением», раздобыв для этого все необходимые материалы.

В любой новелле И. Варшавского эффект достигается неожиданной концовкой или заключительной ударной фра-

зой, на которой, собственно, и держится весь замысел. Персонажи, как правило, условны и схематичны, но происходит это вовсе не от неумелости автора, а от особенностей его творческой манеры. Ему важнее раскрыть идеи, а не характеры. Поэтому персонажи, часто даже не названные по именам, выполняют чисто служебные функции. Самое ценное в рассказах И. Варшавского — парадоксальные научные идеи и смелые фантастические гипотезы. В научных вопросах он человек вполне компетентный, способный выразить свое собственное отношение к проблемам, волнующим ученых нашего времени. Мы сталкиваемся у него с фантастическими предположениями, вытекающими из новейших гипотез в области биохимии и кибернетики («Красные бусы», «Молекулярное кафе»), с парадоксальными представлениями о разных формах жизни и биологической приспособленности во Вселенной, с сюжетами, основанными на представлениях о «кривизне пространства» и эйнштейновском «парадоксе времени» («Путешествие в Ничто», «Ловушка», «Возвращение»). И. Варшавский не ставит своей целью поучать и популяризировать. Он стремится будить мысль и волновать воображение.

Станислав Лем, познакомившись с рассказами И. Варшавского, высоко их оценил и заметил, что в них сконцентрированы в лапидарной форме все основные проблемы и даже сюжеты, характерные для современной научной фантастики.

5

Мы уже упомянули новые повести Геннадия Гора. Казалось бы, и в них на первом плане модная тема — сосуществование человека и думающей машины. Но в действительности эти произведения гораздо сложнее, так как писатель больше всего занимает философская проблема времени. Все три повести необычны по сюжету и свободны от всякого шаблона. Они насыщены, а местами даже перегружены серьезными рассуждениями о путях развития современной науки, главным образом биологии и кибернетики. Владея приемами многоплановой композиции,

писатель свободно переносит действие из нашей современности в эпоху среднего палеолита, в коммунистическое будущее Земли («Странник и время») и на далекие миры — планету Анеида («Докучливый собеседник») и Уазу («Гости с Уазы»).

В повести «Докучливый собеседник» самое интересное — попытка понять чувства и переживания космического Путешественника, прибывшего на Землю сто тысяч лет назад, взглянуть на мир его глазами, подняться мысленно до уровня его знаний.

Путешественник живет на чужой планете в окружении кибернетических роботов. Один из них — робот Ипс — запечатлевает во всех подробностях для грядущих тысячелетий бытие пещерных людей. Второй робот — «твое Второе Я» — жизненный спутник от рождения и до последних часов жизни каждого человека на планете Анеида, удерживает в своей кибернетической памяти все впечатления постоянно ускользающего времени, чтобы в любую минуту их можно было снова воскресить.

Наиболее сложный и совершенный робот — «Собеседник» или «Анти-Ты», с которым связана центральная идея произведения. Ученый, создавший механического Собеседника, наделил его беспощадным аналитическим «умом». Вместе с огромной эрудицией робот «унаследовал» от своего создателя скептический взгляд на вещи. Он ведет с Путешественником научные и философские споры, доводя его до отчаяния безжалостной, холодной логикой, мефистофелевским нигилизмом и отсутствием каких бы то ни было эмоций.

И тут ставится вопрос о пределах развития кибернетических машин, которые ни при каких обстоятельствах не смогут вытеснить и заменить человека. Мысль гуманистична по своей природе, ибо впечатления бытия необъятны и не могут быть замещены наисовершеннейшей кибернетической памятью. И если даже допустить, что гениальный изобретатель вложил в этого механического Мефистофеля частицу своей сущности, все равно живая человеческая мысль неизмеримо богаче бездушного робота. Так писатель определяет границу, отделяющую возможности живого человеческого мозга от электронной памяти сложнейшей кибернетической машины.

Та же тема получает дальнейшее развитие в повести «Странник и время». Молодой ученый Погодин, согласив-

шись «отдать свою жизнь как бы в долг», подвергается анабиозу, чтобы пробудиться через триста лет. С помощью этого излюбленного фантастами и довольно нехитрого сюжетного хода автор получает возможность показать наше будущее. Но показывает он его не всесторонне, а лишь в тех областях науки, которые его больше всего интересуют. Это прежде всего проблема памяти, которую научились не только кодировать, но и как бы отделять от субъекта, и проблема времени в физическом, философском и моральном аспектах. Люди освободили себя от железного детерминизма времени, и перед ними открылся безграничный простор. Мысль устремляется в бесконечность еще не освоенных миров. Погодина захватывает ритм гармоничного коммунистического бытия. Каждая отдельная личность чувствовала свое постоянное единство, духовную слитность со всем огромным коллективом. Но счастье и для наших отдаленных потомков — не итог, а путь к цели.

«Для литературы будущего,— писал И. Ефремов в статье «Наклонный горизонт», опубликованной в журнале «Вопросы литературы»,— нужна не бесконфликтность, а исследование конфликтов высшего порядка, возникающих у человека, научившегося сочетать свои интересы с интересами государства, отученного от собственности и индивидуалистического (не путать с индивидуальным!) стремления к возвышению себя и привыкшего помогать каждому человеку».

В этом смысле в повестях Г. Гора есть общие черты с «Туманностью Андромеды» И. Ефремова. Он стремится наметить совершенно новые этические проблемы и вытекающие из них конфликты. В повести «Странник и время» один ученый-кибернетик живет идеей создания «эмоциональной сферы», но когда его многолетние опыты в конце концов увенчиваются успехом и ему удается создать не только думающего, но и чувствующего робота, который, по сути дела, уже перестает быть вещью, опыты признаются антигуманными и запрещаются.

Нечто подобное встречаем мы и в третьей повести Г. Гора «Гости с Уазы». Ученым удалось закодировать память умершего человека и воспроизводить ее с помощью особого устройства. Это было величайшим научным достижением. Герой повести, работающий в Институте Памяти, постоянно слышит живой голос давно умершего человека, неустанно рассказывающего о своей внезапно оборвавшейся

жизни, и молодому ученому это кажется настолько бесчеловечным, что он самовольно разрушает механизм отделившейся от субъекта памяти, и отдает себя на суд обществу.

По мнению писателя, безграничное развитие бионики, которая приведет к вторжению в самые сокровенные сферы человеческого бытия, неминуемо вызовет к жизни совершенно новые нравственные проблемы.

6

Аркадий и Борис Стругацкие, начав несколько лет назад творческий путь с довольно обычных для современной фантастики сюжетов о полетах в космос, об освоении планет солнечной системы и создании сложнейших кибернетических устройств («киберы»), с каждой новой вещью расширяют свой диапазон и ставят перед собой все более трудные задачи. Нам кажется, что отправной точкой их творческих исканий служит моральный кодекс строителя коммунизма, сформулированный в Программе КПСС, принятой XXII съездом. Обратим внимание читателей лишь на некоторые идеи, характерные для их последних фантастических повестей «Возвращение (Полдень. 22-й век)» и «Попытка к бегству».

Речь идет о формировании человека будущего. Отдельные черты этого человека писатели находят в наших лучших современниках, и поэтому они вполне сознательно переносят на своих героев, живущих в 22-м веке, многие признаки, свойственные представителям научно-технической интеллигенции наших дней, вплоть до лексики. Поначалу это может вызвать у читателя недоумение и даже чувство протеста, но потом, когда вступишь в динамический ритм повествования, внимание переключается на куда более важные вещи. Как будет вести себя человек, поставленный в чрезвычайно трудные условия? Выдержит ли он проверку делом?

Читатель познакомился с четырьмя подростками из 18-й комнаты Акньюдинской школы. Они, конечно, мечтают о подвигах и, как все мальчишки, убеждены, что именно им предстоит совершить нечто необыкновенное, например,

незамедлительно удрать на Венеру, чтобы принять посильное участие в ее освоении. Но они забыли, что «в мире наибольшим почетом пользуются, как это ни странно, не космолетчики, не глубоководники и даже не таинственные покорители чудовищ — зоопсихологи, а врачи и учителя». Самые даровитые люди владеют именно этими профессиями, потому что здоровье и правильное воспитание человека находятся в центре внимания. Талантливый педагог Тенин, вовремя разгадав замысел своих учеников, осторожно и тактично наталкивает их на другие дела, которые они в состоянии выполнить. И вот они уже выросли, и каждый из них так или иначе находит свое настоящее призвание. Раскрывая жизненные пути своих героев, авторы показывают разные стороны социального устройства, быта и порядков, сложившихся в новом обществе, но при этом в меньшей степени, чем обычно, увлекаются техническими описаниями, перенося центр тяжести на психологию, характеры и взаимоотношения людей.

«Возвращение» — вещь неровная, излишне фрагментарная, она распадается на отдельные малосвязанные между собой эпизоды и по своей направленности занимает в творчестве Стругацких, как нам кажется, переходное положение. Во всяком случае, такое впечатление создается, когда сравниваешь «Возвращение» с новой повестью тех же авторов «Попытка к бегству». Здесь еще более отчетливо и углубленно вырисовываются высокие нравственные качества человека будущего, и авторы как бы отвечают на ими же поставленный вопрос, каким должен быть человек, достойный получить «визу» в коммунизм.

Произведение это сложное по идейному наполнению и написано в форме аллегории. Наш современник, советский офицер Репнин, бежит из фашистского концлагеря. В какой-то момент им овладевает страх, ибо в его «шмайссере» осталась последняя обойма. Вместо того, чтобы выпустить ее по врагам, он... «дезертирует» в будущее. Мы не знаем, то ли он спасовал и остался в лагере, то ли оставил товарищей и бежал один, но во всяком случае, его мучает совесть, и в его воображении возникают картины будущего, которые и составляют содержание повести. Случайно попав на далекую неизученную планету, Саул, он же, Репнин, сталкивается с насилиями, ужасами, концентрационными лагерями, со всей той скверной, которую преодолеvalo человечество на своем многовековом пути

к физической и нравственной свободе. И отношение к тому, что происходит на этой страшной планете, дается как бы в двух планах — с точки зрения Саула, то есть нашего современника, и его спутников, живущих на Земле в эпоху всепланетного коммунизма. И Саул в конце концов приходит к убеждению, что дезертировать в коммунизм нельзя: право войти в коммунизм надо выстрадать, завоевать, хотя бы ценой собственной жизни!

Идея этого сложного и смелого по мысли произведения раскрывается в финале. Заключенный концлагеря Репнин погибает в бою с фашистами, расстреливая последнюю обойму.

7

Георгий Мартынов в своем последнем романе «Гость из бездны» пытается писать «без скидки на возраст», несмотря на то, что его прежние повести и романы «220 дней на звездолете», «Сестра Земли», «Наследство Фаэтонцев», «Каллисто» и «Каллистяне» были предназначены преимущественно для детей. В этом романе повествуется уже не о чужом прекрасном мире, якобы существующем на далекой планете Каллисто, а о Земле эпохи высшего расцвета коммунистических отношений.

В это грядущее, отделенное от нас двумя тысячелетиями, попадает Дмитрий Волгин — человек XX века. Он воскрешен усилиями ученых, рискнувших пойти на грандиозный опыт оживления мумифицированного трупа.

Хотя основное внимание автора сосредоточено на образе Волгина и его внутренней драме (непроходимая пропасть, отделяющая его сознание от могучего разума окружающих его людей), Г. Мартынову на этот раз удалось создать запоминающиеся индивидуализированные характеры наших далеких потомков. В этой книге можно встретить немало надуманных ситуаций, введенных лишь для обострения сюжета, далеко не все научные прогнозы писателя достаточно мотивированы. И все же роман «Гость из бездны» свидетельствует о несомненном творческом развитии писателя и его устойчивом интересе к первостепенной по важности теме социального будущего.

Есть одна разновидность научно-фантастического романа, которая почему-то замалчивается критикой и не получила в нашей литературе широкого распространения. Речь идет о фантастическом романе-памфлете, имеющем свои давние традиции.

В идеологической борьбе сатира — один из самых эффективных видов оружия. В распоряжении писателя-сатирика множество художественных приемов: фантастическая гипербола, ирония, сарказм, пародия, шарж, гротеск. Любые средства хороши, если они позволяют довести идею или образ до большого социального обобщения.

Признанным мастером этого жанра является Лазарь Лагин, использующий фантастическую идею как отправную точку для метких политических разоблачений. Он отталкивается в своих книгах «Остров разочарований», «Атавия Проксима» от общих тенденций социального развития, умышленно опуская исторические подробности. Нас очень обрадовало появление в журнале «Знамя» нового памфлета Л. Лагина «Майор Велл Эндью». Писатель воспользовался необычным приемом, построив эту вещь, как дополнительные главы к «Войне миров» Герберта Уэллса. Речь ведется от имени закоренелого буржуа, майора Велла Эндью, который из ненависти к демократии и простому народу становится пособником инопланетных захватчиков и предателем человечества. Наблюдая за сражением английского крейсера с боевым треножником марсиан, он записывает в своем дневнике: «Как военный и патриот, я не мог не отдать должное мужеству и выдержке прочих офицеров и команды «Сына Грома». Это было высоковольтное зрелище, в сравнении с которым тускнеет подвиг древних героев Фермопильского ущелья. Но как реальному политику, мне было больно видеть, как бесполезно гибнет один из тех кораблей, которые вскоре потребуются нам с марсианами для объединенных и вдохновляющих действий во славу цивилизации и прогресса».

Не так ли в наши дни «реальные политики» Запада, во имя «цивилизации» и «прогресса» толкают мир в бездну термоядерной войны?

В отличие от книг Лагина, романы-памфлеты Сергея Розвала строго документированы. К ним можно было бы составить обширный реальный комментарий.

В XX веке проблемой проблем становится наука, которая в недобрых руках обращается против человечества, служит не созиданию, а разрушению. Этой теме и посвящена диалогия С. Розвала «Лучи жизни» и «Невинные дела».

В основе фантастических событий — реальные факты из истории Соединенных Штатов в годы президентства Трумэна. Слова профессора Чьюза, героя обоих романов, определяют актуальность замысла: «Я верил, еще совсем недавно верил, что наука может принести счастье человечеству. Теперь я понял, как глубоко ошибался. Да, наука может низвести солнце с неба на землю. Но от людей зависит, что сделать с солнцем: взять у него тепло, счастье или сжечь им землю!»

Тема неустанной борьбы за мир и сохранение человечества от самоуничтожения не может быть преходящей в научно-фантастической литературе. Упомянутых книг Л. Лагина, С. Розвала и фантастических повестей-памфлетов Н. Томана, конечно, совершенно недостаточно, чтобы заполнить этот ощутимый пробел в советской научной фантастике.

9

К сожалению, в короткой статье невозможно остановиться на всех заслуживающих рассмотрения произведениях научно-фантастического жанра, вышедших в 1962 году. Нужно было бы отдельно и подробно рассмотреть большой роман Е. Войскунского и И. Лукодянского «Экипаж «Меконга», выход которого ознаменовал появление двух бесспорно талантливых писателей (кстати, их рассказ «Алтырь-камень» получил вторую премию на Международном конкурсе). Нельзя умолчать об остроприключенческом произведении «Гаяна», принадлежащем перу ростовского писателя П. Аматауни, а также о новой книге научно-фантастических повестей и рассказов ленинградца Александра Шалимова «Тайна гремющей расселины». Особую статью следовало бы посвятить рассмотрению лучших рассказов, отмеченных жюри Международного конкурса и напечатанных в журнале «Техника — молодежи». Недостаток места не позволяет нам упомянуть и о других интересных произведениях.

Можно ли назвать прошедший год «урожайным»? Если бы мы присоединили к разобранным или просто упомянутым нами произведениям книги и сборники, вышедшие в республиканских издательствах, а также десятки рассказов, опубликованных журналами «Искатель», «Техника — молодежи», «Знание — сила», «Наука и жизнь» и др., количественный скачок, сделанный за год, бесспорно порадовал бы многочисленных любителей жанра.

Но знаменем 1962 года стал все же не количественный рост научно-фантастических произведений, а возросшее чувство ответственности писателей, редакторов и издателей, благотворно отразившееся на идейно-художественном уровне книг, попадающих в руки читателей. Сравнительно недавно гриф «научная фантастика» мог стать прибежищем для разнузданной халтуры, прорвавшейся через редакторский патруль с паролем «специфика жанра».

Теперь другие времена. Огромный интерес нашего читателя к научно-фантастическим произведениям вызвал нечто похожее на цепную реакцию. Он отбросил в сторону деяг, пытавшихся спекулировать на модном жанре, он заставил писателей-фантастов требовательнее относиться к себе, как бы ощущать постоянный контроль любознательной, чуткой и понимающей аудитории, а редакторов и издателей — решительно пересмотреть скептическое отношение к научно-фантастической литературе. Пример тому серьезная и плодотворная работа, проводящаяся в этом направлении издательством «Молодая гвардия» и Детгизом, планы, намеченные издательством «Знание».

Мы убеждены, что в текущем году отряд писателей-фантастов увеличится, а написанные ими романы, повести и рассказы завоюют миллионы новых читателей — будущих поклонников и знатоков научной фантастики.

СОДЕРЖАНИЕ

КИРИЛЛ АНДРЕЕВ.

Утро новой эры 3

М ЕМЦОВ, Е. ПАРНОВ

Не оставляющий следа 9

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ, БОРИС СТРУГАЦКИЙ.

Далекая Радуга 50

СЕВЕР ГАНСОВСКИЙ.

Новая сигнальная 157

ИЛЬЯ ВАРШАВСКИЙ.

Сиреневая планета 188

Ловушка 193

Возвращение 195

Внук 200

СУС 202

Диктатор 204

Молекулярное Кафе 212

КИРИЛЛ АНДРЕЕВ.

Фантастика Рея Бредбери 216

РЕЙ БРЕДБЕРИ.

И грянул гром 221

Будет ласковый дождь 235

Ночная встреча 241

Зеленое утро 250

Е БРАНДИС, ВЛ ДМИТРЕВСКИЙ.

Век нынешний и век грядущий 256

РЕДАКТОР Г. МАЛИНИНА

ОФОРМЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА Н. КАЛИНИНА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР Ю. СОБОЛЕВ

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР Л. АТРОЩЕНКО

КОРРЕКТОРЫ Н. КРАСНОПОЛЬСКАЯ

И З. ПАТЕРЕВСКАЯ

Сдано в набор 30/IV 1963 г. Подписано в печать. 4/IX 1963 г.

Изд. № 117. Бумага 84×108¹/₃₂. Бум. л. 4,45. Печ. л. 8,5.

Условн. печ. л. 13,94. Учетно-изд. л. 15,57. А 07569. **Цена 62 коп.**

Тираж 315 000 экз. (1-й завод I—215 000).

Заказ типографии № 01094.

Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., дом 3/4.

Цена 62 коп.